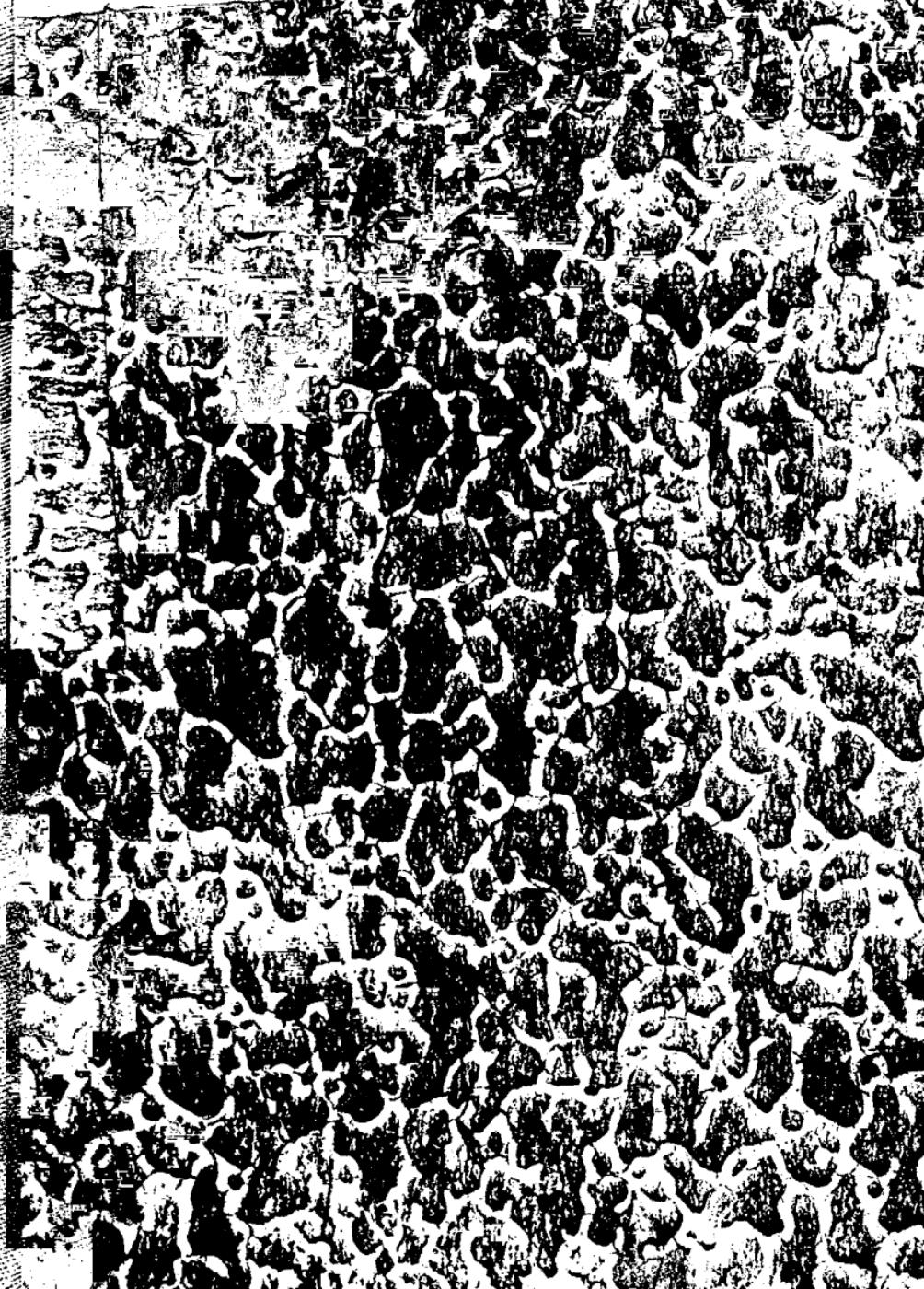

5-28

P102319

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ.

Издание А. А. ПЕТРОВИЧА.

СОЧИНЕНИЯ

К. Н. БАТЮШКОВА.

Съ биографіей и портретомъ К. Н. Батюшкова и критическимъ
очеркомъ академика Л. Н. Майкова.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул. соб. домъ.
МОСКВА—1905.

Дозволено цензурою. Москва, 31 июля 1905 г.

К. Н. Батюшковъ.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ родился въ Вологдѣ 18-го мая 1787 года. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода и былъ сынъ помѣщика Новгородской, Вологодской и Ярославской губерній Николая Львовича Батюшкова, служившаго сперва въ воинной, а потомъ въ гражданской службѣ. Николай Львовичъ былъ женатъ дважды: Константинъ Николаевичъ былъ послѣднимъ изъ дѣтей его отъ первого брака — съ Александрою Григорьевною Бердяевою. Единственный ея сынъ, онъ почти не зналъ своей матери: въ послѣдніе годы жизни она находилась въ душевной болѣзни и скончалась въ то время, когда ребенку не было еще и восьми лѣтъ отъ роду.

Дѣтскіе годы свои Константинъ Николаевичъ провелъ въ родовомъ помѣстїи своего отца, сельцѣ Даниловскомъ (Устюженскаго уѣзда, Новгородской губерніи), еще въ XVI вѣкѣ пожалованномъ одному изъ его предковъ. Здѣсь онъ получилъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своихъ старшихъ сестеръ. Затѣмъ онъ былъ помѣщень въ Петербургѣ въ пансионъ, содержавшійся французомъ Ос. П. Жакино. Это былъ опытный педагогъ, умѣвшій внушить своимъ ученикамъ уваженіе къ себѣ и любовь къ образованію. Курсы учебныхъ предметовъ въ его пансионѣ былъ довольно разнообразенъ и преподавался большею частью на французскомъ языкѣ. Пробывъ въ пансионѣ Жакино около четырехъ лѣтъ, Батюшковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, былъ переведенъ въ другой пансионъ, который содержалъ учитель морского корпуса Ив. Ант. Триполи. Въ его заведеніи учебный курсъ былъ едва ли полнѣе, чѣмъ въ пансионѣ Жакино; зато Батюшковъ и пробылъ здѣсь не болѣе двухъ лѣтъ; въ это время онъ между прочимъ и познакомился съ итальянскимъ языкомъ, занятія которымъ не покидалъ и впослѣдствіи. Еще съ отроческихъ лѣтъ Батюшковъ пополнялъ пробѣлы школьнаго ученія обширнымъ и разнообразнымъ чтеніемъ; въ особенности близко познакомился онъ съ французскою литературой XVII и XVIII вѣковъ.

Батюшковъ оставилъ пансионъ 16-ти лѣтъ. Его первые шаги на самостоятельномъ жизненномъ поприщѣ были направляемы однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени, родственникомъ

и пріятелемъ отца его, Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ, че-
ловѣкомъ высокой души и большого образованія, бывшимъ настав-
никомъ великаго князя Александра Павловича, а съ его воцаре-
ніемъ занявшимъ должность попечителя Московскаго университета
и товарища министра народнаго просвѣщенія. Вліяніе Муравьева
на Батюшкова выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что Кон-
стантинъ Николаевичъ занялся латинскимъ языкомъ (который не
преподавался въ пансионахъ Жакино и Триполи) и познакомился
съ поэзіей классической древности; изъ латинскихъ поэтовъ полю-
билъ онъ въ особенности Горация и Тибулла. Въ домѣ Муравьева,
гдѣ собирались лучшіе писатели того времени, развилась въ Батюшковѣ
любовь къ словесности. Но кромѣ того, общеніе съ Му-
равьевымъ и пребываніе въ его семействѣ воспитали Константина
Николаевича и въ нравственномъ отношеніи: онъ вынесъ отсюда
твърдая, ясно сознанная правила честности, благородства и любви
къ ближнему.

Служебная карьера Батюшкова также началась при ближайшемъ
содѣйствіи его почтеннаго родственника: въ 1802 году Батюшковъ
былъ опредѣленъ на службу въ канцелярію Муравьева письмово-
дителемъ по Московскому университету. Впрочемъ, эта служба мало
привлекала молодого человѣка. Его интересы сосредоточивались въ
области литературы, чemu способствовалъ и составъ его сослужив-
цевъ, между которыми было нѣсколько молодыхъ писателей, а
именно: И. П. Пнинъ, Дм. Ив. Языковъ, Н. И. Гнѣдичъ; этотъ
послѣдній вскорѣ сталъ близкимъ другомъ Константина Нико-
лаевича.

Еще будучи въ пансионѣ Триполи, Батюшковъ сдѣлалъ перес-
водъ на французскій языкъ слова, произнесенные митрополитомъ
Платономъ по случаю коронованія императора Александра, и этотъ
первый литературный опытъ его, былъ тогда же напечатанъ. Къ
1802 году относятся первыя стихотворныя попытки Константина
Николаевича; изъ числа ихъ въ элегіи „Мечта“ уже обнаружива-
ются проблески большого дарованія: юный поэтъ успѣлъ придать
своей пьесѣ тотъ характеръ меланхоліи, который начиналъ въ то
время господствовать въ литературѣ. Элегія эта навсегда осталась
любимымъ произведеніемъ Батюшкова, и онъ неоднократно пере-
дѣлывалъ ее; послѣдняя передѣлка относится къ 1817 году, когда
талантъ его достигъ уже полнаго развитія. Если элегія „Мечта“
отличается меланхолическимъ характеромъ, то другія раннія сти-
хотворенія Батюшкова свидѣтельствуютъ о томъ, что молодая жизнь
его текла мирно и пріятно. Мало отдаваясь службѣ, онъ охотиѣ
дѣлилъ свое время между литературными занятіями и свѣтскими
развлеченіями. Успѣхи словесности возвуждали въ немъ живѣйшій
интересъ, и еще въ то время онъ былъ однимъ изъ горячихъ по-
клонниковъ Озерова, восхищался прозою Карамзина, негодовалъ
на литературное старовѣрство Шилкова и посмѣивался надъ без-
дарными писателями, которымъ покровительствовалъ авторъ книги
„О старомъ и новомъ слогѣ“. Большое вліяніе на Батюшкова ока-
зало также его сближеніе съ извѣстнымъ любителемъ литературы,

искусства и древностей Алексеем Николаевичем Оленинымъ; въ его гостепріимномъ домѣ молодой человѣкъ встрѣчался со многими писателями старого и нового поколѣнія, а бесѣды съ самимъ хозяиномъ были для него такою же школою изящнаго вкуса, какъ общеніе съ М. Н. Муравьевымъ.

Въ концѣ 1806 года, по случаю второй нашей войны съ Наполеономъ, былъ объявленъ манифестъ объ ополченіи; Оленинъ принималъ близкое участіе въ образованіи милиціи и взялъ Батюшкова на службу въ свою канцелярію. Но это было для молодого человѣка только шагомъ для перехода въ военную службу, въ которую онъ рѣшился опредѣлиться, увлекаемый общимъ взрывомъ патріотического воодушевленія. 22-го февраля 1807 года онъ былъ назначенъ сотеннымъ начальникомъ въ Петербургскій милиціонный баталіонъ и вслѣдъ затѣмъ выступилъ въ походъ къ прусской границѣ, предупредивъ своего отца трогательнымъ письмомъ о своемъ рѣшеніи стать въ ряды защитниковъ отечества.

Поэтъ нашъ былъ участникомъ въ двухъ сраженіяхъ съ французами—подъ Гутштадтомъ и подъ Гейльсбергомъ, и въ этой послѣдней битвѣ былъ раненъ въ ногу навылетъ. Его перевезли въ Ригу, где онъ нашелъ гостепріимство въ домѣ богатаго негоціанта Мюгеля. Пребываніе здѣсь Батюшкова связано съ однимъ важнымъ обстоятельствомъ его жизни: онъ горячо полюбилъ молодую дѣвушку, дочь своего хозяина, и встрѣтилъ взаимность съ ея стороны; любовь эта однако не увѣничалась бракомъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе несогласія Николая Львовича, но оставила глубокій слѣдъ въ душѣ поэта.

Батюшковъ рѣшилъ продолжать военную службу и по окончаніи войны: онъ былъ переведенъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Въ составѣ этого полка онъ въ 1808 и 1809 годахъ участвовалъ въ войнѣ со Швеціей. Въ крупныхъ военныхъ дѣлахъ онъ однако не былъ и находился только въ славномъ зимнемъ походѣ на Аландскіе острова. Продолжительныя стоянки въ глухихъ городахъ Финляндіи нагнали уныніе на душу молодого поэта. Тѣмъ не менѣе пребываніе въ этомъ краю осталось не безъ вліянія на его молодое дарованіе; картины финляндской природы произвели на него сильное впечатлѣніе; онъ представлялись его фантазіи мрачнымъ фономъ, на которомъ рисовались грандіозныя фигуры Оссіановыхъ героевъ. Результатомъ этихъ впечатлѣній была первая прозаическая статья Константина Николаевича — „Отрывокъ изъ писемъ русскаго офицера о Финляндії“.

По окончаніи финляндской кампаніи Батюшковъ получилъ отпускъ и лѣтомъ 1809 года уѣхалъ въ деревню, въ доставшееся ему отъ матери совмѣстно съ сестрами сельцо Хантоново (Череповскаго уѣзда, Новгородской губерніи). Однако, привыкнувъ къ обществу образованныхъ людей столицы, Батюшковъ скоро соскучился въ кругу своихъ провинціальныхъ сосѣдей; онъ былъ добрымъ помѣщикомъ, но хозяйствомъ не занимался и даже не любилъ его. Между тѣмъ воспоминаніе о любви, оставшейся неудовлетворенnoю, не покидало поэта. Такимъ образомъ, деревенское уединеніе

стало для него тягостнымъ. Главнымъ, почти единственнымъ его занятиемъ въ Хантоновѣ была попрежнему литература. Батюшковъ зачитывался Гораціемъ и Тибулломъ, Вольтеромъ и Парни, кото-раго особенно любилъ. Подъ вліяніемъ этихъ писателей онъ обратился къ такъ называемой въ старину „легкой поэзіи“, къ антологическому роду. Кромѣ того, онъ переводилъ отрывки изъ Тас-сова „Освобожденного Иерусалима“ и написалъ шуточное стихотвореніе „Видѣніе на берегахъ Леты“, въ которомъ осмѣялъ бездарныхъ писателей старой школы, преимущественно Шишковскаго лагеря. Списокъ этой сатиры, посланный Батюшковымъ къ Гнѣ-дичу въ Петербургъ, пошелъ здѣсь по рукамъ, и насмѣшки остроумаго поэта нажили ему много литературныхъ враговъ.

Въ концѣ 1809 года Константина Николаевича получилъ письмо отъ вдовы М. Н. Муравьевы, Екатерины Федоровны, съ настоятельнымъ приглашеніемъ посѣтить ее въ Москвѣ, куда она переселилась по смерти мужа. Это приглашеніе было слишкомъ соблазнительно для скучавшаго молодого человѣка, и онъ рѣшился ему послѣдовать. Въ Москвѣ Батюшковъ встрѣтился со своимъ сослуживцемъ и близкимъ пріятелемъ И. А. Петинымъ, съ которымъ совершилъ Прусскую и Финляндскую кампаниі, и пріобрѣлъ много новыхъ знакомствъ среди людей, жившихъ главнымъ образомъ литературными интересами, а именно: съ Н. М. Карамзінымъ, М. Тр. Каченовскимъ, В. Л. Пушкинымъ, княземъ П. Андр. Вяземскимъ и В. Андр. Жуковскимъ. Тѣсная дружба вскорѣ связала нашего поэта съ двумя послѣдними и уже не прерывалась въ теченіе всей его жизни. Дружба эта окончательно опредѣлила литературныя симпатіи Константина Николаевича, и прежде склонявшіяся на сто-рону новой литературной школы.

Весною 1810 года Батюшковъ получилъ отставку изъ полка, а на лѣто возвратился въ Хантоново. Здѣсь опять началось для него тоскливо одиночество, едва скрашиваемое краткими періодами поэтическаго вдохновенія. Въ особенности тревожила его мысль объ устройствѣ своей будущности. Ему очень не хотѣлось пожертвовать своею независимостью, а между тѣмъ ограниченность его средствъ, при неумѣніи вести хозяйство и увеличивать доходы съ имѣнія, заставляла его думать о поступлѣніи снова на службу. Въ этомъ раздумьи прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ началѣ 1811 года Батюшковъ снова отправился въ Москву, чтобы освѣжиться отъ томившихъ его заботъ въ обществѣ тамошнихъ своихъ друзей. На этотъ разъ кругъ его московскихъ зна-комыхъ еще болѣе расширился; въ числѣ ихъ самыи пріятныи для нашего поэта было знакомство съ одною умною и образован-ною дамой, Еленой Григорьевной Пушкиной. Памятникомъ ихъ дружбы остается слѣдующій небольшой отрывокъ, въ которомъ Елена Григорьевна набросала прекрасную его характеристику: „Батюшковъ былъ небольшого роста; у него были высокія плечи, впалая грудь, русые волосы, выющіеся отъ природы, голубые глаза и томный взоръ. Оттѣнокъ меланхоліи во всѣхъ чертахъ его лица соотвѣтствовалъ его блѣдности и мягкости его голоса, и это при-

давало всей его физиономии какое-то неуловимое выражение. Онъ обладалъ поэтическимъ воображениемъ; еще болѣе поэзіи было въ его душѣ. Онъ былъ энтузиастъ всего прекраснаго. Всѣ добродѣтели казались ему достижимыми. Дружба была его кумиромъ, безкорыстие и честность -- отличительными чертами его характера. Когда онъ говорилъ, черты лица его и движенія оживлялись, вдохновеніе свѣтилось въ его глазахъ. Свободная, изящная и чистая рѣчъ придавала большую прелесть его бесѣдѣ. Увлекаясь своимъ воображениемъ, онъ часто развивалъ софизмы и, если не всегда успѣвалъ убѣдить, то все же не возбуждалъ раздраженія въ собесѣдникѣ, потому что глубоко прочувствованное увлеченіе всегда извинительно само по себѣ и располагаетъ къ снисхожденію. Я любила его бесѣду и еще болѣе любила его молчаніе. Сколько разъ находила я удовольствіе въ томъ, чтобы угадывать и мимолетную мысль его, и чувство, наполнявшее его душу въ то время, когда онъ казался погруженнымъ въ молчаніе. Рѣдко ошибалась я въ этихъ слушаяхъ. Тайное сочувствіе открывало мое сердцу все то, что происходило въ его душѣ. Это сочувствіе установило между нами короткость съ первыхъ дней нашего знакомства...“ Елена Григорьевна сохранила дружбу къ Константину Николаевичу навсегда и имѣла горькое утѣшеніе заботиться о немъ даже въ дни его тяжкой болѣзни, наполнившей собою вторую половину его жизни.

На лѣто 1811 года Константина Николаевича опять возвратился въ деревню, прожилъ здѣсь до начала слѣдующаго года и, наконецъ, въ началѣ 1812 рѣшилсяѣхать въ Петербургъ искать счастія. На этотъ разъ попытки молодого поэта оказались не безплодными: благодаря содѣйствію Ал. Н. Оленина, онъ получилъ мѣсто помощника хранителя манускриптовъ въ Императорской Публичной библіотекѣ и такимъ образомъ сдѣлался сослуживцемъ такихъ людей, какъ С. С. Уваровъ, Ив. Андр. Крыловъ и старый его пріятель Гнѣдичъ. Переселеніе въ Петербургъ, разумѣется, опять повлекло за собою новыя знакомства: такъ, Батюшковъ познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, тогдашнимъ министромъ юстиціи, сблизился съ молодыми поборниками литературныхъ реформъ Карамзина — Дм. Н. Блудовымъ и Дм. В. Дашковымъ, возобновилъ пріятельскія отношенія къ Ал. Ив. Тургеневу и т. д. Однако симпатіи поэта попрежнему влекли его къ московскимъ друзьямъ, и онъ вѣль дѣятельную переписку съ Жуковскимъ и Вяземскимъ, обмѣниваясь съ ними мыслями и сообщая имъ хронику петербургской литературной жизни. Эти письма Константина Николаевича, точно такъ же, какъ и письма его изъ деревни и Москвы къ Гнѣдичу, чрезвычайно любопытны по открыенному выраженію мнѣній нашего поэта о современной ему словесности; вводя настъ въ интимный кругъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, они составляютъ драгоценный матеріалъ для знакомства съ умственнымъ движениемъ образованнаго русскаго общества въ періодъ борьбы шишковистовъ и карамзинистовъ.

Въ Петербургѣ застали Батюшкова грозныя событія великой борьбы

сь Наполеономъ. Какъ въ 1807 году патріотическое воодушевление увлекло его въ военную службу, такъ и теперь онъ не хотѣлъ оставаться безучастнымъ зрителемъ наступавшихъ событій. Еще въ іюлѣ мѣсяца 1812 года онъ, по примѣру Жуковскаго и Вяземскаго, порывался вступить въ ряды русскаго войска, но болѣзнь и стѣсненія материальныя обстоятельства помѣшили ему исполнить это намѣреніе. Между тѣмъ онъ получилъ извѣстіе, что жившая въ Москвѣ Ек. Ф. Муравьевъ находится въ тревогѣ по случаю приближенія непріятельской арміи. Батюшковъ поспѣшилъ къ ней на помощь и затѣмъ вмѣстѣ съ нею поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, куда бѣжали многіе москвичи. Здѣсь, въ обществѣ Карамзина, Ив. М. Муравьева-Апостола и С. Н. Глинки, Батюшкову пришлось прожить до февраля 1813 года; бесѣды съ этими патріотами въ пору тяжкихъ испытаній и пробужденія народнаго духа имѣли рѣшительное вліяніе на образъ мыслей Батюшкова. Прежде онъ былъ космополитомъ и преклонялся предъ блестящую цивилизаціей Европы. Варварства, сопровождавшія нашествіе Наполеона, пожаръ Москвы, потрясеніе народнаго благосостоянія и общее воодушевленіе Россіи заставили его подумать о томъ, что не все хорошо, что даетъ намъ Западъ, и что много свѣжихъ, здоровыхъ силъ таится въ русскомъ народѣ, много добра скрывается въ его прошломъ и что великія судьбы ожидаютъ Россію въ будущемъ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей въ Константинѣ Николаевичѣ еще упорнѣе проявилось желаніе поступить въ военную службу. Генераль Ал. Н. Бахметевъ, раненый подъ Бородинымъ и пріѣхавшій въ Нижній-Новгородъ для лѣченія, предложилъ поэту занять должность адъютанта при немъ. Батюшковъ, разумѣется, согласился; но болѣзнь Бахметева затянулась: онъ не могъ отправиться въ дѣйствующую армію и потому отпустилъ Константина Николаевича, снабдивъ его рекомендательнымъ письмомъ къ извѣстному генералу Н. Н. Раевскому.

Въ февралѣ 1813 года Батюшковъ прибылъ въ Петербургъ, но только въ іюлѣ могъ отправиться вслѣдъ за русскою арміей, уже сражавшееся съ французскими войсками въ Германіи. Въ Дрезденѣ Константинѣ Николаевичѣ нагналъ Н. Н. Раевскаго, который и зачислилъ его въ свой штабъ. Вскорѣ Батюшковъ пріобрѣлъ его расположеніе, оставался при Раевскомъ въ теченіе всей кампаніи 1813 и 1814 годовъ и неоднократно бывалъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ бою; между прочимъ онъ участвовалъ въ знаменитой битвѣ подъ Лейпцигомъ, въ которой былъ раненъ Раевскій и убить одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей нашего поэта, Петинъ. Въ свитѣ своего генерала Батюшковъ вступилъ въ Парижъ 19-го марта 1814 года.

Пребываніе въ Германіи и Франціи оказалось большое вліяніе на общее художественное развитіе нашего поэта. Въ Германіи онъ научился цѣнить немецкую литературу въ произведеніяхъ Шиллера. Во Франціи, несмотря на враждебное чувство къ французамъ, вызванное современными событіями, онъ не могъ не оцѣнить по достоинству высокаго развитія французской культуры. Онъ любо-

вался кишуцею жизнью столицы Франції, посѣщалъ парижскіе театры и музеи, присутствовалъ между прочимъ въ томъ знаменитомъ засѣданіи Французской академіи, гдѣ былъ императоръ Александръ и гдѣ Вильменъ говорилъ ему привѣтствіе и читалъ при немъ отрывки изъ своего сочиненія о критикѣ. Художественныя сокровища Парижа привлекли къ себѣ особенное вниманіе Батюшкова, тѣмъ болѣе, что въ то время въ Луврѣ сосредоточивались знаменитыя произведенія искусства, не только накопленныя французскими королями въ теченіе многихъ столѣтій, но и вновь вывезенные Наполеономъ изъ другихъ столицъ въ качествѣ военной добычи.

Изъ Парижа Батюшковъ черезъ Англію и Швецію возвратился въ Петербургъ лѣтомъ 1814 года. Плодомъ этого путешествія были между прочимъ два извѣстныя его стихотворенія: „Тѣнь друга“ и „На развалинахъ замка въ Швеціи“, и прозаическая статья „Поѣздка въ замокъ Сирей“. Въ Парижѣ онъ написалъ также, по словамъ князя Вяземскаго, „прекрасное четверостишіе, въ которомъ, обращаясь къ императору Александру, говорилъ, что послѣ окончанія славной войны, освободившей Европу, призванъ онъ Провидѣніемъ доверить славу свою и обезсмертить свое царствованіе освобожденіемъ русскаго народа“. Къ сожалѣнію, стихи эти не сохранились. Многочисленныя и прекрасныя письма, которыя Батюшковъ писалъ друзьямъ во время своего пребыванія за границей, свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ вдохновленіи, съ которымъ онъ совершалъ славный походъ, и о тѣхъ живыхъ впечатлѣніяхъ, которыя онъ вынесъ изъ своего непосредственнаго соприкосновенія съ зреюю образованностью Западной Европы въ главныхъ ея центрахъ.

По пріѣздѣ Батюшкова въ Петербургъ ему представилась возможность принять участіе въ торжественномъ пріемѣ, встрѣтившемъ побѣдоноснаго монарха при его возвращеніи въ отчество. Устройство этого празднества въ Павловскѣ возложено было императрицей Маріей Феодоровной на Юр. Ал. Нелединскаго-Мелецкаго, а послѣдній поручилъ Батюшкову сочиненіе хоровъ и лирическихъ сценъ, которыя предполагалось исполнить по прибытіи государя въ Павловскъ. Императрица Марія Феодоровна осталась довольна трудами поэта и пожаловала ему брильянтовый перстень, который онъ немедленно отоспалъ своей младшей сестрѣ.

Батюшковъ прожилъ въ Петербургѣ около полугода, и эта эпоха была знаменательнымъ временемъ его жизни во многихъ отношеніяхъ. Рѣзкій переломъ, обнаружившійся въ образѣ его мыслей, долженъ былъ отразиться и на его литературной дѣятельности. Онъ желалъ дать своему творчеству болѣе строгій характеръ, въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями внутренняго развитія Россіи, которое, думалъ онъ, должно послѣдовать послѣ замиренія Европы. Желая, съ своей стороны, послужить успѣхамъ русскаго просвѣщенія, Батюшковъ принялъ на себя изданіе „Эмиліевыхъ писемъ“, одного изъ лучшихъ произведеній столь уважаемаго имъ покойнаго М. Н. Муравьевъ. Изданію этому онъ предпослалъ ха-

рактеристику автора, какъ писателя и человѣка, и радовался, что С. С. Уваровъ, тогдашній попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, предписалъ распространеніе этой книги въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ другой, тогда же написанной, статьѣ Батюшкова „Прогулка въ Академію художествъ“ мы находимъ замѣчательную оцѣнку тогдашняго состоянія русскаго искусства и горячія пожеланія обѣ его развитія. Подобно Оленину, Муравьеву-Апостолу и Уварову, Батюшковъ думалъ, что основою русскаго просвѣщенія должно быть прочное наслажденіе гуманнаго, классическаго образованія среди русскаго юношества.

Съ другой стороны, пребываніе Батюшкова въ Петербургѣ въ 1814 году связано съ пробужденіемъ въ сердцѣ нашего поэта серьезнаго чувства къ одной молодой девушкѣ, жившей въ домѣ Олениныхъ, Аннѣ Федоровнѣ Фурманѣ, знакомство съ которой относится еще къ періоду до послѣдней кампаниі. Но роковымъ образомъ любовь нашего поэта не встрѣтила желанной взаимности: онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о бракѣ, въ которомъ надѣялся найти счастіе. Тяжкія душевныя страданія Константина Николаевича разрѣшились нервнымъ разстройствомъ и только по прошествіи мѣсяца, благодаря нѣжному уходу Ек. Ф. Муравьевой, онъ поправился и въ концѣ января 1815 года уѣхалъ въ Хантоново.

Кратковременное пребываніе Батюшкова въ деревнѣ, при чемъ онъ посыпалъ отца, не способствовало его душевному успокоенію. Между тѣмъ дѣла службы вызвали его изъ Хантона: онъ долженъ былъ отправиться въ Каменецъ-Подольскъ, къ своему непосредственному начальнику, генералу Бахметеву. Жизнь въ Каменцѣ также не могла залѣчить сердечную рану поэта. Какъ мы видимъ изъ прекрасныхъ стихотвореній, написанныхъ имъ въ этотъ періодъ *), онъ все еще терзался своимъ горемъ; письма изъ Петербурга только раздражали его напоминаніями о пережитомъ разочарованіи. Спасаясь отъ тяжелыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладостныхъ воспоминаній, Батюшковъ ушелъ въ себя и искалъ спасенія въ религіозномъ чувствѣ, до тѣхъ поръ дремавшемъ въ глубинѣ его сердца. Это настроеніе духа поэта выразилось въ стихотвореніи „Надежда“, въ которомъ міровоззрѣніе Батюшкова сближается съ возвышеннымъ религіознымъ направленіемъ Жуковскаго. Къ счастію, переписка съ этимъ благороднымъ другомъ и его нравственное вліяніе ободрили упавшій духъ Батюшкова и возвратили его къ поэзіи, отъ которой онъ готовъ былъ отказаться вмѣстѣ съ утратой надежды на сочувствіе любимой женщины. Тѣмъ не менѣе Батюшковъ чувствовалъ себя въ Каменцѣ удаленнымъ отъ всѣхъ людей, близкихъ ему по образу мыслей и интересамъ, и потому рѣшился оставить и этотъ городъ, и самую службу: въ началѣ 1816 года онъ былъ уже въ Москвѣ.

На этотъ разъ, живя въ древній столицѣ, Батюшковъ уже не увлекался свѣтскими удовольствіями и мирно проводилъ время въ

*) „Таврида“, „Разлука“, „Пробужденіе“, „Воспоминанія“.

кругу немногочисленныхъ друзей. Кромѣ измѣнившагося настроенія поэта, этому способствовало и состояніе его здоровья, заставлявшее его большую часть времени сидѣть дома. Въ апрѣль 1816 года Батюшковъ получилъ, наконецъ, отставку и въ декабрѣ уѣхалъ въ Хантоново, гдѣ и прожилъ до осени 1817 года. Въ бытность свою въ Москвѣ и затѣмъ въ деревнѣ Батюшковъ много занимался литературой. Въ 1816 году имъ написаны двѣ замѣчательныя статьи въ прозѣ: „Вечеръ у Кантемира“ и „Рѣчь о легкой поэзіи“; въ первой онъ проводить параллель между просвѣщеніемъ западной Европы и Россіи и защищаетъ права своего отечества на самостоятельное духовное развитіе; во второй онъ высказываетъ свой взглядъ на тотъ родъ поэзіи, который составлялъ его лучшую славу, то-есть на область интимной лирики. Поэтическое творчество Батюшкова въ это время достигло поры полной зрѣлости: къ 1816 и 1817 годамъ относятся, между прочимъ, его превосходные стихотворенія „Пѣснь Гаральда Смѣлага“, „Гезіодъ и Омиръ соперники“ и „Умирающій Тассъ“. Пьесы эти составляютъ образцы такъ называемой исторической элегіи, а послѣдняя имѣеть вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшее отношеніе къ внутренней жизни самого поэта. Батюшковъ издавна любилъ Тасса и въ его несчастной судьбѣ находилъ сходство съ печальными обстоятельствами своей собственной жизни. Влагая въ уста умирающаго Тасса горькія воспоминанія о прошломъ, въ которомъ онъ былъ

Отъ самой юности игралищемъ людей,

и съ тѣхъ поръ

добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія,

Батюшковъ высказывалъ свои собственныя сѣтованія на счастіе жизни, въ которомъ онъ обманулся такъ жестоко и вынесъ изъ своего опыта одни горькія разочарованія; такимъ образомъ, умирающій Тассъ является воплощеніемъ усталой души самого нашего поэта, обращающей къ Провидѣнію свои послѣднія упованія.

Еще передъ отѣзdomъ изъ Москвы Батюшковъ получилъ отъ одного изъ старыхъ своихъ друзей, Гиѣдича, предложеніе издать собраніе своихъ сочиненій. Живя въ деревнѣ, Константина Николаевичъ усердно занимался подготовленіемъ матеріаловъ для этого сборника, который Гиѣдичъ печаталъ въ Петербургѣ. „Опыты въ стихахъ и прозѣ“ Константина Батюшкова вышли въ свѣтъ осенью 1817 года, и къ этому же времени самъ поэтъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ нашелъ въ сборѣ почти всѣхъ своихъ друзей — Жуковскаго, Тургеневыхъ, Блудова, Уварова, Дацкова и они поспѣшили ввести его въ свой литературный кружокъ „Арзамасъ“, членомъ котораго, подъ именемъ Ахилла, Батюшковъ считался еще съ 1815 года. Арзамасцы въ это время готовились къ изданію журнала; ихъ намѣреніе встрѣтило полное сочувствіе со стороны нашего поэта; для задуманнаго изданія была написана Уваровыми статья „О греческой антологіи“, для которой Батюшковъ сдѣлалъ переводъ нѣсколькихъ пьесъ; переводы эти соста-

вляютъ одно изъ лучшихъ его произведеній. Арзамасскій журналъ однако не состоялся, и статья Уварова, вмѣстѣ со стихами Батюшкова, была издана отдѣльною книжкой только въ 1820 году. Уваровъ въ это время вообще обнаружилъ большое вниманіе и сочувствіе къ Батюшкову; ему, между прочимъ, принадлежѣтъ лучшая изъ критическихъ статей, вызванныхъ въ періодической печати появленіемъ сборника сочиненій Батюшкова; она помѣщена въ издававшейся въ 1817 году въ Петербургѣ французской газетѣ „Le Conservateur impartial“.

Въ числѣ членовъ Арзамаса Батюшковъ нашелъ и молодого Ал. С. Пушкина: восемнадцатилѣтній юноша, онъ уже тогда выдавался своимъ геніальнымъ дарованіемъ, и Константинъ Николаевичъ одинъ изъ первыхъ одѣнилъ его; въ свою очередь и Пушкинъ, нерѣдко подражавшій Батюшкову въ своихъ ранніхъ стихотвореніяхъ, ставилъ его очень высоко и признавалъ себя его ученикомъ. Много лѣтъ спустя А. С. Пушкинъ, говоря о своемъ стихотвореніи „Муза“, выразился слѣдующими знаменательными словами: „Я его люблю: оно отзыается стихами Батюшкова“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ зимою 1817—1818 годовъ Батюшковъ началъ усиленно хлопотать о поступлѣніи въ дипломатическую службу. Въ іюлѣ 1818 года онъ подалъ составленное Жуковскимъ прошеніе на Высочайшее имя и, поручивъ свою судьбу своимъ друзьямъ, въ особенности Ал. Ив. Тургеневу, самъ тѣмъ временемъ поѣхалъ въ Одессу; путешествіе на югъ Россіи Батюшковъ уже давно собирался совершить, чтобы поправить свое разстроенное здоровье морскими купаньями. Онъ остался доволенъ своею поѣздкою на берега Чернаго моря, которые пробудили въ немъ классическія воспоминанія. Но самыя купанья помогали ему мало, и онъ уже собирался переѣхать въ Крымъ, когда получилъ письмо Ал. Ив. Тургенева, извѣщавшее о его назначеніи на службу въ Неаполь. Батюшковъ поспѣшилъ на сѣверъ, проститься съ родными и друзьями, и въ ноябрѣ 1818 года уѣхалъ въ Италію.

Пребываніе поэта въ Италіи продолжалось до мая 1821 года, при чмъ Батюшковъ жилъ преимущественно въ Неаполѣ и Римѣ. Какъ видно изъ писемъ Константина Николаевича, повсюду его занимали главнымъ образомъ историческія воспоминанія; онъ съ увлечениемъ изучалъ древности и художественные памятники Италіи и, какъ самъ говорить, „зналъ наизусть всѣ камни Помпеи“. Въ Римѣ посѣщалъ кругъ молодыхъ русскихъ художниковъ, посланныхъ въ Италію на счетъ нашей Академіи. Присмотрѣвшись къ ихъ быту, онъ въ письмѣ къ Оленину высказалъ даже нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ бы лучше устроить въ Римѣ положеніе академическихъ пенсионеровъ.

Здоровье нашего поэта не поправлялось однако и подъ итальянскимъ небомъ; скуча одиночества, отсутствіе извѣстій изъ Россіи, тоска по родинѣ, все это нагоняло на него хандру, отзывающуюся главнымъ образомъ на его творческихъ способностяхъ. По его собственному сознанію, онъ почувствовалъ, что вовсе не мо-

жеть писать стихи. Ко всему этому присоединились еще непріятности по службѣ, вслѣдствіе которыхъ Батюшковъ оставилъ Неаполь и причислился къ нашей миссіи при папскомъ дворѣ, подъ начальство А. Я. Италинскаго, который принялъ теплое участіе въ судьбѣ поэта. По представлению Италинскаго, въ апрѣль 1821 года Батюшкову было разрѣшено отправиться въ безсрочный отпускъ, которымъ онъ и воспользовался для поѣздки въ Теплицъ на воды.

Уже въ это время въ поступкахъ поэта стала обнаруживаться нѣкоторая странность, предвѣстница тяжелаго недуга, впослѣдствіи окончательно помрачившаго его умъ. Причины этой болѣзни разными лицами объяснялись различно; врачъ, долго пользовавшій Батюшкова, видѣлъ ихъ, съ одной стороны, въ наслѣдственномъ предрасположеніи его къ помѣшательству, съ другой—въ собствѣнномъ душевномъ складѣ поэта, въ которомъ воображеніе рѣшительно господствовало надъ другими душевными способностями.

Осенью 1821 года Батюшковъ въ Дрезденѣ свидѣлся съ Жуковскимъ, который нашелъ его въ удрученномъ состояніи духа и старался ободрить его своими дружескими увѣщаніями. Но попытки эти были тщетны: Батюшковъ дичился людей и говорилъ, что рѣшилъ окончательно бросить поэзію. Жуковскій успѣлъ однако записать съ его словъ стихотвореніе „Изреченіе Мелхиседека“, въ которомъ ярко выражается мрачное настроеніе, овладѣвшее душою нашего поэта. Проведя зиму 1821—1822 годовъ въ Дрезденѣ, Батюшковъ возвратился въ Петербургъ и затѣмъ отправился въ Крымъ и на Кавказъ. Онъ провелъ зиму въ Симферополѣ, и тутъ его душевный недугъ окончательно принялъ рѣзкую форму. Съ большими усилиями удалось довезти больного до Петербурга и сдать его на попеченіе Ек. Ф. Муравьевой. Пріѣхала изъ деревни и сестра поэта, Александра Николаевна, чтобы ухаживать за больнымъ братомъ. Но Константинъ Николаевичъ не хотѣлъ видѣть близкихъ и въ самыхъ преданныхъ ему людяхъ предполагалъ своихъ враговъ и гонителей. Однажды посѣтилъ его князь Вяземскій и, желая развлечь его, спросилъ; не написалъ ли онъ чего новаго? „Чтѣ писать мнѣ и чтѣ говорить о стихахъ моихъ!—отвѣчалъ Батюшковъ.—Я похожъ на человѣка, который не дошелъ до цѣли своей, а несъ онъ на головѣ красивый сосудъ, чѣмъ-то наполненный. Сосудъ сорвался съ головы, упалъ и разбился вдребезги. Поди, узнай теперь, что въ немъ было“.

Въ 1824 году рѣшено было отправить Батюшкова въ Саксонію, въ мѣстечко Зонненштейнъ, гдѣ находилось лѣчебное заведеніе для душевнобольныхъ доктора Пиница. Здѣсь Константинъ Николаевичъ пробылъ четыре года. Въ Зонненштейнѣ навѣщали его сестра Александра Николаевна, Ел. Гр. Пушкина и Жуковскій. Но мало-по-малу выяснилось, что болѣзнь его неизлѣчима. Поэтому больной былъ порученъ попеченіямъ доктора Антона Дитриха, который въ 1828 году доставилъ его въ Москву. Тамъ прожилъ Батюшковъ до 1833 года, когда родные перевезли его въ Вологду, въ семью его племянника Гр. Абр. Гревенса. Съ тѣ-

ченіемъ времени острая форма болѣзни Константина Николаевича миновала: онъ сталъ покоенъ, но полное сознаніе уже не возвращалось къ нему, и до самой смерти своей онъ прожилъ въ отчужденіи отъ того міра высшихъ интересовъ и творчества, для которого былъ рожденъ. Пенсія, дарованная ему императоромъ Николаемъ, не прекращалась до конца его жизни. Батюшковъ скончался въ Вологдѣ 7-го юля 1855 года и погребенъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ пяти верстахъ отъ этого города.

О сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова.

(ОЧЕРКЪ Л. Н. МАЙКОВА.)

Батюшковъ пережилъ большую часть своихъ сверстниковъ на поприщѣ словесности; но остановленій въ своемъ развитіи тяжкимъ недугомъ, онъ прекратилъ литературную дѣятельность раньше всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ вмѣстѣ началъ ее. Въ тридцати четырехъ лѣтній періодъ его душевной болѣзни русская литература совершенно преобразилась; первые дѣйствительные успѣхи того славнаго генія, которому она обязана этимъ переворотомъ, совпадаютъ съ концомъ творческой жизни Батюшкова. Въ этомъ случайному совпаденіи есть однако тѣсная внутренняя связь: Батюшковъ былъ ближайшимъ предшественникомъ Пушкина въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Совершенство пушкинского стиха было подготовлено мастерскимъ стихомъ Батюшкова. Скажемъ болѣе: не равняя дарованія обоихъ поэтовъ, нельзя не признать нѣкоторыхъ общихъ чертъ въ характерѣ ихъ творчества. „Пушкинъ, — говорятъ намъ, — внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи... Пушкинъ... впервые въ исторіи нашего умственного образования коснулся того, что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуального, личного существованія. Русское слово, въ лицѣ Пушкина, нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ“. Но еще до Пушкина Жуковскій и Батюшковъ выходили уже на тотъ путь, по которому такъ болѣдоносно прошелъ онъ. Оба они также стремились освободить нашу поэзію отъ вліянія школы, и оба не безъ успѣха. Вспомнимъ, что нѣкоторые мотивы поэзіи Жуковскаго, его романтическій идеализмъ увлекали читателей довольно долго даже и въ Пушкинскій періодъ. Но Жуковскій въ своемъ творчествѣ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ Батюшковъ: міросозерцаніе Жуковскаго, очень рано сложившееся, очень опредѣленное въ своемъ содержаніи, слишкомъ отзывалось своимъ происхожденіемъ съ чужой почвы. У Батюшкова нѣтъ такой цѣльности міросозерцанія; въ немъ, въ извѣстную пору, видѣнъ крутої поворотъ поэтической мысли; но самое это развитіе свидѣтельствуетъ о большей самобытности и

большей силы его таланта. Батюшковъ, какъ позже Пушкинъ, стремился найти основу для своего творчества въ дѣйствительности, въ непосредственномъ кругѣ своихъ впечатлѣй. Свойство его таланта было исключительно лирическое, и въ этомъ заключается и слабость его, и сила: слабость—потому, что лирическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности не исчерпывается возсозданіе жизни въ поэзіи; сила—потому, что въ сферѣ лирики онъ сумѣлъ коснуться самыхъ глубокихъ, самыхъ чувствительныхъ струнъ сердца; сила его таланта сказалась и въ его объективности: поэтъ, раскрывшій намъ тайну своего разочарованія въ элегіяхъ 1815 года и въ „Умирающемъ Тассѣ“, могъ въ то же время проникнуться свѣтлымъ міросозерцаніемъ древности и написать „Вакханку“ и подражанія греческой антологіи.

Говоря, что поэзія Батюшкова „почти лишена содерянія“ и что она „безлична въ смыслѣ народности“. Поэтъ нашъ, конечно, не задавался намѣреніемъ развивать въ своихъ стихахъ какіе-нибудь философскіе тезисы; но отрицать присутствіе живой мысли въ его произведеніяхъ несправедливо: если въ пьесахъ молодой поры онъ не идетъ далѣе выраженія ходячихъ въ его время понятій горацианскаго эпікуреизма, то въ стихотвореніяхъ своего зрелага періода изображаетъ страданія своей надломленной жизнью души; обманувшія его мечты о счастіи вызвали его горькое разочарованіе, и это тяжелое душевное состояніе, это сознаніе разлада между идеаломъ и дѣйствительностью впервые сказалось въ русской поэзіи—въ стихахъ Батюшкова. Въ молодости онъ обнаруживалъ нѣкоторую наклонность къ сатирѣ; но онъ отказался отъ нея, когда талантъ его освободился отъ подражательности, и, конечно, былъ правъ: сознательно ограничивъ предѣлы своего творчества, онъ создалъ лучшія свои произведенія. Горе художнику, который ищетъ мотивовъ для своихъ произведеній въ своей души и своего внутреннаго настроенія.

Упрекъ въ недостаткѣ народности можетъ быть обращенъ къ Батюшкову не въ большей мѣрѣ, чѣмъ къ другимъ современнымъ ему поэтамъ: попытки Жуковскаго затронуть народные мотивы имѣютъ чисто виѣшній характеръ, и, можетъ быть, Батюшковъ сознательно воздерживался отъ соблазна ступить на этотъ скользкій путь; русскія бытовыя черты чрезвычайно рѣдки въ его поэзіи; напомнимъ однако очень удачный—и смѣлый для своего времени—образъ „кальки-воина“ въ посланіи „Мои пенаты“. Зато непосредственное хранилище народности, русскій языкъ, является въ его рукахъ послушнымъ уже орудіемъ: искусство владѣть имъ никому изъ современниковъ, кромѣ Крылова, не было доступно въ такой мѣрѣ, какъ Батюшкову, и только послѣ него доказано было до высшей степени совершенства Пушкинъ и Грибоѣдовъ. Упоминаемъ имя автора „Горы отъ ума“ потому, что до него только сказка Батюшкова „Странствователь и домосѣдъ“, вмѣстѣ съ баснями Крылова, можетъ быть приведена въ образцъ простой поэтической рѣчи. Другого характера поэтическій слогъ и языкъ—въ элегіяхъ, посланіяхъ и антологическихъ пѣ-

сахъ Батюшкова — подготовилъ способъ выраженія въ подобныхъ стихотвореніяхъ Пушкина.

Какъ въ дѣйствительной жизни Батюшковъ обнаружилъ способность только къ поэтическому творчеству, такъ и въ искусстве онъ былъ чистымъ художникомъ. Онъ не хотѣлъ знать за собою никакого другого призванія, а за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей, но ясно понималъ его высокое, облагораживающее и потому полезное значеніе. Сознательность поэтическаго творчества составляетъ его отличительную черту. И въ этомъ отношеніи Батюшковъ стоялъ впереди большинства литературныхъ дѣятелей своего времени и былъ ближе, чѣмъ къ нимъ, къ слѣдующему поколѣнію писателей.

Такимъ образомъ и въ разработкѣ виѣшней поэтической формы, и въ дѣлѣ внутренняго развитія поэтическаго творчества, и, наконецъ, въ отношеніяхъ поэзіи къ обществу художественная дѣятельность Батюшкова представляетъ счастливые начатки того, что получило полное осуществление въ дѣятельности гениального Пушкина; потому-то Пушкинъ и признавалъ такъ открыто свое духовное родство съ Батюшковымъ. Великій преемникъ заслонилъ со-бою даровитаго предшественника; но Батюшковъ не можетъ быть забытъ въ исторіи русской художественной словесности. При блескѣ солнца меркнетъ блѣдная луна; но въ Божьемъ мірѣ всему есть свой часъ и свое мѣсто.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ друзьямъ.

Вотъ списокъ мой стиховъ,
Который дружеству быть можетъ драгоцененъ.
Я добрымъ генiemъувѣренъ,
Что въ семъ дедалъ риомъ и словъ
Педостаетъ искусства,
По дружество найдеть мои въ замъну чувства,
Исторію моихъ страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, сусты, печали прежнихъ дней
И легкокрылы наслажденья,—
Какъ въ жизни падаль, какъ вставалъ,
Какъ вовсе умиралъ для свѣта,
Какъ снова мой членокъ фортунѣ повѣрялъ...
И словомъ—весь журналъ
Здѣсь дружество найдеть беспечнаго поэта,
Найдеть и молвить такъ:
„Нашъ другъ былъ часто легковѣренъ,
Былъ вѣтренъ въ Паѳосѣ, на Пиндѣ былъ чудакъ,
Но дружбѣ онъ зато всегда остался вѣренъ,
Стихами никому изъ насть не докучалъ
(А на Парнасѣ это чудо!)
И жилъ такъ точно, какъ писалъ:
Ии хорошо, ни худо“.

1817.

1805.

I.

Элегія.

Изъ Парни.

Какъ счастье медленно приходитъ,
Какъ скоро прочь отъ насть летить!
Блаженъ, за нимъ кто не бѣжитъ,
Но самъ въ себѣ его находитъ!
Въ печальной юности моей
Я былъ счастливъ одну минуту,

Зато, увы, и горесть люту
Терпѣль отъ рока и людей!
Обманъ надежды намъ пріятень,
Пріятень намъ хоть и на часъ!
Блаженъ, кому надежды гласъ
Въ самомъ несчасты сердцу виженъ!
Но прочь, уже теперь бѣжитъ
Мечта, что прежде сердцу лъстила;
Надежда сердцу измѣнила,
И вздохъ за нею вслѣдъ летитъ!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть невѣрию... Но иѣть,
Несносной правды вижу свѣтъ,
И должно мнѣ съ мечтой разстаться!
На свѣтѣ все я потерялъ,
Цвѣтъ юности моей увялъ:
Любовь, что счастьемъ мнѣ мечталась,
Любовь одна во мнѣ осталась!

1807.

II.

Пастухъ и Соловей.

БАСНЯ.

Владиславу Александровичу Озерову.

Любимецъ строгой Мельпомены,
Прости усердный стихъ безвѣстному пѣвцу!
Не лавры къ твоему вѣнцу,
Рукою дерзкой сплетены,
Я въ даръ тебѣ принесъ. Къ чему мой оиміамъ
Творцу Димитрія, кому бессмертны музы,
Сложивъ признательности узы,
Открыли славы храмъ?
А храмъ сей затворенъ для всѣхъ зоиловъ строгихъ,
Богатыхъ завистью, талантами убогихъ.
Ахъ, если и теперь они своей рукой
Посмѣютъ къ твоему твореню прикасаться,
А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
Захочешь съ музами разстаться
И болѣ не писать,
Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать.

Пастухъ, задумавшись въ ночи безмолвной маѣ,
Съ высокаго холма вокругъ себя смотрѣль,
Какъ мѣсяцъ въ тишинѣ великолѣпно шелъ,
Лучомъ серебрянымъ долины освѣщая,
Какъ въ рощахъ липовыхъ чутъ легкимъ вѣтеркомъ

Листы колеблемы шептали,
И свѣтлые ручьи, почивъ съ природою сномъ,
Едва межъ береговъ струей своей мелькали.

Изъ рощи Соловей
Долины оглашаль гармоніей своей,
И эхо пѣсни его холмамъ передавало.
Все душу Пастуха задумчиво плѣняло,
Какъ вдругъ пѣвецъ любви на вѣтвяхъ замолчалъ.
Напрасно нашъ Пастухъ просилъ о пѣсняхъ новыхъ.
Печальный Соловей, вздохнувъ, ему сказалъ:

„Не долго въ рощахъ сихъ дубовыхъ
Я радость воспѣваль!
Пройдетъ и пѣть охота,
Когда съ сосѣдняго болота
Лягушки кваканьемъ какъ бы на зло глушатъ;
Пусть эта тварь поетъ, а соловьи молчатъ!“
„Пой, нѣжный Соловей“, Пастухъ сказалъ Орфею,
„Для нихъ ушай я не имѣю.
Ты имъ молчаньемъ пѣть охоту придаешь:
Кто будеть слушать ихъ, когда ты запоешь?“

III.

Къ Н. И. Гнѣдичу.

Только дружба обѣщаетъ
Мнѣ бессмертія вѣнокъ;
Онъ примѣтно увядаетъ,
Какъ отъ зноя василекъ.
Мнѣ оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь къ забавамъ проложенъ,
Къ славѣ тѣсенъ и мудренъ!
Мнѣ ль за призракомъ гоняться,
Лавры съ скучой собирать?
Я умѣю наслаждаться,
Какъ ребенокъ, всѣмъ играть
И—счастливъ!.. Досель цвѣтами
Путь ко счастью устикалъ,
Пѣлъ, мечталъ, подчасъ стихами

Горесть сердца услаждалъ,
Пѣлъ отъ лѣни и досуга,
Муза мнѣ была подруга:
Не былъ ей порабощенъ.
А теперь весна, какъ сонъ
Легокорылый, исчезаетъ
И собою увлекаетъ
Прелестъ пѣсней и мечты.
Нѣжны миры и цвѣты,
Чѣмъ прелестницы вѣничали
Юнаго пѣвца, заяли.
Ахъ, ужели наградитъ
Слава счастія утрату
И ко дней моихъ закату
Какъ нарочно прилетить?

1808.

IV.

Н. И. Гнѣдичу.

Прерву теперь молчанья узы
Для друга сердца моего.
Давно ты отъ лѣнивой музы

Давно не слышалъ ничего.
И можно ль пѣть моей цѣвицѣ
Въ пустынѣ дикой и пустой,

Куда никакъ нельзя царицѣ
Поэзіи приди младой!
И мнѣ ли пѣть подъ гнетомъ
рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..
Нусть хладныя сердца одни
Средь моря бѣдствій засыпаютъ
И взоръ спокойно обращаютъ
На гробы близкихъ и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змѣй,
Чтобъ рану нанести жестоку
И непорочности самой.
По мнѣ ль съ чувствительной
душой
Быть въ мірѣ золь спокойной
жертвой
И клеветы, и разныхъ бѣдъ?..
Увы, я знаю, что сей свѣтъ
Могилой созданъ намъ отвер-
стой,
Куда падеть, сраженъ косой,
И царь съ вѣнчанною главой,
И настырь, и монахъ, и воинъ!
Ужели я одинъ достоинъ
И вѣчно жить, и быть блаженъ?
Увы, здѣсь всякъ отягощенъ
Ярмомъ печалей и цѣпями,
Которыхъ намъ по смерть ру-
ками,

Столь слабыми, нельзя сложить!
По можно ль ихъ, мой другъ,
влачить
Безъ слезъ, не сокрушаясь ду-
шевно?
Скорѣе моремъ лъзя безбѣдно
На вѣлкой ладіи проплыть,
Когда Борей расширить крылья,
Безъ вѣтрілъ, счастей и кор-
милъ
И къ небу взоръ не обратить.
Я плачу, другъ мой, здѣсь съ
тобою,
А время молніей летить.
Ужъ мѣсяцъ свѣтлый надо мною
Спокойно въ озеро глядить;
Все спить подъ кровомъ майской
ночи,
Едва ли водопадъ шумить,
Безмолвенъ долъ, вздремали ро-
щи,
Въ которыхъ лучъ луны сколь-
зить
Сквозь вѣтви, на землю скло-
ненны,
И я, Морфеемъ удрученный,
Прерву цѣвницы скорбный гласъ
И, можетъ, въ полуночный часъ
Тебя въ мечтѣ, мой другъ, по-
знаю
И разъ еще облобызаю...

1809.

V.

Выздоровленіе.

Какъ ланьшилъ подъ серпомъ убийственнымъ жнеца
Склоняется голову и вянеть,
Такъ я въ болѣзни ждалъ безвременно конца
И думалъ: Парки часъ настанетъ!
Ужъ очи покрывалъ Эреба мракъ густой,
Ужъ сердце медленнѣе билось...
Я вянулъ, исчезалъ, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилося.
Но ты приблизилась, о, жизнь души моей!
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,

И поцѣлусъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Лесты береговъ
Для сладострастія призвали.
Ты снова жизнь даешь: она—твой даръ благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мнѣ сладокъ будеть часъ и муки роковой:
Я отъ любви теперь увижу.

VI.

Отвѣтъ Н. И. Гнѣдичу.

Твой другъ тебѣ навѣкъ от-
нынѣ
Съ рукою сердце отдаешь:
Онъ отслужилъ слѣпой богинѣ,
Безплодныхъ матери суетъ.
Увы, мой другъ, я въ дни мла-
дые
Цирцеямъ также отслужилъ,
Въ карманы заглянуль пустые,
Покинулъ миръ и мечъ сложилъ.
Пускай, кто честолюбемъ бо-
лещъ,
Бросасть съ Марсомъ огнь и
громъ;
Но я—безвѣстностью доволенъ

Въ Сабинскомъ домикѣ моемъ!
Тамъ глиняны свои пенаты
Подъ сѣнью дружной съединимъ,
Поставимъ брашны небогаты,
А дни мечтой нозолотимъ.
И если къ намъ любовь заглянетъ
Въ приютъ, гдѣ дружбы храмъ
святой,
Увы, твой другъ не перестанетъ
Еще ей жертвовать собой!
Какъ гость, весельемъ пресы-
щенный,
Роскошный покидаетъ пиръ,
Такъ я, любовью упоенный,
Покину равнодушно міръ.

VII.

Стихи Н. С. Семеновой.

E in sì bel corpo riù sara venia.
Taccъ, V-я пѣснь Освобожденіаго Ерусалима.

Я видѣлъ красоту, достойную вѣща,
Дочь добродѣтельну, печальную Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣпца;
Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону—
И въ рувищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналь богиню красоты.

Я видѣлъ, я позналъ есъ въ Монѣ страстной,
Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласной,
Я видѣлъ—и позналъ небесныя черты
Богини красоты.

О, дарованіе, одно другимъ вѣнчанно! ¹⁾

Я видѣлъ Ксению, стоящую предо мной:

Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной;

Боренье всѣхъ страстей, въ ней къ ужасу сліянино,

Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой—

И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ... и хвалить не смѣль въ восторгѣ страстномъ.

Но нынѣ, истиной священной вдохновенъ,

Скажу: красотъ соборъ въ ней явно съединенъ,

Душа небесная во образѣ прекрасномъ

И сердца доброго всѣ рѣдкія черты,

Безъ коихъ ничего и прелестъ красоты.

VIII.

Тибуллова элегія III-я.

Изъ III-й книги.

Напрасно осыпалъ я жертвенникъ цвѣтами,

Напрасно ѿміамъ куриль предъ алтарями,

Напрасно!.. Деліи еще съ Тибулломъ нѣть!

Бессмертны, слышали вы скромный мой обѣтъ?

Молилъ ли васъ когда о почестяхъ и златѣ,

Желалъ ли обитать во мраморной палатѣ?

Къ чему мнѣ пажитей обширная земля,

Златыми класами вѣнчанныя поля

И стадо кобылицъ, рабами охраненно?..

О бѣдности молилъ, съ тобою раздѣленной,

Молилъ, чтобъ смерть меня застала при тебѣ,

Хоть ниша, но съ тобой!.. Къ чему желать себѣ

Богатства Азіи или воловъ дебелыхъ!

Ужели болѣе мы дней сочтемъ веселыхъ

Въ садахъ и въ храминахъ, гдѣ дивный рядъ столбовъ

Изсѣченъ хитростью наемыхъ пришелцовъ,

Гдѣ все одинъ порфиръ Тенера и Кариста,

Помосты мраморны и урны золата чиста,

Луга пространные, гдѣ силою трудовъ

Легла священна тѣнь отъ кедровыхъ лѣсовъ?

Къ чему эритрскія жемчужины безцѣнны

И руна тирскія, багрянцемъ напоенны?

Въ богатствѣ ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ

Мудрецъ отъ ларъ своихъ за златомъ не бѣжитъ,

Колѣнъ предъ случаемъ вовѣкъ не преклоняется

И въ хижинѣ своей съ фортуною обитаетъ.

И бѣдность, Делія, мнѣ радостна съ тобой!

Тотъ кровь соломенный, Тибуллу золотой,

1) Дарованіе поэта и актрисы.

Подъ коимъ сопряженъ любовію съ тобою,
Стократъ благословенъ!.. Но если предо мною
Бесмертные вѣсовъ судьбы не преклонять,
Утѣшить ли тогда сей Римъ, сей пышный градъ?
Ахъ, нѣтъ! И золото блестящаго Пактола,
И громкой славы шумъ, и самый блескъ престола
Безъ Делія—ничто, а съ ней и куща—храмъ,
Безвѣстность, нищета завидны небесамъ!

О, дочь Сатурнова, услыши мое моленіе,
И ты, любови мать! Когда же Паркъ сужденье,
Когда суровыхъ сестръ противно вретено
И Делій владѣть Тибуллу не дано,
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Гдѣ блата топкія и воды Ахерона
Широкой цѣпью вкругъ ада облежать,
Гдѣ безпробуднымъ сномъ печальны тѣни спятъ.

IX.

Эпитафія.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ—и нѣтъ его.

X.

Воспоминанія 1807 года.

Мечты, повсюду вы меня сопровождали
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейльсбергскихъ поляхъ,
Когда весь станъ дремалъ въ покой,
И ратникъ, опершись на кошѣ стальное,
Въ усталости почилъ! Луна на небесахъ
Бо всемъ величію блистала
И низкій мой шалашъ сквозь вѣтви освѣщала.
Аль свѣтлый чуть струю лѣнивую катилъ
И въ зеркальныхъ водахъ являль весь станъ и рощи;
Едва дымился огнь въ часы туманной нощи
Близъ кущи ратника, который сномъ почилъ.
О, Гейльсбергски поля, о, холмы возвышенны,
Гдѣ столько разъ въ ночи, луною освѣщенный,
Я, въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ!
О, Гейльсбергски поля, въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ холмовъ,
Что я, мечтатель вашъ счастливый,

На смерть лягя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли па зарѣ сей жизни не уяну!
И буря дней моихъ исчезла, какъ мечта...
Осталось мрачно вспоминанье...

Между протекшаго есть вѣчная черта:
Насъ сблизить съ нимъ одно мечтанье.
Да оживлю теперь я въ памяти своей
Сю ужасную минуту,
Когда, болѣзнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не въ родинѣ моей!
Но небо, вяявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
Взглянуло окомъ милосерднымъ:
Я, Нѣманъ переплыть, узрѣль желанный край
И, землю лобызывъ съ слезами,
Сказалъ: блаженъ стократъ, кто съ сельскими богами,
Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай
И, шага не ступя за хижину убогу,
Къ себѣ богиню быстроногу
Въ молитвахъ не зоветь!
Не слѣпъ ко славѣ онъ любовью,
Не жертвуетъ своимъ спокойствиемъ и кровью,
Могилу зритъ свою и тихо смерти ждетъ.

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду!
Ахъ, мнѣ ли позабыть гостепріимный кровъ,
Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
Усердный эскулапъ божественной наукой
Исторгъ изъ-подъ косы и дивно исцѣлилъ
Меня, борющагося уже съ смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забылъ,
Тебя, которую я зрѣль передъ собою,
Какъ утѣшителя, какъ ангела добра!
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосудъ мнѣ подала: „Пей здравье и любовь!“
Тогда, казалось, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью вѣнчала
Долины, холмы и лѣса.

Я помню утро то, какъ слабою рукою
Склоняясь на костили, поддержаный тобою,
Я въ первый разъ узрѣль цвѣты и древеса...
Какое счастіе съ весной воскреснуть ясной!
(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна.)
Я, восхищенъ природой красной,
Сказалъ Эмили: „Ты вѣнчай, какъ она,

„Расторгнувъ зимній мразъ, съ весною оживаетъ,
„Съ ручьемъ шумить въ лугахъ и съ розой расцвѣтаетъ;
„Чтобъ было безъ весны?.. Подобно такъ и я
„На утрѣ дней моихъ увяль бы безъ тебя!“
Тутъ, грудь кропля горячими слезами,

Соединивъ уста съ устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна.

Увы, исчезло все, какъ прелесть сладка сна!
Куда дѣвалися восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьмѣ ночной свиданья,
Гдѣ, заключа ее въ объятіяхъ моихъ,
Я не завидовалъ судьбѣ боговъ самихъ!..

Теперь я, съ нею разлученный,
Считаю скучой дни, цѣпь горестей влачу.
Воспоминанія, лишь вами окрыленный,

Къ ней мыслю лечу,
И въ часъ туманной полуночи
Мечтой обворожены очи,

Какъ призракъ, красоту въ одеждѣ легкой зрять,
Ея и стань, и взглядъ;
Я къ ней объятія въ восторгѣ простираю...
И тѣнь лишь обнимаю.

1810.

XI.

Къ И. А. Петину.

О, любимецъ бога браны,
Мой товарищъ на войнѣ!
Я платилъ съ тобою дани
Богу славы не однѣ:
Ты на киверѣ почтениомъ
Лавры съ миртомъ сочеталъ,
Я въ углу уединенномъ
Незабудки собиралъ.
Номнішь ли, питомецъ славы,
Иденсальми страшну ночь?
Не люблю такой забавы,
Молвиль я,— и съ музой прочь!
Между тѣмъ какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсь провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужинъ вамъ приготовлялъ.
Счастливъ ты, шалунъ любезный,
И въ Цитерской сторонѣ;
Я же, всюду бесполезный—

И въ любви, и на войнѣ,
Время жизни въ скукѣ трачу
За крылатый счастья мигъ,
Ночь зѣваю, утромъ плачу
Объ утратѣ сновъ моихъ.
Тщетны слезы! мнѣ готова
Цѣпь, соткана изъ суеты;
Отъ родительского крова
Я опять на морѣ бѣдъ.
Мой членокъ любовь слѣпая
Править дѣтскою рукой,
Между тѣмъ какъ лѣнь, зѣвай,
На кормѣ сидѣть со мной.
Можетъ быть, какъ быстра мла-
дость
Убѣжитъ отъ насъ бѣгомъ,
Я возьмусь за умъ, да радость
Уживется ли съ умомъ?
Ахъ, почто же мнѣ заранѣ,

Другъ любезный, унывать?
Вся судьба моя въ стаканѣ!
Станемъ пить и воспѣвать:
Счастливъ, счастливъ, кто цвѣ-
тами
Дни любови украшалъ,
Пѣль съ беспечными друзьями,
А о счастіи мечталъ!

Счастливъ онъ, и втroe болѣ
Всѣхъ вельможей и царей!
Такъ давай, въ безвѣстной долѣ,
Чужды рабства и цѣпей,
Кое-какъ тянуть жизнь нашу,
Часто съ горемъ пополамъ,
Наливать полнѣе чашу
И смѣяться дуракамъ!

XII.

Привидѣніе.

Посмотрите: въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ,
Съ утромъ вянеть жизни цвѣтъ,
Парка дни мои считаетъ
И отсрочки не даетъ!
Что же медлить? Вѣдь Зевеса
Плачь и стонъ не укротить,
Смерти мрачной занавѣса
Упадетъ, и я забыть!
Я забыть... Но изъ могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, другъ мой милый,
Какъ мертвѣцъ, тебя пугать.
Въ часъ полуночныхъ явленій
Я не стану въ видѣ тѣни
То внезапу, то тишкомъ
Съ воплемъ въ твой являться
домъ.

Нѣть, по смерти, невидимкой
Буду вкругъ тебя летать,
На груди твоей подъ дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развѣвать
Легкимъ устъ прикосновеніемъ,
Какъ зефира дуновеніемъ,
Отъ каштановыхъ волосъ
Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
Если лилія листами
Ко груди твоей прильнетъ,
Если яркими лучами

Въ камелькѣ огонь блеснетъ,
Если пламень потаенный
По ланитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенный
Развязался и упалъ,—
Улыбнися, другъ безцѣнныи,
Это я!.. Когда же ты,
Сномъ закрывъ прелестны очи,
Обнажиши во мракѣ ночи
Розъ и лилій красоты,
Я вздохну, и гласъ мой томный,
Арфы голосу подобный,
Тихо въ воздухѣ умретъ.
Если жъ легкими крылами
Сонъ глаза твои сомкнетъ,
Я невидимо съ мечтами
Стану плавать надъ тобой.
Сонъ твой, Хлоя, будеть доложъ,
Но когда блеснетъ сквозь пологъ
Лучъ денницы золотой,
Ты проснешься... О, блаженство!
Я увижу совершенство,
Тайны прелести красотъ,
Гдѣ самъ пламений Эротъ,
Оттѣниль рукой своею
Розой дѣвственну лилею.
Все опять въ моихъ глазахъ,
Всѣ покровы исчезаютъ...
Часъ блаженійшій!.. Но, ахъ,
Мертвые не воскресаютъ!

XIII.

Тибуллова элегія X-я изъ I-й книги.

Вольный переводъ.

Кто первый изострилъ желѣзный мечъ и стрѣлы?
Жестокій, онъ изгналъ въ безвѣстные предѣлы
Миръ сладостный и въ адъ открылъ обширный путь!
Но онъ виновенъ ли, что мы на близкихъ грудь
За золото, за прахъ желѣзо устремляемъ,
А не чудовищѣ имъ дикихъ поражаемъ?
Когда на пиршествахъ стоялъ сосудъ святой
Изъ буковой коры межъ утвари простой,
И столь быль отягченъ избыткомъ сельскихъ брашенъ,
Тогда не знали мы щитовъ и твердыхъ башенъ,
И пастырь близъ овецъ спокойно засыпалъ,
Тогда бы дни мои я радостью считалъ,
Тогда бъ не чувствовалъ невольно трепетанья
При гласѣ бранныхъ трубъ! О, тщетное мечтанье!
Я съ Марсомъ на войнѣ: быть можетъ, лукъ тугой
Натянутъ на меня пернатою стрѣлой...
О, боги, сей ударъ вы мимо пронесите,
Вы, лары отчески, отъ гибели спасите,
И вы, хранившіе меня въ тѣни своей,
Въ безспечности златой отъ колыбельныхъ дней,
Не постыдитесь, что ликъ боговъ священный,
Изсѣченный изъ пия и пылью покровенный,
Въ жилищѣ праотцевъ уединенъ стоитъ!
Не знали смертные ни злобы, ни обидъ,
Ни клятвъ нарушенныхъ, ни почестей, ни зата,
Когда священный ликъ домашняго цената
Еще скудельный быль на пепелищѣ ихъ!
Онъ благодатенъ намъ, когда изъ чашъ простыхъ
Мы учинимъ предъ нимъ обильны возліянья,
Иль на чело его, въ знакъ мирнаго вѣнчанья,
Возложимъ мы вѣнки изъ миртовъ и лилей;
Онъ благодатенъ намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на празднествахъ, въ дни майскіе веселы,
Съ толпою чадъ своихъ оратай престарѣлый
Опрѣсноки ему священны принесетъ,
А дѣвы красныя—изъ улья чистый медъ.
Спасите жъ вы меня, отеческіе боги,
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій—
Кошницу полную Церериныхъ даровъ,
А въ жертву—сей овенъ, краса моихъ луговъ.
Я самъ, увѣнчанный и въ ризы облеченный,
Явлюсь на утріе предъ вашъ олтарь священный.
Пускай—скажу—въ поляхъ неистовый герой,
Обрызганъ кровію, выигрываетъ бой,

А мнѣ—пусть благости сей буду я достоинъ!—
О подвигахъ своихъ расскажетъ древній воинъ,
Товарищъ юности, и, сидя за столомъ,
Миѣ лагерь начертитъ веселыхъ чалиѣ виномъ.
Почто же вызывать намъ смерть изъ царства тѣни,
Когда въ подземный домъ вездѣ равны ступени?
Она, какъ тать въ ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится и всюду за тобой
И низведеть тебя въ тѣ мрачные вертепы,
Гдѣ ласть адскій песъ, гдѣ фуріи свирѣпы
И кормчій въ челнокѣ на Стиксовыхъ водахъ.
Тамъ тѣней блѣдныхъ полкъ толпится на берегахъ,
Власы обожжены, и впалы ихъ ланиты!..
Хвала, хвала тебѣ, оратай домовитый!
Твой вечерѣть вѣкъ средь счастливой семьи;
Ты самъ въ тѣни дубравъ пасешь стада свои;
Супруга между тѣмъ трапезу учреждаетъ,
Для омовенія ногъ сосуды нагрѣваетъ
Съ кристальною водой. О, боги, если бъ я
Узрѣлъ еще мои родительски поля!
У свѣтлого огня, съ подругою младою,
Я бъ юность вспомянуль за чашей круговою
И были, и дѣла давно протекшихъ дней!
Сынъ неба, свѣтлый Миръ, ты самъ среди полей
Вола дебелаго ярмомъ отягощаешь,
Ты благодать свою на нивы проливаешь
И въ отческій сосудъ, наслѣдіе сыновъ,
Ліешь багряный сокъ изъ Вакховыхъ даровъ!
Въ дни міра острый плугъ и заступъ намъ священны,
А мечъ, кровавый мечъ и шлемы оперены
Снѣдаешь ржавчина безмолвно на стѣнахъ.
Оратай изъ лѣсу тамъ єдетъ на волахъ
Съ женою и съ дѣтьми. виномъ развеселенный.
Дни мира, вы любви игривой драгодѣнны!
Подъ знаменемъ ея воюемъ съ красотой.
Ты плачешь. Ливія? Но побѣдитель твой,
Смотри, у ногъ твоихъ колѣна преклоняется.
Любовь коварная украдкой подступаетъ,
И вотъ ужъ среди васъ размолвившихъ сидитъ.
Пусть молнія боговъ безщадно поразить
Того, кто красоту обидѣлъ на сраженьи!
Но счастливъ, если могъ въ минутномъ изступленьи
Вѣнокъ на волосахъ каштановыхъ измѣять
И поясь невзначай у дѣвы развязать!
Счастливъ, трикратъ счастливъ, когда твои угрозы
Исторгли изъ очей любви безцѣнны слезы!
А ты, взлелѣянный межъ коней и мечей,
Бѣги, кровавый Марсъ, отъ нашихъ алтарей! .

XIV.

Ложный страхъ.

Подражаніе Парні.

Помнишь ли, мой другъ безцѣн-
ный,
Какъ съ амурами тишкомъ,
Мракомъ иочи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
Помнишь ли, о, другъ мой нѣж-
ный,
Какъ дрожащая рука
Отъ побѣды неизбѣжной
Защищалась, но слегка?
Слышенъ шумъ: ты испугалась.
Свѣтъ блеснуль и вмигъ погасъ,
Ты къ груди моей прижалась,
Чуть дыша... Блаженный часъ!
Ты пугалась, я смѣялся.
„Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
„Гименей за все ручался,
„И Амуры на часахъ.
„Все въ безмолвіи глубокомъ,
„Все почило сладкимъ сномъ,
„Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
„Подъ Морфеевымъ крыломъ!“
Рано утреннія розы

Запылали въ небесахъ...
По любви безцѣнны слезы,
По улыбка на устахъ,
Томно персей волнованье
Подъ прозрачнымъ полотномъ,
Молча новое свиданье
Обѣщали вечеркомъ.
Если бъ Зевсова деснила
Миѣ вручила ночь и день,
Поздно бъ юная денница
Прогоняла черну тѣнь,
Поздно бъ солнце выходило
На восточное крыльцо,
Чуть блеснуло бъ и скрыло
За лѣсъ рдяное лицо,
Долго бъ тѣни пролежали
Влажной ночи на поляхъ,
Долго бъ смертные вкушали
Сладострастіе въ мечтахъ!
Дружбѣ дамъ я часъ единій,
Вакху часъ и сну другой,
Остально жъ половиной
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой!

XV.

Отъ Ѣздъ.

Ты хочешь, горсткой симіама
Чтобъ жертвенникъ я твой поч-
тиль?
Для грацій муга не упряма,
И я имъ лиру посвятилъ.

Я вижу, вкругъ тебя толпятся
Вздыхатели—шумливый рой!
Какъ пчелы на цвѣтокъ стре-
мятся
Иль легки бабочки весной.

И Марсъ, высокій, въ битвахъ
смѣлый,
И Селадонъ плаксивый тутъ,
И юноша еще незрѣлый
Тобѣ сердечку дань несутъ.

Одинъ—я видѣль—все взды-
хаетъ,
Другой какъ мраморный стоитъ,
Болтунъ сорокой не болтаетъ,
Нахаль краснѣеть и молчитъ.

Труды затѣйливой Арашны,
Сотканные въ углу тайкомъ,
Не столь для мухъ игравыхъ
страшны.
Какъ твой для нась волшебный
домъ.

Но я одинъ, прелестна Хлоя,
Платить сей дань не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройкѣ въ Питеръ улечу.

XVI.

Изъ Антологіи.

Сотъ меда съ молокомъ —
И Маинъ сынъ тебъ надолго благосклоненъ!
Алкидъ не такъ-то скроменъ:
Дай двѣ ему овцы, дай козу и съ козломъ;
Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенъе
И въ снѣдь не дастъ волкамъ.
Храню къ богамъ почтенье,
А стада не отдамъ
На жертвоприношенье.
Скажите: что за честь,
Когда не волкъ его, Алкидъ изволить съѣсть?

XVII.

Источникъ.

Изъ Парни.

Буря умолкла, и въ ясной лазури
Солнце явилось на западѣ намъ;
Мутный источникъ, слѣдь яростной бури,
Съ ревомъ и шумомъ бѣжитъ по полямъ.
Зафна, приблизъся! Для дѣвы невинной
Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтеть;
Падая съ камня, источникъ пустынныій
Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри течеть.

Дебри ты, Зафна, собой озарила,
Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
Цѣсни любови ты мнѣ повторила,
Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ крылахъ.
Голосъ твой, Зафна, какъ утра дыханье,
Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ.
Тише, источникъ, прерви волнованье,
Съ ревомъ и съ пѣной стремясь по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался;
Вижу улыбку и радость въ очахъ!
Дѣва любви, я къ тебѣ прикасался,
Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
Зафна краснѣеть?... О, другъ мой невинный,
Тихо прижмися устами къ устамъ!
Будь же ты скроменъ, источникъ пустынныій,
Съ ревомъ и съ шумомъ стремясь по полямъ!

Чувствую персей твоихъ волнованье,
Сердца біенѣ и слезы въ очахъ:
Сладостно дѣвы стыдливой роптанье!

Зафна, о, Зафна, смотри... тамъ въ водахъ
Быстро несется цвѣтокъ розмаринный;
Воды умчались — цвѣточка ужъ нѣть!
Время быстрѣе, чѣмъ токъ сей пустынnyй,
Съ ревомъ который сквозь дебри течеть!

Время погубить и прелестъ, и младость!...
Ты улыбнулась, о, дѣва любви,
Чувствуешь въ сердцѣ томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень въ крови!...
Зафна, о, Зафна, тамъ голубъ невинnyй
Съ страстной подругой завидуютъ намъ!
Вздохи любови источникъ пустынnyй
Съ ревомъ и съ шумомъ умчить по полямъ!

XVIII.

На смерть Лауры.

Изъ Петрарки, сонетъ: *Rotta è l'alta collonna e'l verde lauro.*

Колониа гордая, о, лавръ вѣчно зеленый,
Ты паль, и я навѣкъ лишенъ твоихъ прохладъ!
Ни тамъ, гдѣ Индъ живетъ, лучами опаленный,
Ни въ хладномъ сѣверѣ для сердца нѣть отрадъ!
Все смерть похитила, все алчная пожрала,
Сокровище души, покой и радость съ нимъ!
А ты, земля, вовѣкъ корысть не возвращала,
И мертвый нѣмъ лежитъ подъ камнемъ гробовымъ!
Все тщетно предъ тобой — и власть и волхвованья...
Таковъ судьбы завѣтъ!.. Почто жъ мнѣ долѣ жить?
Увы, чтобъ повторять въ часъ полночи рыданья
И слезы вѣчныя на хладный камень лить!
Какъ сладко, жизнь, твое для смертныхъ обольщенье!
Я въ будущемъ мое блаженство основалъ,
Тамъ пристань видѣлъ я, покой и утѣшенье
И все съ Лаурою въ минуту потерялъ!

XIX.

Вечеръ.

Подражаніе Петраркѣ, canzone IV.

Въ тотъ часъ, какъ солнца лучъ потухнетъ за горою,
Склоняясь на посохъ свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая отъ бремени годовъ,
Спѣшить, спѣшить съ полей подъ отдаленный кровъ
И тамъ, пришедъ къ огню, среди лачуги дымной
Вкушаетъ трапезу съ семьей гостепримной,

Вкушаетъ сладкій сонъ, замѣну горькихъ слезъ!
А я, какъ солнца лучъ потухнетъ средь небесъ,
Одинъ въ изгнаніи, одинъ съ моей тоскою,
Бесѣду въ ночи съ задумчивой луною!

Когда вечерній лучъ потухнетъ средь морей,
И ночь, угрюмая владычица тѣней,
Сойдетъ съ высокихъ горъ съ отрадной тишиною,
Оратай острый плугъ увозитъ за собою
И, медленной стопой идя подъ отчій кровъ,
Поетъ простую пѣснь въ забвенье всѣхъ трудовъ,
Въ тѣни домашнихъ ларь, и всюду сынъ послушный
Съ отцомъ и матерью вкушаетъ пиръ радужный.
Онъ счастливъ... Я одинъ тоской усыновленъ,
Грущу и день, и ночь среди безмолвныхъ стѣнь!

Лишь мѣсяцъ сквозь туманъ багряный ликъ уставитъ
Въ недвижныя моря, пастухъ поля оставитъ,
Простится въ нивами, съ дубравой и ручьемъ
И гибкою лозой стада погонитъ въ домъ.
Игралище вѣтровъ среди пучины пѣнной!
И ты, рыбарь, спѣшишь на брегъ уединенной!
Тамъ, сѣти преклонивъ ко утлой ладѣ
(Вотъ все отъ грозныхъ бурь убѣжище твое!),
При блескѣ молніи, при шумѣ непогоды
Заснуль... И счастливъ ты, угрюмый сынъ природы!

Но се блѣднѣеть тамъ багряный небосклонъ,
И медленной стопой идутъ волы въ загонъ
Съ холмовъ и пажитей, туманомъ орошенныхъ.
О, пѣспопѣній мать, въ вертепахъ отдаленныхъ,
Въ изгнаныи горестномъ утѣха дней моихъ,
О, лира, возбуди бряцаньемъ струнъ златыхъ
И холмы спящіе, и кипарисны рощи,
Гдѣ я, печали сынъ, среди глубокой ноши,
Обѣятый трепетомъ склонился на гранитъ...
И надо мною тѣнь Лауры пролетить!

XX.

Радость.

Подражаніе Касти.

Любимца Кипридина
И миртомъ, и розою
Вѣнчайте, о, юноши
И дѣвы стыдливы!
Толпами сбирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,

Скачите и прыгайте!
Мнѣ лиру тіісскую
Камены и граціи
Вручили съ улыбкою,
И пѣсни веселію,
Пріятнѣе нектара
И слаше амврозіи,

Что пьютъ небожители,
Въ блаженствѣ безпечные,
Полютъ со струнъ ея!
Сегодня день радости:
Филлида суровал,
Сквозь слезы стыдливости,
„Люблю“ мнѣ промолвила.
Какъ роза, кроимая
Въ часъ утра Авророю,
Съ главой отягченною
Безцѣнными каплями,
Румянѣй становится,
Такъ ты, о, прекрасная,
Съ главою поникшою,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснѣя, промолвила:
„Люблю“ тихимъ шопотомъ.
Все мнѣ улыбнулося;
Тоска и мученія,

И страхи, и горести
Исчезли, какъ не было!
Киприда влекомая
По воздуху синему,
Межъ бисерныхъ облаковъ,
Цитерскими птицами
Къ Киоерѣ иль Пафосу,
Цвѣтами осыпала
Меня и красавицу.
Все мнѣ улыбнулося:
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачныя,
И холмы парнасскіе!
Любимца Кипридина,
Въ любви побѣдителя,
И миртомъ, и розою
Вѣнчайте, о, юноши
И дѣвы стыдливыя!

XXI.

Счастливецъ.

Подражаніе Касти.

Слышшишь? Мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой;
Править сильная десница
Коней сребряной браздой.

Ихъ копыта бьютъ о камень,
Искры сыплются струей,
Пышетъ дымъ, и черный пламень
Излетаетъ изъ ноздрей.

Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ;
На коврѣ ея богатомъ
Кто жъ, Лизета, кто сидитъ?

Временщикъ, вельможъ люби-
мецъ,
Что на откупъ городъ взяль...
Ахъ, давно ли онъ у крылецъ
Пыль смиренно обметалъ!

Вотъ онъ съ нами поравнялся
И едва кивнулъ главой,
Вотъ ужъ молнией промчался,
Пыль оставилъ за собой.

Добрый путь! Пока лелѣть
Въ колыбели счастье васъ!
Поздно лъ, рано лъ, но приспѣсть
И невзгоды страшный часъ.

Ахъ, Лизета, лъзя лъ прель-
щаться.
И теперь его судьбой?
Не ему счастливымъ зваться
Съ развращенною душой!

Тамъ, гдѣ хитростью искусства
Розы въ зиму расцвѣли,
Тамъ, гдѣ все плѣняетъ чувства,
Дань морей и дань земли,

Мраморъ дивный изъ Пароса
И кораллы на стѣнахъ,
Тамъ, гдѣ въ роскоши Пафоса
На узорчатыхъ коврахъ

Счастья шаткаго любимецъ
Съ нимфами забвенье пьеть,
Тамъ же слезы сей счастливецъ
Отъ людей украдкой льеть.

Блѣденъ, ночью Крезъ несчастный
Шепчетъ тихо, чтобы жена
Не вняла сей гласть ужасный:
„Мнѣ погибель суждена!“

Сердце наше — кладезь мрачной:
Тихъ, покоенъ сверху видъ,

Но спустись ко дну... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Душъ великихъ сладострастье,
Совѣсть, зоркій стражъ сердцъ,
Безъ тебя ничто жно счастье,
Гибель — злато и вѣнецъ!

XXII.

Отрывокъ изъ элегіи.

О, пока бездѣнна младость
Не умчалася стрѣлой,
Пей изъ чаши полной радость
И, сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютней
Мы услышимъ смерти зовъ,
То какъ лозы винограда
Обвиваются тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній часъ!
Такъ лилейными руками
Цѣпью нѣжною обвей,
Съедини уста съ устами,
Душу въ пламени излей!

И тогда тропой безвѣстной,
Долу къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной,
Проведетъ нась по цвѣтамъ
Въ тотъ Элизій, гдѣ все таетъ
Чувствомъ нѣги и любви,
Гдѣ любовникъ воскресаетъ
Съ новымъ пламенемъ въ крови,
Гдѣ, любуясь пляской грацій,
Нимфъ, сплетенныхъ въ хоро-
водъ,
Съ Деліей своей Горацій
Гимны радости поетъ.
Тамъ, подъ тѣнью мirtовъ зыб-
кой,
Намъ любовь сплется вѣнцы,
И привѣтливой улыбкой
Встрѣтять нѣжные пѣвцы.

1811.

XXIII.

Посланіе графу М. Ю. Велеурскому.

О, ты, владѣющій гитарой трубадура,
Эраты голосомъ и прелестью Амура,
Воспомни, милый графъ, счастливы времена,
Когда нась — юношай — увидѣла Двина,
Когда, отвоевавъ подъ знаменемъ Беллоны,
Подъ знаменемъ любви я началъ воевать
И новый регламентъ и новые законы
Въ глазахъ прелестницы читать!
Заря весны моей! Тебя какъ не бывало!
Но сердце въ той странѣ съ любовью отыхало,
Гдѣ я узналъ тебя, мой нѣжный трубадуръ!

Объетованный край, гдѣ вѣтреный Амуръ
Прелестнымъ лицомъ любезный полъ даруетъ,
Подъ дымкой на груди лилеи образуетъ,
Какими бѣ и у насть гордилась красота,
Вливаеть томный огнь и въ очи, и въ уста,
А въ сердце юное—любви прямое чувство.
Счастливыя мѣста, гдѣ нравиться искусство

Не нужно для мужей,
Сидящихъ съ трубками вокругъ угольныхъ огней
За сыромъ выписанымъ, за Гамбургскимъ журналомъ,
Межъ тѣмъ какъ жены ихъ, смѣясь подъ опахаломъ,
„Люблю, люблю тебя!“ прищельцу говорятъ
И руку жмутъ ему коварными перстами!
О, мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прошедшихъ дней, и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!

Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой пѣснопѣнье,
Вдохни огонь любви въ холодныя слова,
Еще отдай стихамъ потеряны права

И камни приводить въ движенье,
И горы, и лѣса!
Тогда я съ сильфами взлечу на небеса
И тихо, какъ призракъ, какъ лучъ отъ неба ясный,
Спущусь на берега пологіе Двины
Съ твоей гитарой сладкогласной,

Коснусь волшебныя струны,
Коснусь—и нимфы горь при мѣсячномъ сіянїи,
Какъ тѣни легкія въ прозрачномъ одѣянїи,
Съ сильванами сойдутъ, услышать голосъ мой,
Наяды робкія, всплывая надъ водой,
Воспещутъ бѣлыми руками,
И майскій вѣтерокъ, проснувшись на дѣткахъ,
Въ прохладныхъ рощахъ и садахъ
Повѣтъ тихими крылами.
Съ очей прелестныхъ дѣвъ онъ свѣтъ тонкій сонъ,
Отгонитъ легки сновидѣнья
И тихимъ шопотомъ имъ скажетъ: „Это онъ!
„Вы слышите его знакомы пѣснопѣнья!“

XXIV.

Сонъ воиновъ.

Изъ поэмы Парни: И снѣль и Аслега, пѣснь 3-я.

Битва кончилась; ратники пируютъ вокругъ зажженныхъ дубовъ.

...Но вскорѣ пламень потухаетъ, И томный сонъ отягощаетъ
И гаснетъ пепель черныхъ пней, Лежащихъ воевъ средь полей.
Сомкнулись очи, но призраки

Тревожать краткій ихъ покой:
Иной лѣсовъ проходитъ мраки,
Звѣрей голодныхъ слышитъ вой;
Иной на лодкѣ легкой рѣстъ
Среди кипящихъ въ морѣ волнъ,—
Весломъ десница не владѣетъ,
И гибнетъ въ безднѣ бренный
чѣлѣгъ;
Иной мѣста узрѣлъ знакомы,
Мѣста отчизны, милый край,
Ужъ слышитъ псовъ домашнихъ

лай
И зритъ отцовъ поля и дома
И нѣжныхъ чадъ своихъ... Меч-
ты!

Проснулся въ безднѣ темноты!
Иной чудовище сражаетъ:
Безплодно мечъ его сверкастъ,
Махнуль еще — его рука,
Подъята вверхъ, окостенѣла,
Бѣжать хотѣлъ — его нога
Дрожитъ, недвижима, замлѣла;
Встаетъ, и паль! Иной плывѣтъ
Поверхъ прозрачныхъ, тихихъ
водъ
И пѣнитъ волны подъ рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пѣнится горой

И вдругъ обрушилась, клоко-
чать;
Несчастный борется съ рѣкой,
Воззвать къ дружинѣ вѣрной
хочетъ,
И голосъ замеръ на устахъ!
Другой бѣжитъ на полѣ рат-
номъ,
Бѣжитъ, глотая пыль и прахъ,
Трикратъ сверкнулъ мечомъ бу-
латнымъ,
И въ воздухѣ недвижимъ мечъ!
Звеня, упали латы съ плечъ,
Копье рамена прободаетъ,
И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣ-
кой;
Несчастный раны зажимаетъ
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся онъ и тщетно ищетъ
И ранъ, и вражьяго копья.
Но вѣтъ шумитъ и въ рощѣ
свищетъ,
И волны мутнаго ручья
Подошвы скаль угрюмыхъ ро-
ютъ,
Клубятся, пѣнятся и воютъ
Средь дебрей снѣжныхъ и хол-
мовъ...

XXV.

Мадагаскарская пѣсня.

Изъ Парии.

Какъ сладко спать въ про-
хладной тѣни,
Пока долину зной палитъ,
И вѣтеръ чуть въ древесной сѣни
Дыханьемъ листья шевелить!

Приблизьтесь, жены, и руками
Сплетаясь дружно въ легкій
кругъ,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слухъ!

Воспойте пѣсни мнѣ, дѣвицы,
Плетущей сѣти для кошницъ,
Или какъ, сидя у пшеницы,
Она пугаетъ жадныхъ птицъ.

Какъ ваше пѣнье сердцу
внятию,
Какъ нѣгой утомляется духъ!
Какъ, жены, издали приятно
Смотрѣть на вашъ сплетенный
кругъ!

Да тихи, медленны и страстны
Тѣлодвиженья будуть вновь,
Да всюду съ чувствами согласны
Являютъ нѣгу и любовь!

Но вѣтъ вечерній повѣваетъ,
Ужъ свѣтлый мѣсяцъ надъ рѣкой,
И насы у кущи ожидаетъ
Постель изъ листьевъ и покой.

XXVI.

Надпись къ портрету N.

И тѣломъ, и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна, и столько же пригожа.

XXVII.

Мои пенаты.

Посланіе къ Жуковскому и Вяземскому.

Отечески пенаты,
О, пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ вѣсъ на новосельи
Смиренно, здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ,
Гдѣ, странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскаль себѣ пріютъ.
О, боги, будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный єюміамъ
Поэтъ приносить вамъ,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ!
О, лары, оживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!..
Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхой и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаражавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель,
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель.
Скудель!.. По мнѣ дороже,

Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!

Отеческие боги,
Да къ хижинѣ моей
Не существо въ вѣкъ дороги
Богатство съ суетой,
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о, мой убогій
Калѣка и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О, воинъ, у меня,
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О, старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ,
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупель и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!..
И ты, моя Лилета,
Въ смиренной уголокъ
Приди подъ вечерокъ
Тайкомъ, переодѣта!
Подъ шляпою мужской

И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрай!
Накинь мой плащъ широкой,
Мечомъ вооружись
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла; нарядъ военный
Упалъ къ ея ногамъ,
И кудри распущенны
Взвѣваютъ по плечамъ,
И грудь ея открылась
Съ лилейной бѣлизной:
Волнебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вотъ съ улыбкой нѣжной
Садится у огня,
Рукою бѣлоснѣжной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Какъ вѣтеръ межъ листами,
Мнѣ шепчетъ: „Я твоя,
„Твоя, мой другъ сердечной!“
Блаженъ, въ сѣни безпечной
Кто милою своей,
Подъ кровомъ отъ ненастя,
На ложѣ сладострастя
До утреннихъ лучей
Спокойно обладаетъ,
Спокойно засыпаетъ
Близъ друга сладкимъ сномъ!

Уже потухли звѣзды
Въ сіяніи дневномъ,
И пташки теплы гнѣзды,
Что свиты подъ окномъ,
Щебеча покидаютъ
И нѣгу отрясаютъ
Со крылышекъ своихъ;
Зефиръ листы колышетъ
И все любовью дышетъ
Среди полей моихъ;
Все съ утромъ оживаетъ,
А Лила почиваетъ
На ложѣ изъ цвѣтовъ,
И вѣтеръ тиховѣйной
Съ груди ея лилейной
Сдуль дымчатый покровъ,
И въ локоны златые

Двѣ розы молодыя
Съ нарциссами вплелись:
Сквозь тонкія преграды
Нога, ища прохлады,
Скользить по ложу внизъ...
Я Лилы пью дыханье
На пламенныхъ устахъ,
Какъ розъ благоуханье,
Какъ нектаръ на пирахъ.
Покойся, другъ прелестной,
Въ объятіяхъ моихъ!
Пускай въ странѣ безвѣстной,
Въ тѣни лѣсовъ густыхъ,
Богинею слѣпою
Забыть я отъ пелень,
Но дружбой и тобою
Съ избыткомъ награжденъ!
Мой вѣкъ спокоенъ, ясенъ,
Въ убожествѣ съ тобой
Мнѣ миль шалашъ простой,
Безъ злата миль и красенъ
Лишь прелестью твоей!

Безъ злата и честей
Доступенъ добрый геній
Поэзии святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуеть со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненъ
Уснетъ, и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной,
Земныхъ свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры музъ!)
Небесно вдохновенье,
Зачѣмъ летиши стрѣлой
И сердцаupoенъ
Уносиши за собой?
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,
Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ
Иль области эаирины,

Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирный
Бесѣдовать со мной!
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ...
Что вижу? Ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ ¹⁾ ,
Пѣвецъ героевъ, славы,
Вслѣдъ вихрямъ и громамъ,
Нашъ лебедь величавый,
Плыешь по небесамъ!
Въ толпѣ и музъ, и грацій ²⁾ ,
То съ лирой, то съ трубой
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаешь голосъ свой;
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстю прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ,
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ,
То древню Русь и нравы
Владиміра времянь,
И въ колыбели славы
Рожденіе славянъ.
За ними сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ харить,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ ³⁾ ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою.
Гимнъ радости поеть!
Съ Эротами играя,
Философъ и пітъ,
Близъ Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.

За нимъ въ часы свободы
Поють среди цвѣтовъ
Два баловня природы,—
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники-піты,
О, Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ хариты
Бессмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ
И въ радости взыгаю:
О, музы, я піть!

А вы, смиренной хаты,
О, лары и пенаты,
Отъ зависти людской
Мое скройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И нѣгу, и покой!
Фортуна, прочь съ дарами
Блистательныхъ суетъ!
Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань отъ ненастя
Челнокъ мой проводиль,
И васъ, любимцы счастья,
Навѣки позабылъ.
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ музъ,
Безпечные счастливцы,
Философы-лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны,
Придите въ часъ беспечный
Мой домикъ навѣстить,
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть уладить
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить.
О, Вяземскій, цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай!

¹⁾ Ломоносовъ. — ²⁾ Державинъ. — ³⁾ Богдановичъ.

Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ, наливай!
Питомецъ музъ надежный,
О, Аристиповъ внуκъ,
Ты любишь пѣсни иѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ иѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ, и блажъ
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь!
О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,
И мы потопимъ скучу
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой
И губить лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ, скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упнемся сладострастьемъ
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой

Подъ лезвеемъ косы
И лѣнью жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни донрядутъ
И насть въ обитель ноши
Ко прадѣдамъ снесутъ,—
Товарищи любезны,
Не сѣтуйте о насть!
Къ чему рыданья, слезы,
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?.. Но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ,
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы
Съ листами повиликъ!
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливцевъ молодыхъ.

XXVIII.

На смерть супруги Θ. Θ. Кокошина.

Nell'et  sua pi  bella e pi  fiorita...
E viva... e bella al ciel salita ..
Petrarca.

Нѣть подруги иѣжной, нѣть прелестной Лили,
Все осиротѣло!
Плачъ, любовь и дружба! Плачъ, Гименъ унылый,
Счастье улетѣло!

Дружба, ты всесчастно радости цвѣтами
Жизнь ся дарила,
Ты свою богиню съ воплемъ и слезами
Въ землю положила.

Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вкругъ урны!
Пусть приносить юность въ даръ чистѣйши слезы
И цвѣты лазурны!

Все вокругъ уныло! Чуть зефиръ весенний
Памятникъ лобзаетъ;
Здѣсь, въ жилищѣ плача, тихій смерти геній
Розу обрываетъ.

Здѣсь Гимонъ прикованъ, блѣдныи и безгласныи,
Вѣчною тоскою
Гасить у гробницы своей свѣтильникъ ясныи
Трепетной рукою!

1812.

XXIX. .

Дружество.

Подражаніе Біону.

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ,
Кто любить и любимъ чувствительной душой!
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрий Пириоидъ,
Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ:
Съ нимъ другъ его Шиладъ... подъ лезвеемъ мечай.
А ты, младый Ахилль, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ героеvъ и друзей,
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною
И, друга смерть отмстивъ безгрешной рукою,
Счастливъ... Ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

XXX.

Къ В. А. Жуковскому.

Прости, балладникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Нашъ давній покровитель!
Ты счастливъ средь полей
И въ хижинѣ укромной.
Какъ юный соловей
Въ прохладѣ рощи темной
Съ любовью дни ведеть,
Гнѣзда не покидая,
Невидимый поетъ,
Невидимо плѣняя
Веселыхъ пастуховъ
И жителей пустынныхъ,—
Такъ ты, краса пѣвцовъ,

Среди забавъ невинныхъ
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой!
О, пой, любимецъ счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Всѣ блага разсыпая
Обильною рукой,
Тебѣ подносить вины
И портеръ выписной,
И сочны апельсины,
И съ труфлями пирогъ—
Весь Амальтеи рогъ,

Вовѣкъ неистощимый
На жирный твой обѣдъ!

А мнѣ... покоя нѣть!
Смотри: неумолимый
Домашній Гиппократъ,
Наперникъ Парки блѣдной,
Поповъ слуга усердной,
Чумъ и смерти братъ,
Поклявшися латынью
И практикой своей,
Поитъ меня полынью
И супомъ изъ костей,
Безъ дальняго старанья
До смерти запоить,
И къ вамъ писать посланья
Отправить за Коцитъ!
Все въ жизни измѣнило,
Что сердцу сладко лъстило,
Все, все, прошло какъ сонъ:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлонъ!
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ,
Сухъ, блѣденъ, какъ мертвѣцъ;
Дрожать мои колѣни,
Спина дугой къ землѣ,
Глаза потухли, впали,

И скорби начертали
Морщины на челѣ;
Навѣкъ исчезла сила
И доблѣсть прежнихъ лѣть.
Увы, мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ!
Вчера съ улыбкой злую
Мнѣ молвила она,
Какъ древле Громобою
Коварный сатана:
„Усошій, миръ съ тобою!
„Усопшій, миръ съ тобою!“
Ахъ, это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За древни прегрѣшенья?..
Нѣть, новая мученія,
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ,
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсь,
Какъ онъ, на рионы дюжій,
Какъ онъ, головорѣзъ;
Поютъ и напѣваютъ
Съ ночи до бѣла дня,
Читаютъ и читаютъ,
И до смерти меня
Убійцы зачитываютъ!

XXXI.

Отвѣтъ А. И. Тургеневу.

Ты правъ: поэтъ не лжецъ,
Красавицъ воспѣвая.
Но часто нашъ пѣвецъ,
Въ восторгѣ утопая,
Разсудка строгій гласъ
Забудетъ для Армиды;
Для двухъ коварныхъ глазъ,
Подъ знаменемъ Киприды,
Сей новый Донъ-Кишотъ
Проводить вѣкъ съ мечтами,
Съ химерами живеть,
Бесѣдуетъ съ духами,
Съ задумчивой луной
И—міръ смѣшить собой!
Для свѣта равнодушенъ,

Для славы и честей,
Одной любви послушень.
Онъ дышитъ только ей,
Вездѣ съ своей мечтою,
Въ столицѣ и въ поляхъ,
Съ поникшой головою,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Какъ призракъ блѣдный, бродить,
Одно твердить, поеть:
„Любовь, любовь зоветъ...“
И рионы лишь находить!
Такъ вѣрио Аполлонъ
Давно съ любовью въ ссорѣ,
И мститель Купидонъ
Судилъ поэтамъ горе.

Всѣ нимфы строги къ намъ
За наши псалмопѣнья,
Какъ Дафна къ богу пѣнья;
Мы лавръ находимъ тамъ
Иль кипарисъ печали,
Гдѣ счастья розъ искали,
Цвѣтушихъ не для нась.
Взгляните на Парнасъ:
Любовникъ строгой Лоры
Тамъ съ горести погасъ,
Скалы и дики горы
Его лишь знали гласъ
На берегахъ Воклюзы.
Тамъ Душенъки пѣвецъ,
Любимецъ нѣжный музъ
И пламенныхъ сердецъ,
Любилъ, взыхалъ всечасно,

Вездѣ искаль мечты,
Чо лирой сладкогласной
Не тронулъ красоты.
Лезбосская пѣвица,
Прекрасная въ женахъ,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила въ волнахъ...
И я клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взалуски поемъ,
Клянуся Хлоей въ томъ,
Что русскіе поэты
Давно бѣ на берегъ Леты
Толпами перешли,
Когда бѣ скалу Левкада
Въ болота Петрограда
Судьбы перенесли!

XXXII.

Разлука.

Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
Надолго съ милой разлучаясь,
Вздыхая, онъ сказалъ:
„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинѣ злой не пособить!
„Клянуся честью и усами
„Любви не измѣнить!
„Любви непобѣдима сила!
„Она—мой вѣрный щитъ въ войнѣ;
„Булатъ въ рукѣ, а въ сердцѣ Лила,—
„Чего страшиться мнѣ?
„Не плачь, красавица, слезами
„Кручинѣ злой не пособить!
„А если измѣню, усами
„Клянуся наказанъ быть!
„Тогда мой вѣрный конь споткнися,
„Летя во вражій станъ стрѣлой;
„Уздечка бранная порвится
„И стремя подъ ногой!
„Пускай булатъ въ рукѣ сразмаха
„Изломится, какъ прутъ гнилой,
„И я, блѣднѣя весь отъ страха,
„Явлюсь передъ тобой!”

Но вѣрный конь не спотыкался
Подъ нашимъ всадникомъ лихимъ,
Булатъ въ бояхъ не изломался,
И честь гусара съ нимъ.

А онъ забылъ любовь и слезы
Своей пастушки дорогой
И рвалъ въ чужбинѣ счастья розы
Съ красавицей другой.

Но что же сдѣлала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицамъ—игрушка,
А клятвы ихъ—слова!

Все здѣсь, друзья, измѣной дышитъ,
Теперь нѣть вѣрности нигдѣ!
Амуръ, смѣясь, всѣ клятвы пишетъ
Стрѣлою на водѣ.

1813.

XXXIII.

Къ Д. В. Дашкову.

Мой другъ, я видѣлъ море зла
И неба мстительного кары,
Браговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ ру比щахъ издрани-
ныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ;
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ
грудныхъ,
Онѣ въ отчаянны рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошен-
ной,

Среди развалинъ и могилъ,
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,

Свидѣтели протекшой славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почи-
вали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лиши угли, прахъ и камней горы,
Лиши груды тѣль кругомъ рѣки,
Лиши ницихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!..
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велиши мнѣ пѣть любовь и ра-
дость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость,
Среди воснныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голось мирнаго цѣвицы

Сзывать пастушекъ въ хороводъ,
Миѣ иѣть коварныхъ забавы
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могиль моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣть, нѣть, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнина,
Когда ты будешь мнай забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣть, нѣть, пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ

XXXIV.

Переходъ русскихъ войскъ черезъ Нѣманъ 1-го января 1813 года.

Отрывокъ изъ большого стихотворенія.

Снѣгами погребенъ, угрюмый Нѣманъ спаль.
Равнину льдистыхъ водъ и берегъ опустѣлый
И на берегу покинутыя села
Туманный мѣсяцъ озарялъ.
Все пусто... Кое-гдѣ на снѣгѣ трупъ чернѣеть,
И брошенныхъ костровъ огонь дымяся тлѣеть,
И, хладный какъ мертвецъ,
Одинъ среди дороги,
Сидитъ задумчивый бѣглецъ,
Недвижимъ, смутный взоръ вперивъ на мертвы иоги.
И всюду тишина... И се, въ пустой дали
Сгущенныхъ копій лѣсь возникнулъ изъ земли!
Онъ движется. Гремятъ щиты, мечи и брони,
И грозно въ сумракѣ ночномъ
Чернѣютъ знамена и ратники, и кови:
Несутъ полки Славянъ погибель за врагомъ,
Достигли Нѣмана и копья водрузили.
Изъ снѣга возросли безчисленны шатры,
И на берегу зажженныя костры
Все небо заревомъ багровымъ обложили.
И въ станѣ царь младой
Сидѣлъ между вождями,
И старецъ-вождь предъ нимъ, блестящій сѣдинами
И бранью въ старости красой...

1814.

XXXV.

П л ъ н н ы й.

Въ мѣстахъ, гдѣ Рона протекаетъ
По бархатнымъ лугамъ,
Гдѣ миръ душистый расцвѣтаетъ,
Склоняясь къ ея водамъ,
Гдѣ на горахъ роскошно зреетъ
Янтарный виноградъ,
Златой лимонъ на солнцѣ рдѣетъ,
И яворы шумятъ,
Въ часы вечернія прохлады,
Любуяся рѣкой,
Стоялъ, склоня на Рону взгляды,
Съ глубокою тоской,
Добыча браны, русскій плѣнныій,
Придонскихъ честь сыновъ,
Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ.

„Шуми“—онъ пѣль—„волнами, Рона,
„И жатвы орошай,
„Но плескомъ волнъ родного Дона
„Мнѣ шумъ напоминай!
„Я въ праздности теряю время,
„Душою въ людствѣ сиръ;
„Мнѣ жизнь не въ жизни безъ славы, бремя,
„И пусть прекрасный міръ!
„Весна вокругъ живитъ природу,
„Яснѣе солнца свѣтъ,
„Все славитъ счастье и свободу,
„Но мнѣ свободы нѣтъ!
„Шуми, шуми волнами, Рона,
„И мнѣ воспоминай
„На берегахъ родного Дона
„Отчизны милый край!
„Здѣсь прелесть—сельскія дѣвицы,
„Ихъ взоръ огнемъ горить
„И сквозь потупленны рѣсницы
„Мнѣ радости сулить...
„Какія радости въ чужбинѣ!
„Онѣ въ родныхъ краяхъ,
„Онѣ цвѣтутъ въ моей пустынѣ
„И въ дебряхъ, и въ снѣгахъ.
„Отдайте жъ мнѣ мою свободу,
„Отдайте край отцовъ,

„Отчизны вьюги, неногоду,
„На родинѣ мой кровъ,
„Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ!
„Ахъ, дайте мнѣ коня;
„Туда помчить онъ быстрымъ бѣгомъ
„И день, и ночь меня,

„На родину, въ сей теремъ древній,
„Гдѣ ждетъ меня краса
„И подъ окномъ, въ часы вечерни,
„Глядитъ на небеса,
„О другѣ тайно помышляетъ
„Иль робкою рукой
„Коня ретиваго ласкаетъ,
„Тебя, соратникъ мой!

„Шуми, шуми волнами, Рона,
„И жатвы орошай,
„Но плескомъ волнъ родного Дона
„Мнѣ шумъ напоминай!
„О, вѣтры, съ полночи летите .
„Отъ родины моей!
„Вы, звѣзды сѣвера, горите
„Изгнаннику свѣтлѣй!“

Такъ пѣлъ нашъ плѣнникъ одинокой
Въ виду ліонскихъ стѣнъ,
Гдѣ юношѣ судьбой жестокой
Назначенъ долгій илѣнъ.
Онъ пѣлъ... У ногъ сверкала Рона,
Въ ней мѣсяцъ трепеталь,
И на златыхъ верхахъ Лиона
Лучъ солнца догорадъ.

XXXVI.

Тѣнъ друга.

Sunt aliquid Manes: letum non omnia finit,
Luridaque extinctos effangit umbra rogos.
Propertius.

Я берегъ покидалъ туманный Альбиона.
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ,
За кораблемъ вилася гальцона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ,
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ
И кормчаго на палубѣ взвыданье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,

Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стояль

И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.

Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томпое забвенье навели.

Мечты смѣнялися мечтами
И вдругъ... То былъ ли сонъ... Предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертю надъ Плайскими струями.

Но видѣ не страшенъ былъ; чело
Глубокихъ ранъ не сохранило,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.

„Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
Ты ль это“—я вскричалъ—„о, воинъ вѣчно милой?
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,

Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго, отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдныи трупъ, могила и обрядъ,
Свершенній дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! Пускай знакомый звукъ

Еще мой жадный слухъ ласкаеть,
Пускай рука моя, о, незабвенный другъ,
Твою съ любовью сжимаеть...“
И я летѣль къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ полуночи,
И сонъ покинулъ очи.

Все спало вокругъ меня подъ кровомъ тишины,
Стихіи грозныя казалися безмолвны,
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣяль вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,

И все душа за призракомъ летѣла,
Все гости горячаго остановить хотѣла,
Тебя, о, милый братъ, о, лучшій изъ друзей!

XXXVII.

На развалинахъ замка въ Швеціи.

Уже свѣтило днія на западѣ горитъ
И тихо погрузилось въ волны.
Задумчиво луна сквозь тонкій паръ глядѣтъ
На хляби и брега безмолвны,
И все въ глубокомъ снѣ поморіе кругомъ.
Лиць изрѣдка рыбарь къ товарищамъ взываетъ,
Лиць эхо гласъ его протяжно повторяетъ
Въ безмолвіи ночномъ.

Я здѣсь, на сихъ скалахъ, висящихъ надъ водой,
Въ священномъ сумракѣ дубравы
Задумчиво брожу и вижу предъ собой
Слѣды протекшихъ лѣтъ и славы:
Обломки, грозный валъ, поросшій злакомъ ровъ,
Столбы и ветхій мостъ съ чугунными цѣпями,
Твердыни мшистые съ гранитными зубцами
И длинный рядъ гробовъ.

Все тихо. Мертвый сонъ въ обители глухой.
Но здѣсь живеть воспоминанье,
И путникъ, опервшись на камень гробовой,
Вкушаетъ сладкое мечтанье.
Тамъ, тамъ, гдѣ вьется плющъ по лѣстницѣ крутой,
И вѣтъ колышетъ стебль изсохшія полыни,
Гдѣ мѣсяцъ осребриль угрюмая твердыни
Надъ спящею водой,

Тамъ воинъ иѣкогда, Одена храбрый внукъ,
Въ бояхъ приморскихъ посѣдѣлый,
Готовилъ сына въ брань и стрѣль пернатыхъ пукъ,
Броню завѣтну, мечъ тяжелый
Онъ юношѣ вручилъ израненой рукой
И громко восклицалъ, подъявъ дрожащи длані:
„Тебѣ онъ обреченъ, о, богъ, властитель брани,
Всегда и всюду твой!

А ты, мой сынъ, клянись мечомъ своихъ отцовъ
И Гелы клятвою кровавой
На западныхъ струяхъ быть ужасомъ враговъ
„Иль пасть, какъ предки пали, съ славой!“
И пылкій юноша мечъ прадѣдовъ лобзаль,
И къ персямъ прижималъ родительскія длані,
И въ радости, какъ конь, при звукѣ новой брани,
Кипѣль и трепеталь.

Война, война врагамъ отеческой земли!
Суда на утро возшумѣли,

Заплынились моря, и быстры корабли
На крыльяхъ бури полетѣли.
Въ долинахъ Нейстри раздался браней громъ,
Туманный Альбіонъ изъ края въ край пылаетъ,
И Гела день и ночь въ Валгаллу провождаетъ
Погибшихъ блѣдный сонмъ.

Ахъ, юноша, спѣши къ отеческимъ брегамъ,
Назадъ лети съ добычей бранной!
Ужъ вѣетъ кроткій вѣтъ во слѣдъ твоимъ судамъ.
Герой, побѣдою избранной!
Ужъ скальды пиршество готовятъ на холмахъ.
Зри: дубы въ пламени, въ сосудахъ медъ сверкаетъ.
И вѣстникъ радости отцамъ провозглашаетъ
Побѣды на моряхъ.

Здѣсь, въ мирной пристани, съ денницеей золотой
Тебя невѣста ожидаетъ,
Къ тебѣ, о, юноша, слезами и мольбой
Боговъ на милость преклоняется.
Но вотъ въ туманѣ тамъ, какъ стая лебедей,
Бѣлѣютъ корабли, несомые волнами...
О, вѣй, попутный вѣтъ, вѣй тихими устами
Въ вѣтра кораблей!

Суда у береговъ; на нихъ уже герой
Съ добычей женъ иноплеменныхъ;
Къ нему спѣшить отецъ съ невѣстою младой
И лики скальдовъ вдохновенныхъ.
Красавица стоитъ безмолвствуя, въ слезахъ,
Едва на жениха взглянуть украдкой смѣеть,
Потупя ясный взоръ, краснѣеть и блѣднѣеть,
Какъ мѣсяцъ въ небесахъ...

И тамъ, гдѣ камней рядъ, сѣдымъ одѣтый мхомъ,
Помостъ обрушенный являетъ,
Повременно сова въ безмолвіи ночномъ
Пустыню крикомъ оглашаетъ,
Тамъ чаши радости стучали по столамъ,
Тамъ храбрые кругомъ съ друзьями ликовали,
Тамъ скальды пѣли брань, и персты ихъ летали
По пламеннымъ струнамъ,

Тамъ пѣли звукъ мечей и свистъ пернатыхъ стрѣль,
И трескъ щитовъ, и громъ ударовъ,
Кипящу брань среди опустошенныхъ селъ
И грады въ заревѣ пожаровъ;
Тамъ старцы жадный слухъ склоняли къ пѣснѣ сей,
Сосуды полные въ десницахъ ихъ дрожали,
И гордые сердца съ восторгомъ вспоминали
О славѣ юныхъ дней...

Но все покрыто здѣсь угрюмой ночи мглой,
 Все время въ прахъ преобразило!
Гдѣ прежде скальдъ гремѣлъ на арфѣ золотой,
 Тамъ вѣтеръ свищетъ лишь уныло.
Гдѣ храбрый ликоваль съ дружиною своей,
Гдѣ жертвовалъ виномъ отцу и богу браны,
Тамъ дремлють, притаясь, двѣ трепетныя лани
 До утреннихъ лучей.

Гдѣ жъ вы, о, сильные, вы, Галловъ бичъ и страхъ,
 Земель полнощныхъ исполины,
Роальда спутники, на бренныхъ членокахъ
 Протекши дальняя пучины?
Гдѣ вы, отважныя толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брахи, и свободы,
Возникшіе въ снѣгахъ, средь ужасовъ природы,
 Средь копий, средь мечей?

Погибли сильные! Но странникъ въ сихъ мѣстахъ
 Не тщетно камня вопрошаешь
И руны тайныя, преданья на скалахъ,
 Угрюмой древности читаетъ.
Оратай ближнихъ сель, склоняясь на посохъ свой,
Гласитъ ему: „Смотри, о, сынъ иноплеменный,
Здѣсь тлѣютъ праотцевъ останки драгоцѣнны,
 Почти ихъ гробъ святой!“

XXXVIII.

Судьба Одиссея.

Изъ Шиллера.

Средь ужасовъ земли и ужасовъ морей
Блуждая, бѣдствуя, искалъ своей Итаки
Богобоязненный страдалецъ Одиссей,
Стопой безтрепетной сходилъ Аида въ мраки.
Харибы яростной, подводной Сциллы стонъ
 Не потрясли души высокой.
Казалось, побѣдилъ терпѣньемъ рокъ жестокой
И чашу горести до капли выпилъ онъ;
Казалось, небеса карать его устали
 И тихо сонного домчали
До милыхъ родины давно желанныхъ скалъ.
Проснулся онъ—и что жъ... Отчизны не позналъ.

XXXIX.

Элегія изъ Тибулла.

Вольный переводъ.

Месалла, безъ меня ты мчишься по волцамъ
Съ орлами римскими къ восточнымъ берегамъ,
А я, въ Оеакіи оставленный друзьями,
Ихъ заклинаю всѣмъ—и дружбой, и богами,
Тибулла не забыть въ далекой сторонѣ!
Здѣсь Парка блѣдная конецъ готовитъ мнѣ,
Здѣсь жизнь мою прервѣтъ безжалостной рукою..
Неумолимая, нѣть матери со мною!
Кто будетъ принимать мой пепель отъ костра?
Кто будетъ безъ тебя, о, милая сестра,
За гробомъ слѣдовать въ одѣждѣ погребальной
И миро изливать надъ урною печальной?
Нѣть друга моего, нѣть Деліи со мной!
Она и въ самый часъ разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершила:
Въ священномъ ужасѣ бессмертныхъ вопрошала,
И жребій счастливый намъ отрокъ вынималъ.
Что пользы отъ того? Часть гибельный насталъ,
И снова Делія печальна и уныла,
Слезами полный взоръ невольно обратила
На дальний путь. Я самъ, лишенный скорбью силь,
„Утѣшься“, Делія сквозь слезы говорилъ,
„Утѣшься“, и еще съ невольнымъ трепетаньемъ
Печальную лобзаль послѣднимъ лобызаньемъ.
Казалось, нѣкій богъ меня остановлялъ:
То воронъ мнѣ бѣду внезапно предвѣщаль,
То въ день, отцу боговъ Сатурну посвященный,
Я слышалъ громъ глухой за рощей отдаленной.
О, вы, которые умѣете любить,
Страшитесь любовь разлукой прогнѣвить!
Но, Делія, къ чему Изидѣ приношенья,
Сіи въ ночи глухой протяжны пѣспопѣнья
И волхвованье жрицъ, и мѣди звучной стонъ?
Къ чему, о, Делія, въ безбрачномъ ложѣ сонъ
И очищенія священна водою?
Все тщетно, милая! Тибулла нѣть съ тобою!
„Богиня грозная, спаси его отъ бѣдъ!“
И снова Делія мастики принесеть,
Украсить дивный храмъ весенними цвѣтами
И съ распущенными по вѣтру волосами,
Какъ дѣва чистая, во ткань облечена,
Возсядетъ на помостъ: и звѣзды, и луна,
До восхожденія румяная Авроры,
Услышать гласъ ся и жрицъ фарійскихъ хоры.

Отдай, богиня, мнѣ родимыя поля,
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья,
Отдай мнѣ Делю: и вамъ дары богаты
Я въ жертву принесу, о лары и пенаты!
Зачѣмъ мы не живемъ въ златыя времена?
Тогда безпечныя народовъ племена
Путей среди лѣсовъ и горъ не пролагали
И раломъ никогдя полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легкихъ парусахъ,
Несома вѣтрами въ лазоревыхъ моряхъ,
И кормчій не дерзаль по хлябямъ разъяреннымъ,
Съ сидонскимъ багрецомъ и съ золотомъ безцѣннымъ,
На утломъ кораблѣ скитаться здѣсь и тамъ;
Дебелый воль бродилъ свободно по лугамъ,
Топталъ душистый злакъ и сналь въ тѣни зеленой,
Конь борзый не крошилъ узды кровавой пѣной,
Не зрели на поляхъ столбовъ и рубежей,
И куши сельскія стояли безъ дверей;
Медь капалъ изъ дубовъ янтарною слезою,
Въ сосуды молоко обильною струею
Лилося изъ сословъ, питающихъ овецъ.
О, мирны пастыри, въ невинности сердецъ!
Безпечно жившие среди пустынь безмолвныхъ!
При васъ, на пагубу друзей единокровныхъ,
На наковалынѣ млатъ не исковалъ мечай,
И ратникъ не гремѣлъ оружьемъ средь полей.
О, вѣкъ Юпитеровъ, о, времена несчастны!
Война, вездѣ война и гладъ, и моръ ужасный
Повсюду рыщетъ смерть—на сушѣ, на водахъ!
Но ты, держацій громъ и молню въ рукахъ,
Будь мирному пѣвцу Тибуллу благосклоненъ!
Ни словомъ, ни душой я не былъ вѣроломенъ;
Я съ трепетомъ боговъ отчизны обожалъ,
И если мой конецъ бывременный насталъ,
Пусть камень обо мнѣ прохожимъ возвѣщаетъ:
„Тибулль, Месаллы другъ, здѣсь съ миромъ почиваетъ“.
Единственный мой богъ и сердца властелинъ,
Я былъ твоимъ жрецомъ, Киприды милый сынъ!
До гроба я носилъ твои оковы иѣжны,
И ты, Амуръ, меня въ жилища безмятежны,
Въ Элизій приведешъ таинственной стезей,
Туда, гдѣ вѣчный май межъ рощей и полей,
Гдѣ расцвѣтаетъ нардъ и киннамона лозы,
И воздухъ напоенъ благоуханьемъ розы.
Тамъ слышно пѣнѣ птицъ и шумъ блюющихъ водъ,
Тамъ дѣви юныя, сплетаясь въ хороводѣ,
Мелькаютъ межъ древесъ, какъ легки привидѣнья.
И тотъ, кого постигъ, въ минуту уноенъя,
Въ объятіяхъ любви неумолимый рокъ,

Тотъ носитъ на челъ изъ свѣжихъ миръ вѣнокъ.
А тамъ, внутри земли, во пропастяхъ ужасныхъ,
Жилище вѣчное преступниковъ несчастныхъ,
Тамъ рѣки пламенны сверкаютъ по пескамъ,
Мегера страшная и Тизифона тамъ
Съ челомъ, опутаннымъ шипящими зміями,
Бѣгутъ на дикій брегъ за блѣдными тѣнами.
Гдѣ скрыться? Адскій пещь лежить у мѣдныхъ вратъ,
Рыкаетъ зѣвъ его... и рой тѣней назадъ!
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкеладъ и Тифій преогромный
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей.
Тамъ хищный Иксіонъ, окованный зміей,
На быстромъ колесѣ вертится безконечно,
Тамъ въ жаждѣ пламенной Танталь безчеловѣчной
Надъ хладною рѣкой сгораетъ и дрожитъ...
Все тщетно! Вспять вода коварная бѣжитъ...
И черпаютъ ее напрасно Данаиды,
Всѣ жертвы вѣчныя карающей Киприды.
Пусть тамъ страдаетъ тотъ, кто рушилъ нашъ покой
И разлучилъ меня, о, Делія, съ тобой!
Но ты, мнѣ вѣрия, другъ милый и безцѣнной,
И въ мирной хижинѣ, отъ взоровъ сокровенной,
Съ наперсницей любви, съ подругою твоей
На мигъ не покидай домашнихъ алтарей!
При шумѣ зимнихъ вьюгъ, подъ сѣнью безопаснай
Подруга въ темну ночь зажжетъ свѣтильникъ ясной
И тихо вретено кружка въ рукѣ своей,
Расскажетъ повѣсти и были старыхъ дней,
А ты, склоняя слухъ на сладки небылицы,
Забудешься, мой другъ, и томныя зѣницы
Закроетъ тихій сонъ, и пряслица изъ рукъ
Падеть... и у дверей предстанетъ твой супругъ,
Какъ небомъ посланный внезапно добрый гений.
Бѣги навстрѣчу мнѣ, бѣги изъ мирной сѣни,
Въ прелестной наготѣ явись моимъ очамъ:
Власы развѣянны небрежно по плечамъ,
Вся грудь лилейная и ноги обнаженны...
Когда жъ Аврора намъ, когда сей день блаженный
На розовыхъ коняхъ въ блистаны принесеть,
И Делію Тибулль въ восторгѣ обойметъ?

1815.

XL.

Посланіе И. М. Муравьеву-Апостолу.

Ты правъ, любимецъ музъ! Отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу гений
И имъ въ теченьи днейъ своихъ не измѣнить!

Кто бъ ни былъ—пламенный ораторъ иль пітъ,
Свѣтильникъ мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества нѣмого подражатель,
Наперникъ музъ, позналъ отъ колыбельныхъ дней,
Что долженъ быть жрецомъ парнасскихъ алтарей.
Младенецъ счастливый, уже любимецъ Феба,
Онъ съ жадностью взиралъ на свѣтъ лазурный неба,
На зелень, на цвѣты, на зыбку сѣнь древесъ,
На воды быстрыя и полный мрака лѣсъ.
Онъ, къ лону матери приникнувъ, улыбался,
Когда веселый май цвѣтами убирался,
И жавронокъ вился надъ зеленою полей.
Златая лъ радуга, пророчица дождей,
Весь сводъ лазоревый подернетъ облистаньемъ—
Ее привѣтствовалъ невнятнымъ лепетаньемъ,
Ее манилъ къ себѣ младенческой рукой.
Что видѣлъ въ юности предъ хижиной родной,
Что видѣлъ, чувствовалъ, какъ новый міра житель,
Того въ душѣ своей до позднихъ дній хранитель,
Желаетъ въ пѣсняхъ музъ потомству передать.
Мы видимъ первыхъ чувствъ волшебную печать
Въ твореняхъ генія, испытанныхъ вѣками:
Изъ мѣстъ, гдѣ Мантуа красуется лугами,
И Минцій въ камышахъ недвижимый стоитъ,
Отъ милыхъ лиръ своихъ отторженный пітъ,
Въ чертоги Августа судьбой перенесенной,
Жалѣль о васъ, ручы отчизны незабвенної,
О древней хижинѣ, гдѣ юность провождалъ
И Титира свирѣль потомству передаль. . .
Но тамъ ли, гдѣ всегда роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачного свода
Обиліемъ поля счастливья даритъ,
Таланта колыбель и область Піеридъ?
Нѣть, нѣть! И въ сѣверѣ любимецъ ихъ не дремлетъ,
Но гласу громкому самой природы внемлетъ,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихій враждебныхъ бой,
Ревущіе со скалъ угрюмыхъ водопады,
Пустыни снѣжныя, льдовъ вѣчныя громады
Иль моря шумнаго необразимый видъ,
Все, все возносить умъ, все сердцу говорить
Краснорѣчивыми, но тайными словами,
И огнь поэзіи витаетъ между нами.
Близъ Колы пасмурной, средь дикихъ рыбарей,
Въ трудахъ воспитанный, уже отъ юныхъ дней
Нашъ Пиндарь чувствовалъ сей пламень потаенный.
Сей огнь зиждительный, даръ Бога драгоцѣнныи,
Отъ юности въ душѣ небеснаго залогъ,
Которымъ Фебовъ жрецъ исполненъ, какъ пророкъ.

Онъ сладко трепеталъ, когда сквозь мракъ тумана
Стремился по зыбямъ холоднымъ океана
Къ необитаемымъ, бесплоднымъ островамъ
И мрежи разстилалъ по новымъ берегамъ.
Я вижу мысленно, какъ отрокъ вдохновенны
Стоить въ безмолвіи надъ бездной разъяренной
Среди мечтанія и первыхъ сладкихъ думъ,
Прислушивая волнъ однообразный шумъ.
Лицо горитъ его, грудь тягостно вздыхасть,
И сладкая слеза ланиту орошасть,
Слеза, извѣстная таланту одному!
Въ красѣ божественной любимцу своему,
Природа, ты не разъ на сѣверѣ являлась
И въ пламенной душѣ навѣки начерталась!
Исполненный всегда видѣніемъ первыхъ лѣтъ,
Какъ часто воспѣвалъ восторженный поэтъ
Дрожащій, хладный блескъ полуночной Авроры
И льдяныхъ, въ моряхъ носимы вѣтромъ горы,
И Уну, спящую средь звонкихъ камышей,
И день, чудесный день, безъ ночи, безъ зарей!
Въ Пальмирѣ сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ.
На тучны пажити приволжскихъ береговъ
Какъ часто Дмитріевъ, расторгнувъ свѣтски узы,
Водилъ насть по слѣдамъ своей счастливой музы,
Столь чистой, какъ струи царицы свѣтлыхъ водъ,
На коихъ въ первый разъ зреѣтъ солнечный восходъ
Пѣвецъ сибирскаго Пизарра вдохновенный!
Такъ, свыше нѣжною душою одаренный,
Піить отъ юности до сребряныхъ власовъ
Лелѣтъ въ памяти страну своихъ отцовъ.
На жизненномъ пути ему даруетъ геній
Неизсякаемый источникъ наслажденій
Въ замѣну счастія и скучныхъ міра благъ:
Съ нимъ муга тайная живетъ во всѣхъ мѣстахъ
И въ мірѣ дивный міръ любимцу созидаетъ.
Пускай свирѣпый рокъ по волѣ имъ играетъ,
Пускай не знаемый, безъ злата и честей,
Съ главой поникшою онъ бродить межъ людей,
Пускай Фортуною отъ дѣтства удостоинъ,
Онъ будетъ судія, министръ иль въ полѣ воинъ,
Но музамъ и себѣ нигдѣ не измѣнить!
Въ самомъ молчаніи онъ будетъ все піить.
Въ самомъ бездѣйствіи онъ съ дѣятельнымъ духомъ,
Всѣ сильно чувствуетъ, все ловитъ взоромъ, слухомъ,
Всѣмъ наслаждается и всюду наконецъ
Готовитъ Фебу дань его грядущій жрецъ.

XLI.

Странствователь и домосъдъ.

Объхавъ свѣтъ кругомъ,
Спокойный домосѣдъ, передъ моимъ каминомъ
Сижу и думаю о томъ,
Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ,
Какъ трудно вѣкъ дожить на родинѣ своей
Тому, кто въ юности изъ края въ край носился,
Все видѣлъ, все узналъ,— и что жъ? Изъ-за морей
Ни лучше, ни умнѣй
Подъ кровъ домашній воротился.
Поклонникъ суетнымъ мечтамъ,
Онъ осужденъ искать... чего—не знаетъ самъ!
О странникѣ такомъ скажу я повѣсть вамъ.

Два брата, Филалетъ и Клитъ, смиренно жили
Въ предмѣстіи Аеинъ подъ кровлею одной;
Въ довольствѣ? Не скажу, но съ бодрою душой
Встрѣчали день и ночь спокойно проводили,
Затѣмъ что по трудахъ всегда пріятенъ сонъ.
Вдругъ умеръ дядя ихъ, аеинскій Гарпагонъ,
И братья-бѣдняки—о радость!—получили
Не помню сколько минъ монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отдѣлки мастерской.

Наслѣдственнымъ добромъ свои насыти взоры,
Такіе завели другъ съ другомъ разговоры:
„Какъ думаешьъ своей казной расположить?“

Клитъ спрашивалъ у брата.
„А я такъ домъ хочу купить
И въ немъ тихохонько съ женою вѣкъ прожить
„Подъ сѣнью отчаго пената.
„Землицы уголокъ не будеть лишній намъ:
„Отъ дѣтства я любилъ ходить за виноградомъ,
„Водиться знаю съ стадомъ,
„И дѣтямъ я мой плугъ въ наслѣдство передамъ.
„А ты какъ думаешь?“— „О, я съ тобой несходенъ;
„Я пресмыкаться не способенъ
„Въ толпѣ гражданъ простыхъ,
„И съ помощью наслѣдства,
„Для дальнихъ замысловъ моихъ,
„Благодаря богамъ, теперь имѣю средства!“—
„Чего же хочешь ты?“— „Я?.. Славенъ быть хочу“.—
„Но чѣмъ?“— „Какъ чѣмъ? Умомъ, дѣлами
„И краснорѣчьемъ, и стихами,
„И мало ль чѣмъ еще? Я въ Мемфисъ полечу
„Дѣлиться мудростью съ жрецами:
„Зачѣмъ сей созданъ міръ? Кто править имъ и какъ?“

„Гдѣ кончится земля? Гдѣ гордый Нилъ родится?

„Зачѣмъ подъ пеленой сокрыть Изиды зракъ,

„Зачѣмъ горящій Фебъ все къ западу стремится?

„Какое счастье, милый братъ!

„Я буду въ мудрости соперникъ Пиѳагора,

„Въ Аѳинахъ обо мнѣ тогда заговорятъ,

„Въ Аѳинахъ?.. Что сказалъ! Отъ Нила до Босфора

„Прославится твой братъ, твой вѣрный Филалетъ!

„Какое счастье! Десять лѣтъ

„Я стану Ѣсть траву и нѣмъ какъ рыба буду,

„Но краснорѣчья даръ, конечно, не забуду.

„Ты знаешь, я всегда краснорѣчивъ бывалъ

„И площадь нашу посѣщалъ

„Не даромъ.

„Не стану я моимъ превозноситься даромъ,

„Какъ нашъ Алкивіадъ, ораторъ слабыхъ женъ,

„Или надутый Демосфенъ,

„Кичася въ пурпурѣ предъ царскими послами.

„Нѣтъ, нѣтъ, я каждого полезными рѣчами

„На площади градской намѣренъ просвѣщать!

„Ты самъ, оставя плугъ, придешь меня внимать,

„Съ народомъ шумные восторги раздѣляя

„И слезы радости подъmantіей скрывая,

„Краснорѣчивѣйшимъ изъ Грековъ называть.

„Ты обоймешь меня дрожащею рукою,

„Когда—повѣришь ли?—Гликерія сама

„На площади, съ толпою,

„Меня провозгласитъ оракуломъ ума,

„Ума и, можетъ быть, любезности. Конечно,

„Любезностью сердечной

„Я буду нравиться и въ сорокъ лѣтъ еще.

„Тогда аѳиняне забудутъ Демосѳена,

„И Кратеса въ плащѣ,

„И бочку шута Діогена,

„Которую—смотри!—онъ катитъ мимо насъ!“—

„Прощай же, братецъ, въ добрый часъ!

„Счастливаго пути къ премудрости желаю“,

Клитъ молвилъ краснобаю;

„Я вижу, намъ тебя ничѣмъ не удержать!“

Вздохнулъ, пожалъ плечами и къ городу опять

Пошелъ домашній быть и домикъ снаряжать,

А Филалетъ? Къ Пирею,

Чтобъ судно тирское застать

И въ Мемфисъ полетѣть съ румяною зарею.

Признаться, онъ вздохнулъ, начавши Одиссею,

Но кто не пожалѣлъ объ отческой землѣ,

Надолго разставаясь съ нею?

Семь дней на кораблѣ

Зѣвая

Проказникъ нашъ сидѣлъ
И на морѣ глядѣлъ,
Отъ скучи самъ съ собой вполголосъ разсуждая:
„Да гдѣ жъ тритоны всѣ? Гдѣ стаи нереидъ?
„Гдѣ скрылися онѣ съ толпой океанидъ?
„Я ни одной не вижу въ морѣ?“
И не увидѣлъ ихъ. Но вѣтеръ свѣжій вскорѣ
Въ Египетъ странника принесъ.
Уже онъ въ Мемфисѣ, въ обители чудесъ,
Уже въ святилище премудрости вступаетъ,
Какъ мумія, сидѣть среди бородъ сѣдыхъ
И десять дней зѣваетъ
За поученьемъ ихъ
О жертвахъ каменной Изидѣ,
Объ Аписѣ-быкѣ иль грозномъ Озиридѣ,
О псахъ Анубиса, о чеснокѣ святомъ,
Усердно славимомъ на Нилѣ,
О кровожадномъ крокодилѣ
• И о котѣ большомъ.
„Какія глупости, какое заблужденье!
„Клянуся Поллуксомъ, нѣть слушать болѣ силь!“
Грекъ молвилъ, потерявъ и важность и терпѣніе,
Съ скамьи, какъ бѣшеный, вскочилъ
И псу священному—о, ужась!—наступилъ
На божескую лапу.
Скорѣе въ руки посохъ, шляпу,
Скорѣй изъ Мемфиса бѣжать
Отъ гнѣва старцевъ разъяренныхъ,
Отъ крокодиловъ, псовъ и луковицъ священныхъ
И между грековъ просвѣщенныхъ
Любезной мудрости искать.
На первомъ кораблѣ онъ полетѣлъ въ Кротону.
Въ Кротонѣ бѣть челомъ смиренno Агатону,
Мудрѣйшему изъ мудрецовъ,
Жестокому врагу и мяса, и бобовъ
(Ихъ въ гнѣвѣ Пиѳагоръ, его учитель славный,
Проклятьемъ страшнымъ поразилъ,
Затѣмъ что у него желудокъ неисправный
Бобовъ и мяса не варилъ).
„Ты мудрости ко мнѣ, мой сынъ, пришелъ учиться?“
У Грека старецъ вопросилъ
Съ усмѣшкой хитрою. „Итакъ, прошу садиться
„И слушать пѣнѣ сферъ... Ты слышишь?“— „Ничего!“—
„А видиши ли въ девятомъ мірѣ
„Духовъ, летающихъ въ эѳирѣ?“—
„И менѣе того!“—
„Увидиши, попостись ты года три, четыре
„Да лѣть съ десятокъ помолчи;
„Тогда, мой сынъ, тогда обнимешь бреннымъ взоромъ

„Всѣ тайной мудрости лучи,
„Обнимешь, я тебѣ клянуся Пиѳагоромъ!“—
„Согласенъ, такъ и быть!“
Но греку шутка ли и день не говорить?
А десять лѣтъ молчать, молчать, да все поститься...
Зачѣмъ? Чтобъ мудрецомъ,
Съ морщиннымъ отъ поста и мудрости челомъ,
Въ Аѳинѣ возвратиться?
„О, нѣтъ!“
Чрезъ сутки возопилъ голодный Филалетъ.
„Юпитеръ далъ мнѣ ємъ съ разсудкомъ
„Не для того, чтобы я ходилъ съ пустымъ желудкомъ:
„Я мудрости такой покорнѣйшій слуга;
„Прощайте жъ навсегда, кротонски берега!“
Сказаль, и къ Этнѣ чуть направиль—
За дѣломъ: чтобы на ней узнать, зачѣмъ и какъ
Изношенный башмакъ
Философъ Эмпедоклъ предъ смертью тамъ оставилъ.
Узналъ, и съ вѣстью сей
Онъ—въ Грецію скорѣй,
Съ усталой отъ заботъ и праздности душою,
Повсюду гость среди людей,
Вездѣ за трапезой чужою,
Нашъ странникъ обходилъ
Поля, селенія и грады,
Но счастія не находилъ
Подъ небомъ счастливымъ Эллады.
Спѣша изъ края въ край, онъ игры посѣщалъ,
Забавы, зрелища, ристанья
И даже прорицанья
Безъ вѣры вопрошалъ,
Но хижину отцовъ нерѣдко вспоминалъ,
Въ ненастье по лѣсамъ бродя съ своей клюкою,
Какъ червемъ, тайною сиѣдаемый тоскою.
Притомъ же кошелекъ
У грека сталъ легокъ,
А ночью, какъ онъ шелъ черезъ Лаконски горы,
Отбили у него
И остальное воры.
Счастливъ еще, что жизнь не отняли его!
„Но жизнь безъ денегъ что? Мученіе нестерпимо!“
Такъ думалъ Филалетъ,
Ташась полунаагой въ степи необозримой.
Три раза солнца свѣть
Смѣнялся мракомъ ночи,
Но странника не зрели очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь,
Да горъ въ дали туманной цѣпь,
Илотовъ и воровъ ужасныя жилища.

Что дѣлать въ горѣ, что начать!

Придется умирать

Въ пустынѣ, одному, безъ помоши, безъ пищи.

„Нѣтъ, боги, нѣтъ!“

Терзая грудь, вопилъ несчастный Филалетъ.

„Я знаю, какъ покинуть свѣтъ,

„Не стану голодомъ томиться!“

И межъ кустовъ рѣку завидала вдалекѣ,

Онъ бросился къ рѣкѣ—

Топиться!

„Что, что ты дѣлаешь, слѣпецъ?“

Несчастному вскричалъ скептический мудрецъ,

Памфилъ сѣдобородой,

Который надъ водой, любуюся природой,

Одинъ съ клюкой тихонько брелъ

И, къ счастью, странника нашелъ

На краѣ гибельной напасти.

„Топиться хочешь ты? Согласенъ, но сперва

„Повѣдай мнѣ, твоя спокойна ль голова?“

„Разсудокъ ли тебя влечетъ въ рѣку, иль страсти?“

„Разсудокъ? Но его что намъ вѣщаетъ гласть?“

„Что жизнь и смерть равны для насть,

„Равны: такъ не зачѣмъ топиться!“

„Дай руку мнѣ, мой сынъ, и не стыдись учиться“

„У старца, чѣмъ мудрецъ здѣсь можетъ быть счастливъ!“

Кто жить совсѣтуется, всегда краснорѣчивъ:

И нашъ герой остался живъ.

Въ разсѣлинахъ скалы, висящей надъ водою,

Въ тѣни привѣтливой смоковницѣ и оливъ

Построенъ былъ шалашъ Памфиловой рукою,

Гдѣ старецъ десять лѣтъ

Провелъ въ молчаніи глубокомъ

И въ вѣчность проницалъ своимъ орлинымъ окомъ,

Забывъ людей и свѣтъ.

Вотъ тамъ-то ужинъ иль обѣдъ

Простой, но очень здравый

Находитъ Филалетъ:

Орѣхи, жолуди и травы,

Большой сосудъ воды, и только. Боже мой,

Какъ сладостно искать для трапезы такой

Въ утѣхахъ мудрости приправы!“

Птакъ, въ томъ дива нѣтъ, что съ путникомъ Памфилъ

Объ атраксії ¹⁾ тотчасъ заговорилъ.

„Все призракъ!“ подъ конецъ хозяинъ заключилъ,

„Богатство, честь и власти,

„Болѣзнь и нищета, несчастія и страсти,

„И я, и ты, и цѣлый свѣтъ,

¹⁾ Душевное спокойствіе.

„Все призракъ!“ — „Сновидѣніе!“
Со вздохомъ повторялъ унылый Филалетъ,
Но глядя на сухой обѣдъ,
Вскричалъ: „Я голоденъ!“ — „И это заблужденіе,
„Все грубыхъ чувствъ обманъ, не сомнѣвайся въ томъ!“
Недѣлю попостясь съ брадатымъ мудрецомъ,
Нашъ призракъ-Филалетъ рѣшился изъ пустыни
Отправиться въ Аеины.
Пора, пора блеснуть на площади умомъ,
Пора съ философомъ разстаться,
Который нась не даромъ научилъ,
Какъ жить и въ жизни сомнѣваться!
Услужливый Памфиль
Монетъ съ десятокъ самъ бродягъ предложилъ,
Котомкой съ жолудьми сущеными ссудилъ
И въ часъ румяного разсвѣта
Самъ вывелъ по тропамъ излучистымъ Тайгета
На путь аеинскій Филалета.
Вотъ странникъ нашъ идетъ и день и ночь одинъ;
Проходитъ Арголиду,
Коринѣ и Мегариду;
Вотъ Аттика, и вотъ дымъ сладостный Аеинъ,
Керамикъ съ рощами, предмѣстія начало,
Тамъ воды Иллиса!.. Въ немъ сердце задрожало:
Онъ — грекъ, то мудрено лъ, что родину любилъ,
Что землю цѣловаль съ горячими слезами,
Въ восторгѣ вѣѣ себя съ деревьями, съ домами
Заговорилъ!
Я самъ, друзья мои, дань сердца заплатилъ,
Когда волненіями судьбыны
Въ отчизну брошенный изъ дальнихъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ адмиралтейскій шпицъ,
Фонтанку, этотъ домъ и столько милыхъ лицъ,
Для сердца моего единственныхъ на свѣтѣ!
Я самъ...
Но дѣло все теперь о Филалетѣ,
Который, опершись на каѳедру, стоитъ
И ждетъ опять денницы
На милой площади аттической столицы.
Замѣтьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотѣли,
Съ какимъ царемъ, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремѣли,
Предвѣстники народныхъ бѣдъ.
Такъ рѣчью ихъ сразить желая, Филалетъ
Всѣхъ раньше на помостъ погибельный взмостился
И вотъ блеснуль Авроры свѣтъ,
А съ нимъ и шумъ дневной родился.
Народъ зашевелился:

Въ Аениахъ, какъ вездѣ, часть утра—часть сутѣ.
На площадь побѣжалъ ремесленникъ, поэтъ,
Поденщикъ, говорунъ, съ товарами купчина,
Софистъ, архонтъ и Фрина,
Съ толпой невольницъ и сиренъ,
И бочку прикатилъ насмѣшникъ Діогенъ.
На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла.
Нахлынули, вся площадь закипѣла.
Вы помните: бульваръ кипѣлъ въ Парижѣ такъ
Народа праздными толпами,
Когда по немъ леталъ съ нагайкою казакъ
Иль сѣверный Амуръ съ колчаномъ и стрѣлами.
Такъ точно весь народъ толпился и жужжалъ
Передъ ораторскимъ амвономъ.
Знакъ поданъ: начинай! Рой шумный замолчалъ,
И риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ,
Что Аттикѣ война
Погибельна, вредна,
Потомъ велерѣчию, ясно
По пальцамъ доказалъ, что въ мирѣ быть опасно.
„Что жъ дѣлать?“ закричалъ съ досадою народъ.
„Что дѣлать?.. Сомнѣваться!
„Сомнѣніе мудрости есть самый зрѣлый плодъ.
„Я вамъ совѣтую, граждане, колебаться—
„И не мириться и не драться“.
Народъ всегда нетерпѣливъ.
Сперва нашъ краснобай услышалъ легкій ропотъ,
Шушуканье, а тамъ поближе громкій хохотъ,
А тамъ... Но онъ стоитъ уже ни мертвъ, ни живъ,
Разинувъ ротъ, потупивъ взгляды,
Мертвѣе во сто разъ, чѣмъ мертвѣцы баллады.
Еще проходить мигъ...
„Ну, что же? Продолжай!“ Ораторъ все ни слова:
Отъ страха гдѣ языки!
Зато, какой въ толпѣ поднялся страшный крикъ,
Какая туча тамъ готова!
На каѳедру летитъ градъ яблоковъ и фигъ,
И камни ужъ свистятъ надъ жертвой...
И жалкій Филалетъ, избитый, полумертвый,
Съ ступени на ступень въ отчаяніи летитъ
И падаетъ безъ чувствъ подъ вѣрную защиту
Въ объятія отверсты... къ Клиту.
Итакъ, тщеславнаго спасаетъ бѣдный Клитъ,
Простякъ, неграмотный, презрѣнныи,
Въ Аениахъ дни влачить безъ славы осужденныи!
Онъ, онъ, прижавъ его къ груди,
Нахальныхъ крикуновъ толкаетъ на пути,
Однимъ грозитъ, у тѣхъ пощады просить
И брата своего, какъ старика Эней,

Къ порогу хижины своей
На раменахъ доносить.
Какъ брата въ хижинѣ лелѣть добрый Клить!
Не сводить глазъ съ него, съ нимъ сладко говорить,
Съ простымъ, но сильнымъ чувствомъ:
Предъ дружбой ничего и Гиппократъ съ искусствомъ!
Въ три дни страдалецъ нашъ оправился и всталъ
И брату кинулся на шею со слезами;
А братъ гостей назвалъ
И жертву воскурилъ предъ отчими богами.
Весь домикъ въ суетахъ! Жена и рой дѣтей
Веселыхъ, рѣзвыхъ и пригожихъ,
Во всемъ на мать свою похожихъ,
На пиршество несутъ для радостныхъ гостей
Простой, но щедрый даръ наслѣдственныхъ полей,
Румяное вино, янтарный медъ Гимета...
И чаша поднялась за здравье Филалета!
„Пей, ъшь и веселись, нежданный сердца гость!“
Всѣ гости заодно съ хозяиномъ вскричали.
И что же? Филалетъ, забывъ народа злость,
Бѣды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорилъ
Въ восторгѣ о тебѣ, великолѣпный Ниль!
А днѣй черезъ пятокъ, не болѣ,
Наскуча видѣть все одно и то же поле,
Все тѣ же лица всякий день,
Нашъ грекъ — повѣрите ль? — какъ въ клѣткѣ стосковался.
Онъ началъ по лѣсамъ прогуливать ужъ лѣнъ,
На горы ближнія взбирался,
Бродилъ всю ночь, весь день шатался,
Потомъ Аеины сталъ тихонько посѣщать,
На милой площади опять
Зѣвать,
Съ софистами о томъ, объ этомъ толковать;
Потомъ, провѣдавъ онъ отъ старыхъ грамотеевъ,
Что въ мірѣ есть страна,
Гдѣ вѣчно царствуетъ весна,
За розами побрелъ... въ снѣга Гипербореевъ.
Напрасно Клить съ женой ему кричали вслѣдъ
Съ домашняго порога:
„Братъ милый, воротись, мы просимъ, ради Бога!
Чего тебѣ искать въ чужбинѣ? Новыхъ бѣдъ!
„Откройся, чтѣ тебѣ въ отечествѣ не мило?
„Иль дружество тебя, жестокій, огорчило?
„Останься, милый братъ, останься, Филалетъ!“
Напрасныя слова! Чудакъ не воротился,
Рукой махнулъ и скрылся.

XLII.

Надпись къ портрету графа Эммануила Сенъ-При.

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но лилиямъ отцовъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресиль
Балярда древній духъ и доблѣсть Дюгесклина.

XLIII.

Таврида.

Другъ милый, ангель мой, сокроемся туда,
Гдѣ волны кроткія Тавриду омываютъ,
И Фебовы лучи съ любовью озаряютъ
Имъ древней Греціи священный мѣста!

Мы тамъ, отверженные рокомъ,
Равны несчастіемъ, любовію равны,
Подъ небомъ сладостнымъ полуденной страны
Забудемъ слезы лить о жребіи жестокомъ,
Забудемъ имена фортуны и честей.
Въ прохладѣ ясеней, шумящихъ надъ лугами,
Гдѣ кони дикие стремятся табунами
На шумъ студеныхъ струй, кипящихъ подъ землей,
Гдѣ путникъ съ радостью отъ зноя отдыхаетъ
Подъ говоромъ древесъ, пустынныхъ птицъ и водъ,
Тамъ, тамъ на съ хижина простая ожидаетъ,
Домашній ключъ, цвѣты и сельскій огородъ,
Послѣдніе дары фортуны благосклонной.
Васъ пламенны сердца привѣтствуютъ сто кратъ!
Вы краше для любви и мраморныхъ палатъ

Пальмиры сѣвера огромной!

Весна ли красная блистаетъ средь полей,
Иль лѣто знойное палитъ изсохши злаки,
Иль, урну хладную врацая, водолей
Валить шумящій дождь, сѣдой туманъ и мраки,—
О, радость, ты со мной встрѣчаешь солица свѣтъ
И, ложе счастія съ денницей покидая,
Румяна и свѣжа, какъ роза полевая,
Со мною дѣлишь трудъ, заботы и обѣдъ,
Со мной въ часъ вечера, подъ кровомъ тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голосъ твой я слышу, и рука

Въ твоей покойится всечасно.

Я съ жаждою ловлю дыханье сладострастно

Румяныхъ устъ, и если хоть слегка

Летающій зефиръ власы твои развѣбѣть
И взору обнажитъ снѣгамъ подобну грудь,
Твой другъ не смѣеть и вздохнуть,
Потупя взоръ, дивится и нѣмѣеть.

XLIV.

Р а з л у к а.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнью шатровъ
Старался усыпить встревоженныея чувства!
Ахъ, небо чуждое не лѣчитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
За мной ропталъ и волновался!
Напрасно, отъ бреговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,—
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою!
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бѣть излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена!
Напрасно! Всюду мысль преслѣдуется одна;
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя миѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей
Меня мертвить и оживляетъ.

XLV.

Пробужденіе.

Зефиръ послѣдній свѣялъ сонъ
Съ рѣсницъ, окованныхъ мечта-
ми,
Но я не къ счастью пробужденъ
Зефира тихими крылами.
Ни сладость розовыхъ лучей
Предтечи утренняго Феба,
Ни кроткій блескъ лазури неба,
Ни запахъ, вѣюшій съ полей,

Ни быстрый летъ коня ретива
По скату бархатныхъ луговъ
И лай борзыхъ, и звонъ ро-
говъ
Вокругъ пустыннаго залива,
Ничто души не веселить,
Души, встревоженныя мечтами,
И гордый умъ не побѣдить
Люби—холодными словами.

XLVI.

Воспоминанія.

Я чувствую, мой даръ въ поэзіи погасъ,
И муга пламенникъ небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глазъ.
Туда влечеть меня осиротѣлый геній,
Въ поля безплодныя, въ непроходимы сѣни,
Гдѣ счастья нѣтъ слѣдовъ,
Ни тайныхъ радостей, неизъяснимыхъ сновъ,
Любимцамъ Фебовы отъ юности извѣстныхъ,
Ни дружбы, ни любви, ни пѣсней музъ прелестныхъ,
Которыя всегда душевну скорбь мою,
Какъ лотосъ, силою волшебной врачевали ¹⁾.
Нѣть, нѣть, себя не узнаю
Подъ новымъ бременемъ печали!
Какъ странникъ, брошенный на брегъ изъ ярыхъ волнъ,
Встаетъ и съ ужасомъ разбитый видѣть членъ,
Рукою трепетной онъ мраки вопрошаєтъ,
Ногой скользить надъ пропастями онъ,
И вѣтеръ буйный развѣасть
Моленій гласть его, рыданія и стонъ,—
На краѣ гибели такъ я зову въ спасенье
Тебя, послѣдняя надежда, утѣшенье,
Тебя, послѣдній сердца другъ,
Средь бурей жизни и недугъ
Хранитель ангель мой, оставленный мнѣ Богомъ!
Твой образъ я таилъ въ душѣ моей залогомъ
Всего прекраснаго и благости Творца,
Я съ именемъ твоимъ летѣлъ подъ знамя браны
Искать иль славы, иль конца.
Въ минуты страшныя чистѣйши сердца дани
Тебѣ я приносилъ на Марсовыхъ поляхъ;
И въ мирѣ, и въ войнѣ, во всѣхъ земныхъ краяхъ
Твой образъ слѣдовалъ съ любовію за мною,
Съ печальнымъ странникомъ онъ неразлученъ сталъ...
Какъ часто въ тишинѣ, весь занятый тобою,
Въ лѣсахъ, гдѣ Жувизи ²⁾ гордится надъ рѣкою,
И Сейна по цвѣтамъ льетъ сребряный кристаллъ,
Какъ часто средь толпы и шумной, и беспечной,
Въ столицѣ роскоши, среди прелестныхъ женъ
Я пѣнъ забывалъ волшебное сиренъ
И о тебѣ одной мечталъ въ тоскѣ сердечной;
Я имя милое твердилъ
Въ прохладныхъ рощахъ Альбиона

1) Лотосъ—растеніе. Смотри Одиссею.

2) Жувизи—замокъ близъ Парижа.

И эхо называть прекрасную училь
Въ цвѣтушихъ пажитяхъ Ричмона¹⁾.
Мѣста прелестныя и въ дикости своей,
О, камни Швеціи, пустыни Скандинавовъ,
Обитель древняя и доблести, и нравовъ!
Ты слышала обѣть и гласъ любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальняя скалы гранитныхъ береговъ,
И села пахарей, и кущи рыбаковъ

Сквозь тонки, утренни туманы

На зеркальныхъ водахъ пустынной Троллетаны³⁾.

Исполненный всегда единственно тобой,

Съ какою радостью ступиль на брегъ отчизны!

„Здѣсь будеть“, — я сказалъ, — „душѣ моей покой,
Конецъ трудамъ, конецъ и страннической жизни“.

Ахъ, какъ обмануть я въ мечтаніи моемъ!

Какъ снова счастье мнѣ коварно измѣнило

Въ любви и дружествѣ, во всемъ,

Что сердцу сладко лъстило,

Что было тайною надеждою всегда!

Есть странствіемъ конецъ, печаліемъ — никогда!

Въ твоемъ присутствіи страданія и муки

Я сердцемъ новыя позналъ.

Онѣ ужаснѣе разлуки,

Всего ужаснѣе! Я видѣль, я читалъ

Въ твоемъ молчаніи, въ прерывномъ разговорѣ,

Въ твоемъ уныломъ взорѣ,

Въ сей тайной горести потупленныхъ очей,

Въ улыбкѣ и въ самой веселости твоей

Слѣды сердечнаго терзанья...

Нѣть, нѣть, мнѣ бремя жизни! Что въ ней безъ упованья.

Украсить жребій твой

Любви и дружества прочнѣйшими цвѣтами,

Всѣмъ жертвовать тебѣ, гордиться лишь тобой,

Блаженствомъ дней твоихъ и милыми очами,

Признательность твою и счастье находить

Въ рѣчахъ, въ улыбкѣ, въ каждомъ взорѣ,

Миръ, славу, суеты протекшія и горе,

Все, все у ногъ твоихъ, какъ тяжкій сонъ, забыть!

Что въ жизни безъ тебя! Что въ ней безъ упованья,

Безъ дружбы, безъ любви — безъ идоловъ моихъ!..

И муга, сѣтую, безъ нихъ

Свѣтильникъ гасить дарованья.

¹⁾ Ричмондъ — прекрасный городокъ въ окрестностяхъ Лондона, напротивъ жилища Попе. Путешественники никогда не забудутъ террасы и плѣнительныхъ впдовъ Ричмонда.

²⁾ Троллетана — водопадъ близъ Готенбурга, на западномъ берегу Швеціи.

XLVII.

Мой гений.

О, память сердца, ты сильней
Разсудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня въ странѣ плѣняешь даль-
ний!

Я помню голосъ милыхъ словъ,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власовъ;

Моей пастушки несравненной
Я помню весь нарядъ простой,
И образъ милый, незабвенный
Повсюду странствуетъ со мной.
Хранитель гений мой, любовью
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ!
Засну ль? Приникнетъ къ изго-
ловью
И уладить печальный сонъ.

XLVIII.

Послѣдняя весна.

Подражаніе Мильвуа.

Въ поляхъ блистаетъ май ве-
сельй,
Ручей свободно зажурчалъ,
И яркій голосъ Филомелы
Угрюмый боръ очаровалъ.
Все новой жизни пьеть дыханье.
Пѣвецъ любви, лишь ты унылъ!
Ты смерти вѣрной предвѣщанье
Въ печальному сердцѣ заклю-
чилъ.
Ты бродиши слабыми стопами
Въ послѣдній разъ среди полей,
Прощаясь съ ними и съ лѣ-
сами

Пустынной родины твоей:
„Простите, рощи и долины,
„Родныя рѣки и поля!
„Весна пришла, и часть кон-
чины,
„Неотразимой вижу я!
„Такъ Эпидавра прорицанье
„Вѣщало мнѣ: въ послѣдній разъ
„Услышишь горлицъ воркованье
„И гальціоны тихій гласъ,
„Зазеленѣютъ гибки лозы,
„Поля одѣнутся въ цветы,
„Тамъ первыя увидишь розы,
„И съ ними вдругъ уянешь ты...

„Ужъ близокъ часъ... Цвѣточки
мили,
„Къ чему такъ рано увядать?
„Закройте памятникъ унылый,
„Гдѣ прахъ мой будетъ истлѣ-
вать;
„Закройте путь къ нему собою
„Отъ взоровъ дружбы навсегда,
„Но если Делія съ тоскою
„Къ нему приблизится, тогда
„Исполните благоуханье
„Вокругъ пустынныи небосклонъ
„И томныхъ листьевъ трепетань-
емъ

„Мой сладко очаруйте сонъ!“
Въ поляхъ цвѣты не увядали,
И гальціоны въ тихій часъ
Стенанья рощи повторяли,
А бѣдный юноша погасъ,
И дружба слезъ не уронила
На прахъ любимца своего,
И Делія не посѣтила
Пустынныи памятникъ его.
Лишь пастырь, въ тихій часъ
денніцы,
Какъ въ поле стадо выгонялъ,
Унылой пѣснью возмущалъ
Молчанье мертвое гробницы.

XLIX.

Надежда.

Мой духъ, довѣренность къ Творцу!
Мужайся, будь въ терпѣнїи камень!
Не Онъ ли къ лучшему концу
Меня провелъ сквозь бранный пламень?
На полѣ смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови мечъ врага,
И градъ свинцовый отражала?
Кто, кто мнѣ силу далъ сносить
Труды и гладъ, и непогоду,
И силу въ бѣдствїи сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто велъ меня отъ юныхъ дней
Къ добру стезею потаенной
И въ бурѣ пламенныхъ страстей
Мой былъ вожатай неизмѣний?

Онъ, Онъ! Его все даръ благой!
Онъ намъ источникъ чувствъ высокихъ,
Любви къ изящному прямой
И мыслей чистыхъ и глубокихъ!
Все даръ Его, и краше всѣхъ
Даровъ—надежда лучшей жизни!
Когда жъ узрю спокойный берегъ,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?

1816.

L.

Къ другу.

Скажи, мудрецъ младой, что прочно на земли?
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы область призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы пили чашу сладострастя...

Но гдѣ минутный шумъ веселья и пировъ,
Въ винѣ потопленныя чаши?
Гдѣ мудрость свѣтская сияющихъ умовъ?
Гдѣ твой фалернъ и розы наши?

Гдѣ домъ твой, счастья домъ?.. Онъ въ бурѣ бѣдъ исчезъ,
И мѣсто поросло кропивой,
Но я узналъ его: я сердца дань принесъ
На прахъ его краснорѣчивой.

На немъ, когда окрестъ замолкнетъ шумъ градской,
И яркій Весперъ засіаетъ
На темномъ сѣверѣ, твой другъ въ тиши ночной
Въ душѣ задумчивость питаетъ.

Отъ самой юности служитель алтарей
Богини нѣги и прохлады,
Отъ пресыщенія, отъ пламенныхъ страстей
Я сердцу въ ней ищу отрады.

Повѣришь ли? Я здѣсь, на пеплѣ храминъ стихъ,
Вѣнокъ веселія слагаю
И часто въ горести, въ волненіи чувствъ моихъ,
Потупя взоры, восклицаю:

„Минуты странники, мы ходимъ по гробамъ
„Всѣ дни утратами считаемъ,
„На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
„И что жъ?.. ихъ урны обнимаемъ!“

Скажи, давно ли здѣсь, въ кругу твоихъ друзей,
Сіяла Лила красотою?
Благія небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной подъ луною:

Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты,
Чело открытое одной изъ важныхъ музъ
И прелестъ дѣйственной хариты.

Ты самъ, забывъ и свѣтъ, и тщетный шумъ пировъ,
Ея бесѣдой наслаждался
И въ тихой радости, какъ путникъ средь песковъ,
Прелестнымъ цвѣтомъ любовался.

Цвѣтокъ,—увы!—исчезъ, какъ сладкая мечта.
Она въ страданіяхъ почила
И, съ міромъ въ страшный часъ прощаюсь навсегда,
На другѣй взоръ остановила.

Но, дружба, можетъ быть, ее забыла ты?
Веселье слезы осушило,
И тѣнь чистѣйшую дыханье клеветы
На лонѣ мира возмутило...

Такъ все здѣсь суетно въ обители суетъ,
Пріязнь и дружество непрочно!
Но гдѣ, скажи, мой другъ, прямой сіяеть свѣтъ?
Что вѣчно чисто, непрочно?

Напрасно вопрошаль я опытность вѣковъ
И Кліи мрачныя скрижали,
Напрасно вопрошаль всѣхъ міра мудрецовъ:
Они безмолвьемъ отвѣчали.

Какъ въ воздухѣ перо кружится здѣсь и тамъ,
Какъ въ вихрѣ тонкій прахъ летасть,
Какъ судно безъ руля стремится по волнамъ
И вѣчно пристани не знаетъ,

Такъ умъ мой посреди сомнѣній погибалъ,
Всѣ жизни прелести затмились,
Мой геній въ горести свѣтильникъ погашалъ,
И музы свѣтлыя скрылись.

Я съ страхомъ вопросилъ гласъ совѣсти моей...
И мракъ исчезъ, прозрѣли вѣжды,
И вѣра пролила спасительный елей
Въ лампаду чистую надежды.

Ко гробу путь мой весь какъ солнцемъ озаренъ,
Ногой надежною ступаю,
И съ ризы странника свергая прахъ и тлѣнъ,
Въ міръ лучшій духомъ возлетаю.

ЛІ.

Пѣснь Гаральда Смѣлаго.

Мы, други, летали по бурнымъ морямъ,
Отъ родины милой летали далеко,
На сушѣ, на морѣ мы бились жестоко,
И море, и суша покорствуетъ намъ!
О, други, какъ сердце у смѣлыхъ кипѣло,
Когда мы, содвинувъ стѣной корабли,
Какъ птицы неслися станицей веселой
Вокругъ пажитей тучныхъ Сиканской земли!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

О, други, я младость не праздно провелъ!
Съ сынами Дронтгейма вы помните сѣчу?
Какъ вихорь, предъ вами я мчался навстрѣчу
Подъ камни и тучи свистящія стрѣль.
Напрасно сдвигались народы, мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Какъ блѣдные класы подъ ливнемъ, упали
И всадникъ, и пѣшій... Владыка, и ты!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Насъ было лишь трое на легкомъ членѣ,
А море вздыпалось, я помню, горами;

Ночь черная въ полдень нависла съ громами,
И Гела зіяла въ соленой волнѣ,
Но волны, напрасно ярся, хлестали.
Я черпалъ ихъ шлемомъ, работалъ весломъ...
Съ Гаральдомъ, о, други, вы страха не знали
И въ мирную пристань влетѣли съ челномъ!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Вы, други, видали меня на конѣ.
Вы зрели, какъ рушилъ сѣкирой твердыни,
Летая на бурномъ питомцѣ пустыни
Сквозь пепель и вьюгу въ пожарномъ огнѣ.
Желѣзомъ я ноги мои окрыляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой разсѣкая,
Какъ лебедь отважный, по морю иду!..
А дѣва русская Гаральда презираетъ!

Я въ мирныхъ родился полночи снѣгахъ,
Но рано отбросилъ доспѣхи ловитвы—
Лукъ грозный и лыжи, и въ шумныхъ битвы
Васъ, други, съ собою умчалъ на судахъ.
Не тщетно за славой летали далеко
Отъ милой отчизны по дикимъ морямъ,
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море, и суза покорствуютъ памъ!.

А дѣва русская Гаральда презираетъ!

LII.

М щеніе.

Подражаніе Парни.

Невѣрный другъ и вѣчно милый
Зарю моихъ счастливыхъ дней
И слезы радости, и клятвы легкокрилы,
Все время унесло съ любовью твоей,
И все погибло невозвратно,
Какъ сладкая мечта, какъ утромъ сонъ пріятной!
Но все любовью здѣсь исполнено моей
И клятвы страшныя твои напоминаетъ,
Ихъ помнить и лѣса, ихъ помнить и ручей,
И эхо томное ихъ часто повторяетъ.
Взгляни, здѣсь въ первый разъ я встрѣтился съ тобой,
Ты здѣсь, подобная лилеѣ блоснѣжной,
Взлелѣянной въ садахъ Авророй и весной,
Подъ сѣнию безмятежной
Цвѣла невинностью близъ матери твоей.
Вотъ здѣсь я въ первый разъ вкусила надежды сладость,

Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей,

Когда твою грозила младость

Болѣзнь жестокая во цвѣтѣ погубить;

Здѣсь клялся, милый другъ, тебя не пережить,

Но съ новой прелестью ты къ жизни воскресала

И въ первый разъ люблю краснѣяся сказала.

(Тому сей дикій борь нѣмой свидѣтель быль.)

Твоя рука въ моей то млѣла, то пылала,

И первый поцѣлуй съ душою душу слилъ.

Тамъ взоръ потупленный назначилъ мнѣ свиданье

Въ зеленомъ сумракѣ развѣсистыхъ древесъ,

Гдѣ льется въ воздухѣ сирень благоуханье,

И облако цвѣтовъ скрываетъ сводъ небесь;

Тамъ ночь ненастная спустила покрывало,

И страшно загремѣль надъ нами ярый громъ,

Все небо въ пламени зардѣлося кругомъ

И въ рошѣ сумрачной сверкало.

Напрасно! Ты была въ объятіяхъ моихъ,

И къ новымъ радостямъ ты воскресала въ нихъ!

О, пламенный восторгъ, о, страсти упоеніе,

О, сладострастіе, себя, всего забвенье,

Съ ея любовію утрачены навѣкъ,

Вы будете всегда измѣнницѣ упрекъ!

Воспоминанье ваше,

Отъ времени еще прелестнѣе и краше,

Ея преступное блаженство помрачить

И сердцу за меня коварному отмстить

Неизлѣчимою, жестокою тоскою.

Такъ! Всюду образъ мой увидиша предъ собою

Не въ видѣ прежняго любовника въ цѣпяхъ,

Который съ нѣжностью сквозь слезы упрекаетъ

И жребій съ трепетомъ читаетъ

Въ твоихъ потупленныхъ очахъ;

Нѣтъ, въ лютой ревности, карая преступленіе,

Явлюсь, какъ блѣдное въ полуночь привидѣніе,

И всюду слѣдоватъ я буду за тобой:

Въ безмолвіи лѣсовъ, въ поляхъ уединенныхъ,

Въ веселыхъ пиршествахъ, тобой одушевленныхъ,

Гдѣ юность пылкая и взоръ считаетъ твой.

Въ глазахъ соперника, на ложѣ Гименея

Ты будешь съ ужасомъ о клятвахъ вспоминать,

При имени моемъ блѣднѣя,

Невольно трепетать.

Когда жъ безвременно съ полей кровавой битвы

Къ Коциту позоветъ меня судьбины гласъ,

Скажу: будь счастлива въ послѣдній жизни часъ,

И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы!

LIII.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

О, ты, который средь обѣдовъ;
Среди веселій и забавъ
Сберегъ для дружбы кроткій
 правъ,
Для дѣлъ — характеръ честный
 дѣдовъ!

О, ты, который при дворѣ,
Въ чаду успѣховъ или счастья,
Найти умѣль въ одномъ добрѣ
Души прямое сладострастье!

О, ты, который съ похоронъ
На свадьбы часто поспѣваешь,
Но, бѣднаго услыша стонъ,
Ушай не затыкаешь!

Услышь, мой вѣрный доброхотъ,
Поэта смиренаго моленъ,
Доставь крупицу отъ щедротъ
Сироткамъ двумъ на прокор-
 мленье!

Замолви слова два за нихъ
Краснорѣчивыми устами.
Лиши „дайте имъ!“ промолви—
 вмигъ

Онъ очутяется съ серыгами.
Но кто онъ? Скажу точь въ
 точь
Всю повѣсть ихъ передъ тобою.

Онъ — вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.
Жилъ иѣкто въ мірѣ семъ Поповъ,
Царя усердный воинъ.

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ дол-
 говъ,
Онъ, слѣдственно, спокоенъ.
Но въ мірѣ онъ забылъ жену
Съ груднымъ ребенкомъ и одну
Суму оставилъ имъ въ наслѣд-
 ство.

Но здѣсь не все для бѣдныхъ
 бѣдство!

Имъ добры люди помогли,
Согрѣли, накормили
И, словомъ, какъ могли,
Сиротокъ пріютили.

Прекрасно, славно, спору нѣть!
 Но... здѣшній свѣтъ
Не рай — мнѣ сказывалъ мой
 дѣдъ.

Враги нахлынули рѣкою,
Съ землей сравнялася Москва...
 И бѣдная вдова

Опять пошла съ клюкою.
А между тѣмъ все дочь растетъ,
И нужды съ нею подрастаютъ.
День за день все идетъ, идетъ,
Недѣли, мѣсяцы мелькаютъ;
Старушка клонится, а дочь
Пышнѣе розы расцѣтаетъ
И стала грація точь въ точь!
Прелестный взоръ, глаза большие,
Румянецъ Флоры на щекахъ
И кудри льняно-золотые
На алебастровыхъ плечахъ.
Что слово молвить, то пріят-

 ство,
Что ни надѣнетъ, все къ лицу!
Краса, — увы! — ея богатство
И все приданое къ вѣнцу,
А крохи иѣть насущной хлѣба!
Тургеневъ, другъ нашъ, ради
 неба,

Прайди на помоць красотѣ,
Несчастію и нищетѣ,
Онъ предъ образомъ, конечно,
Затеплять чистую свѣчу,
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

LIV.

Къ цвѣтамъ нашего Горация.

Ни выюги, ни морозы
Цвѣтовъ твоихъ не истребяты.
Богъ лиры, богъ любви и музы мнѣ твердятъ:
Въ саду Горация не увѣдаютъ розы.

LV.

Къ портрету Жуковскаго.

Подъ знаменемъ Москвы, предъ нашою столицей
Онъ храбрымъ гимны пѣлъ, какъ пламенныи Тиртей
Въ дни мира, новый Грей,
Плѣняетъ насть задумчивой цѣвицей.

LVI.

Гезіодъ и Омиръ соперники.

Посвящено А. И. Оленину, любителю древности.

Народы, какъ волны, въ Колхиду текли,
Народы счастливой Эллады.
Тамъ сильный владыка, надъ прахомъ отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцамъ отверзалъ.
Три раза съ румяной девицей
Бойцы выступали съ бойцами на бой,
Три раза стремили возницы
Коней легконогихъ по звонкимъ цолямъ,
И трижды владѣтель Колхиды
Достойнымъ оливны вѣнки раздавалъ.
Но солнце на лоно Ѹетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спѣшите, залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы!
Коней отрѣшите отъ тягостныхъ узъ
И въ стойлы прохладны ведите!
Вы, пылью и потомъ покрыты бойцы,
При пламени свѣтломъ вздохните!
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокія пѣсни внемлите!
Пройдя изъ края въ край гостепріимный міръ,
Лѣтами древними и рокомъ удрученный,
Здѣсь пѣсней царь Омиръ

И юный Гезіодъ, Каменамъ драгоцѣнныи,
Вступають въ славный бой.
Колебля маслину священною рукой,
Пѣвецъ Аскреи гимнъ высокій начинаетъ
(Онъ съ лирой никогда свой гласъ не сочетается):

Гезіодъ.

Безвѣстный юноша, съ стадами я бродилъ
Подъ тѣнью пальмовой близъ чистой Ипокрены;
Тамъ пастыря нашли прелестныя Камены,
И я въ обитель ихъ священную вступилъ.

Омиръ.

Мнѣ снилось въ юности: орелъ громометатель
Отъ Мелеса меня играючи унесъ
На край земли, на край небесъ,
Вѣщаю: „Ты земли и неба обладатель!“

Гезіодъ.

Тамъ лавры хижину простую остануть,
Въ пустыняхъ проѣтутъ Темисийскія долины,
Куда вы бросите свой благотворный взглядъ,
О, иѣжны дочери сурою Мнемозины!

Омиръ.

Хвала отцу боговъ! Какъ ясный сводъ небесъ
Надъ царствомъ высится плачевнаго Эреба,
Какъ радостный Олимпъ стоить превыше неба,
Такъ выше всѣхъ боговъ властитель ихъ, Зевесь!

Гезіодъ.

Въ священномъ сумракѣ, въ сіяніи Діаны
Вы, музы, любите сплетаться въ хороводъ
Или, торжественный въ Олимпъ свершая ходъ,
Съ бессмертными вкушать напитокъ Гебы рѣянный.

Омиръ.

Не знасть смерти онъ, кровь алая тельцовъ
Не брызнетъ подъ ножомъ надъ Зевсовой гробницей,
И кони бурные со звонкой колесницей
Предъ ней не будутъ прахъ крутить до облаковъ.

Гезіодъ.

А мы, всѣ смертные, всѣ паркамъ обречены,
Увидимъ области подземнаго царя
И рѣки спящія, Тенаромъ заключены,
Не льющи дань свою въ бездонныя моря.

О миРъ.

Я приближаюся къ метѣ сей неизбѣжной.
Виенли, о, юноша, ты иль Труды и Дни...
Для старца ветхаго ужъ кончились они!

Г е з і о дъ.

Сынъ дивный Мелеса! И лебедь бѣлоснѣжный
На синемъ Стремонѣ, провидя страшный часъ,
Не слаше твоего поеть въ послѣдній разъ!
Твой геній проницалъ въ Олимпъ, и вѣчны боги
Отверзли для тебя безоблачны чертоги.
И что жъ! Въ юдоли сей страдалецъ искони,
Ты рокомъ обреченъ въ печаляхъ кончить дни!
Пѣвецъ божественный, скиталясь какъ нищій,
Въ печальномъ рушишъ, безъ крова и безъ пищи,
Слѣпецъ всевидящій, ты будешь проклинать
И день, когда на свѣтъ тебя родила мать!

О миРъ.

Твой гласъ подобится амврозіи небесной,
Что Геба юная сафирной чашей льетъ.
Пѣвецъ, въ устахъ твоихъ поэзіи прелестной
Сладчайший Ольмія благоухаетъ медъ.
Но, музъ любимый жрецъ, страшись руки злодѣйской,
Страшись любви, страшись Эвбей береговъ.
Твой близокъ часъ! Увы, тебя Зевесъ Немейской,
Какъ жертву славную, готовить для враговъ!

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи ихъ. Народъ рукоплескалъ.
Но снова сладкій бой поэты начинали

При шумѣ радостныхъ похвалъ.
Омиръ, возвыся гласъ, воспѣлъ народовъ брани,
Народовъ, гибнущихъ по прихоти царей,
Пріама древняго, съ мольбой несуща дани
Убійцѣ грозному и кровныхъ, и дѣтей,
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харитъ и легкихъ Оръ, и страшную Эгиду,
Нентуна области, Олимпъ и дикий Адъ.
А юный Гезіодъ, взлелѣянный Парнасомъ,
Съ чудесной прелестью воспѣлъ веселымъ гласомъ
Весну, зеленую сопутницу Гіадъ,
Какъ Фебъ торжественно вселенну обтекаетъ,
Какъ дни и мѣсяцы рождаются въ небесахъ,
Какъ нивой золотой Церера награждаетъ
Труды годичные оратая въ поляхъ,
Заботы сладкія при сборѣ винограда.
Тебя, желанный миръ, лелѣятель долинъ,

Благословенныхъ сель и пастырь, и стада,
Онъ пѣль. И слабый царь, Колхиды властелинъ,
Отъ самой юности воспитанный средь мира,
Презрѣль высокій гимнъ бессмертнаго Омира
И пальму первенства сопернику вручилъ.
Счастливый Гезіодъ въ награду получилъ
За пѣсни, мирною Каменой вдохновенны,
Сосуды сребряны, треножникъ позлащенный
И чернаго овна, красу веселыхъ стадъ.
За нимъ, предъ нимъ сыны ахейскіе, какъ волны,
На край ристалища обширнаго спѣшатъ,
Гдѣ побѣдитель самъ, благоговѣнья полный,
При возліяніяхъ овна младую кровь
Довременно богамъ подземнымъ посвящаетъ
И музамъ свѣтлые сосуды предлагаетъ,
Какъ даръ, усердный даръ пѣвца, за ихъ любовь.
До самой старости преслѣдуемый рокомъ,
Но духомъ царь, не рабъ разгнѣванной судьбы,
Омиръ скрывается отъ суетной толпы,
Снѣдая грусть свою въ молчаніи глубокомъ.
Рожденный въ Самосѣ, убогій сирота
Слѣпца изъ края въ край, какъ сынъ усердный, водить,
Онъ съ нимъ пристанища въ Элладѣ не находитъ...
И гдѣ найдутъ его талантъ и нищета?

ПРИМѢЧАНІЕ

къ элегіи „Гезіодъ и Омиръ“.

Эта элегія переведена изъ Мильвуа, одного изъ лучшихъ французскихъ сти-
хотоврѣцъ нашего времени. Онъ скончался въ прошломъ году въ двѣтущей
молодости. Французскія музы долго будуть оплакивать преждевременную его
кончину: истинные таланты нынѣ рѣдки въ отечествѣ Расина.

Многіе писатели утверждали, что Омиръ и Гезіодъ были современники. Нѣ-
которые сомнѣваются, а иные и совершенно оспариваютъ это предположеніе.
Отецъ Гезіодовъ, какъ видно изъ поэмы Труды и Дни, жилъ въ Кумахъ,
откуда онъ перешель въ Аскрею, городъ въ Беотіи, у подошвы горы Геликона.
Тамъ родился Гезіодъ. Музы—говорить онъ въ началѣ Ѹеогоніи—нашли
его на Геликона и обрекли себѣ. Онъ самъ упоминаетъ о побѣдѣ своей въ
пѣснопѣніи. Архідамій, царь эвбейскій, умирая, завѣщалъ, чтобы въ девъ
смерти его ежегодно совершались погребальные игры. Дѣти исполнили завѣ-
щаніе родителя, и Гезіодъ былъ побѣдителемъ въ пѣснопѣніи. Плутархъ, въ
сочиненіи своемъ: Пиръ семи мудрецовъ, заставляетъ разсказывать
Періандра о состязаніи Омира съ Гезіодомъ. Послѣдній остался побѣдителемъ
и, въ знакъ благодарности музамъ, посвятилъ имъ треножникъ, полученный
въ награду. Жрица дельфійская предвѣщала Гезіоду кончину его; предвѣщаніе
сбылось: молодые люди, полагая, что Гезіодъ соблазнилъ сестру ихъ, убили
его на берегахъ Эвбей, посвященныхъ Юпитеру Немейскому.

Кажется не нужно говорить объ Омире. Кто не знаетъ, что первый въ
мире поэтъ былъ слѣпъ и нищей.

Намъ музы дорого таланты продаютъ!

1817.

LVII.

Переходъ черезъ Рейнъ.

Межъ тѣмъ какъ воины вдоль идутъ по полямъ,
Завидя вдалекъ твои, о, Рейнъ, волны,
 Мой конь, веселья полный,
Отъ строя отдѣлясь, стремится къ берегамъ,
 На крыльяхъ жажды прилетаетъ,
 Глотаетъ хладную струю
 И грудь усталую въ бою
 Желанной влагой обновляетъ.

О, радость, я стою при реинскихъ водахъ
И, жадные съ холмовъ въ окрестность брося взоры,
 Привѣтствую поля и горы,
И замки рыцарей въ туманныхъ облакахъ,
 И всю страну, обильну славой,
 Воспоминанье древнихъ дней,
 Гдѣ съ Альповъ вѣчною струей
 Ты льешься, Рейнъ величавый!

Свидѣтель древности, событий всѣхъ временъ,
О, Рейнъ, ты поилъ несчетны легіоны,
 Мечомъ писавшіе законы
Для гордыхъ Германа кочующихъ племенъ;
 Любимецъ счастья, бичъ свободы
 Здѣсь Кесарь бился, побѣжалъ,
 И конь его переплывалъ
 Твои священны, Рейнъ, воды!

Вѣка мелькнули: міръ крестомъ преображенъ,
Любовь и честь въ душахъ суровыхъ пробудились.
 Здѣсь витязи вооружились
Копьемъ за жизнь сиротъ, за честь прелестныхъ женъ;
 Тутъ совершались ихъ турниры.
 Тутъ бились храбрые, и здѣсь
 Не умеръ, мнится, и поднесъ
 Звукъ сладкой трубадуровъ лиры.

Такъ, здѣсь, подъ тѣнью смоковницъ и дубовъ,
При шумѣ сладостномъ пагорныхъ водопадовъ,
 Въ тѣни цвѣтушихъ сель и градовъ,
Восторгъ живеть еще средь избранныхъ сыновъ.
 Здѣсь все питаетъ вдохновеніе:
 Простыя нравы праотцовъ,
 Святая къ родинѣ любовь
 И праздной роскоши презрѣніе.

Все, все, и видъ полей, и видъ священныхъ водъ,
Туманной древности и бардамъ современныхъ,

Для чувствъ и мыслей дерзновенныхъ
И силу новую, и крылья придастъ.

Свободны, горды, полудики,
Природы вѣрные жрецы,
Тевтонски пѣли здѣсь пѣвцы...
И смолкли ихъ волшебны лики.

Ты самъ, родитель водъ, свидѣтель всѣхъ временъ,
Ты самъ, до нашихъ дней, спокойный, величавый,
Съ паденіемъ народной славы
Склонилъ чело, — увы! позналъ и стыдъ, и плѣнъ!
Давно ли брегъ твой подъ орлами
Атиллы новаго стеналь,
И ты уныло протекалъ
Между враждебныи полками?

Давно ли земледѣль вдоль красныхъ береговъ,
Средь виноградниковъ завѣтныхъ и священныхъ,
Полки встрѣчали иноплеменныхъ
И ненавистный взоръ зареинскихъ сыновъ?
Давно ль они кичася пили
Вино изъ синихъ хрусталей,
И кони ихъ среди полей
И зреихъ нивъ твоихъ бродили?

И часъ судьбы насталъ! Мы здѣсь, сыны снѣговъ,
Подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и съ громами,
Стеклись съ морей, покрытыхъ льдами.
Огъ струй полуденныхъ, отъ Каспія валовъ,
Отъ волнъ Улеи и Байкала,
Отъ Волги, Дона и Днѣпра,
Отъ града нашего Петра,
Съ вершинъ Кавказа и Урала!

Стеклись, нагрянули за часъ твоихъ гражданъ,
За часъ твердынь и сель, и нивъ опустошенныхъ,
И береговъ благословенныхъ,
Гдѣ расцвѣло въ тиши блаженство Россіянъ,
Гдѣ ангель мирный, свѣтозарный
Для странъ полуночи рожденъ
И Провидѣнъ обреченъ
Царю, отчинѣ благодарной.

Мы здѣсь, о, Рейнъ, здѣсь! Ты видиши блескъ мечей,
Ты слышиши шумъ полковъ и новыхъ коней ржанье,
Ура побѣды и взыванье
Ищущихъ, скачущихъ къ тебѣ богатырей.
Взвивая къ небу прахъ летучій,
По трупамъ вражескимъ летять
И вотъ — коней лихихъ поятъ,
Кругомъ заставя долгъ зыбучій.

Какой чудесный пиръ для слуха и очей!
Здѣсь пушекъ свѣтла мѣдь сіаетъ за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древніе средь копій и мечей.

Тамъ шлемы воевъ оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легкихъ всадниковъ рои,
Въ текучей влагѣ отраженны!

Тамъ слышенъ стукъ сѣкиръ, и паль угрюмый лѣсь,
Костры надъ Рейномъ дымятся и пылаютъ,
И чаши радости сверкаютъ,
И клики воиновъ восходятъ до небесъ.

Тамъ ратникъ ратника объемлетъ,
Тамъ точитъ пѣшій штыкъ стальной,
И конный грозною рукой
Крылатый дротикъ свой колеблеть.

Тамъ всадникъ, опершись на свѣтлу сталь копья,
Задумчивъ и одинъ, на берегѣ высокомъ
Стоитъ и жаднымъ ловить окомъ
Рѣки излучистой послѣдніе края.

Быть можетъ, онъ воспоминаетъ
Рѣку своихъ родимыхъ мѣсть
И на груди свой мѣдный крестъ
Невольно къ сердцу прижимаетъ...

Но тамъ готовится, по манію вождей,
Безкровный жертвеннікъ средь гибельныхъ трофеевъ,
И Богу сильныхъ Маккавеевъ
Колѣнопреклоцень служитель алтарей!

Его шумя пріосѣняетъ
Знаменъ отчизны грозный лѣсь,
И солнце юное съ небесъ
Алтарь сіянъемъ осыпаетъ.

Всѣ крики бранные умолкли, и въ рядахъ
Благоговѣніе внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили въ прахъ:
Поютъ Владыкѣ вышней силы.
Тебѣ, Подателю побѣдѣ,
Тебѣ, Незаходимый Свѣтъ,
Дымятся мирныя кадилы!

И се подвигнулись: валитъ за строемъ строй,
Какъ море шумное, волнуется все войско,
И эхо вторитъ кликъ геройской,
Досель не слышанный, о, Рейнъ, надъ тобой!
Твой стонѣтъ брегъ гостепріимной,
И мостъ подъ воями дрожитъ,
И врагъ, завида ихъ, бѣжитъ,
Отъ глазъ, въ дали теряясь дымной!

LVIII.

Умирающій Тассъ.

E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura, o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!
Che piú spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che piú giova amicizia, a giova amore?
Ahi lagrime! ahi dolore!
Torrismondo, tragedia di T. Tasso.

Какое торжество готовить древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ копиницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнныя ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ, къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвей течеть въ молитвы домъ
Подъ митрою апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнныи даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ?.. Тебѣ, божественный пѣвецъ,
Тебѣ сей даръ, пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ до кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато,
Гдѣ надъ божественой страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Пи слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротить желѣзныя судьбы,
Не знающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видить грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнью прощаюсь, восклицаетъ:
„Друзья, о, дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
„Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище!
„Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
„О, древнее квирптовъ пепелище,
„Земля священная героеvъ и чудесь,
„Развалины и прахъ краснорѣчивый!

„Лазурь и пурпурь безоблачныхъ небесъ,
„Вы, тополи, вы, древнія оливы,
„И ты, о, вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
„Засѣянный костьми гражданъ вселенной,
„Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
„Безвременной кончинѣ обреченной!
„Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
„И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
„И лавры славные надъ дряхлой головой
„Не уладить пѣвца свирѣпой доли!
„Отъ самой юности игралище людей,
„Младенцемъ былъ уже изгнаникъ.
„Подъ небомъ сладостнымъ Италии моей
„Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
„Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
„Гдѣ мой членокъ волнами не носился?
„Гдѣ успокоился? Гдѣ мой насущный хлѣбъ
„Слезами скорби не кропился?
„Сорренто, колыбель моихъ несчастныхъ дней,
„Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
„Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
„Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній!
„Ты помнишь сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
„Увы, съ тѣхъ порь добыча злой судьбыны,
„Всѣ горести узналь, всю бѣдность бытія!
„Фортуною изрытыя пучины
„Разверзлись подо мной, и громъ не умолкалъ!
„Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
„Я тщетно на земли пристанища искалъ!
„Повсюду—перстъ ея неотразимый,
„Повсюду—молніи, карающи пѣвца!
„Ни въ хижинѣ оратая простова,
„Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
„Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
„Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ не спасъ главы моей,
„Безславiemъ и славой удрученной,
„Главы изгнаника, отъ колыбельныхъ дней
„Карающей богинѣ обреченной!
„Друзья, но что мою стѣсняеть страшно грудь!
„Что сердце такъ и ноетъ, и трепещетъ?
„Откуда я? Какой прошелъ ужасный путь,
„И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
„Феррара, фуріи и зависти змія!..
„Куда, куда убійцы дарованья!
„Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
„Все слезы ихъ и сладки лобызанья,
„И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
„Такъ! Я свершилъ назначеное Фебомъ.
„Отъ первой юности его усердный жрецъ,

„Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ
„Я пѣль величіе и славу прежнихъ дней,
„И въ узахъ я душой не измѣнился.
„Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
„И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
„Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ, Сіонъ,
„На берегахъ цвѣтушихъ Йордана!
„Онъ вопрошалъ тебя, мутающійся Кедронъ,
„Васъ, мирная убѣжища Ливана!
„Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
„Въ величіи и въ блескѣ грозной славы!
„Онъ зреѣль тебя, Готфредъ, владыко, вождь царей,
„Подъ свистомъ стрѣль спокойный, величавый,
„Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
„Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель,
„Онъ зреѣль, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силь,
„Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
„И Тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
„О, доблести неслыханной примѣры!
„О, нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ,
„Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
„Торквато вѣсъ исторгъ изъ пропасти временъ:
„Онъ пѣль, и вы не будете забвены!
„Онъ пѣль, ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
„Рукою музъ и славы соплетенный...
„Но поздно! Я стою надъ бездной роковой
„И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,
„И лавры славные надъ дряхлой головой
„Не уладятъ пѣвца свирѣпой доли!

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣль,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной,
И умирающій, казалось, хотѣль
У парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался,
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился, и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣль
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣль,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.

„Смотрите“, — онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ, —
„Какъ царь свѣтиль на западѣ пылаеть!

„Опъ, онъ зоветь меня къ безоблачнымъ странамъ,
„Гдѣ вѣчное Свѣтило засіяеть.
„Ужъ ангель предо мной, вожатай оныхъ мѣсть,
„Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
„Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ,
„Молитеся съ надеждой и слезами!
„Земное гибнетъ все—и слава, и вѣнецъ,
„Искусствъ и музъ творенъя величавы...
„Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
„Податель намъ вѣнца небренной славы,
„Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
„Чѣмъ я дышаль отъ самой колыбели!
„О, братья, о, друзья, не плачте надо мной!
„Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли:
„Отыдеть съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
„Мучительной кончины не примѣтить.
„Тамъ, тамъ—о, счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
„Средь ангеловъ Элеонора встрѣтить!“

И съ именемъ любви божественный погасъ.
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоналъ, и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
„Погибъ Торквато нашъ“, воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
„Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!..“
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

Примѣчаніе

къ элегіи „Умирающей Тассъ“.

Не одна исторія, но живопись и поэзія неоднократно изображали бѣдствія Тасса. Жизнь его, конечно, извѣстна любителямъ словесности. Мы напомнимъ только о тѣхъ обстоятельствахъ, которыхъ подали мысль къ этой элегіи.

Т. Тассъ приписалъ свой Герусалимъ Альфонсу, герцогу Феррарскому: О, magnam! Alfonso!.. и великий покровитель безъ вины, безъ суда заключилъ его въ больницу св. Аны, т.-е. въ домъ сумасшедшихъ. Тамъ его видѣлъ Монтанъ, путешествовавшій по Италии въ 1580 году. Странное свиданіе въ такомъ мѣстѣ первого мудреца временъ новѣйшихъ съ величайшимъ стихотворцемъ!.. Но вотъ что Монтанъ пишетъ въ Опытахъ: „Я смотрѣлъ на Тасса еще съ большею досадою, нежели съ сожалѣніемъ; онъ пережилъ себя: не узнавалъ ни себя, ни твореній своихъ. Они безъ его вѣдома, но при немъ, но почти въ глазахъ его напечатаны неисправно, безобразно“. Тассъ, къ дополненію несчастія, не былъ совершенно сумасшедшій и въ ясныя минуты разсудка чувствовалъ всю горесть своего положенія. Воображеніе, главная пружина его таланта и злополучій, никогда ему не измѣняло. И въ узахъ онъ сочинялъ безпрестанно. Наконецъ, по усилиямъ просьбамъ всей Италии, почти всей просвѣщенной Европы, Тассъ былъ освобождѣнъ. (Заключеніе его продолжалось семь лѣтъ два мѣсяца и пѣсколько дній.) Но онъ не долго наслаждался свободою. Мрачныя воспоминанія, нищета, вѣчная зависимость отъ людей жестокихъ, измѣна друзей, несправедливость критиковъ, однимъ словомъ—всѣ горести, всѣ бѣдствія, какими только можетъ быть обремененъ человѣкъ, разрушили его крѣпкое сложеніе

и привели по терпіямъ къ ранней могилѣ. Фортуна, коварная до конца, приготовляя послѣдній рѣшительный ударъ, осыпала цветами свою жертву. Папа Климентъ VIII, убѣжденный просьбами кардинала Цинтіо, племянника своего, убѣжденный общенароднымъ голосомъ всей Италии, назначилъ ему триумфъ въ Капитоліи. „Я вамъ предлагаю вѣнокъ лавровый,—сказалъ ему папа,—не онъ прославитъ васъ, но вы его!“ Со временемъ Петrarки, во всѣхъ отношеніяхъ счастливѣшаго стихотворца Италии, Римъ не видалъ подобного торжества. Жители его, жители окрестныхъ городовъ желали присутствовать при вѣнчаніи Тасса. Дождливое осенне время и слабость зхоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. Въ апрѣль все было готово; но болѣзнь усилилась. Тассъ велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія и тамъ, окруженный друзьями и братіей мирной обители, на одрѣ мученія ожидалъ кончины. Къ несчастію, вѣрнѣшій его пріятель Константина не былъ при немъ, и умирающій написалъ къ нему сіи строки, въ которыхъ, какъ въ зеркаль, видна вся душа пѣвца Іерусалима: „Что скажетъ мой Константина, когда узнаетъ о кончинѣ своего милага Торквато? Не замедлить дойти къ нему эта вѣсть. Я чувствую приближеніе смерти. Никакое лѣкарство не излѣчитъ моей новой болѣзни. Она совокупилась съ другими недугами и, какъ быстрый потокъ, увлекаетъ меня... Поздно теперь жаловаться на фортуну, всегда враждебную! Не хочу упоминать о неблагодарности людей. Фортуна торжествуетъ. Нищъмъ я доведенъ ею до гроба въ то время, какъ надѣялся, что слава, пріобрѣтенная наперекоръ врагамъ моимъ, не будетъ для меня совершенно бесполезною. Я велѣлъ перенести себя въ монастырь св. Онуфрія не потому единственno, что врачи одобряютъ его воздухъ, но для того, чтобы на семъ возвышенномъ мѣстѣ, въ бесѣдѣ святыхъ отшельниковъ начать мои бесѣды съ Небомъ. Молись Богу за меня, милый другъ, и будь увѣренъ, что я, любя и уважая тебя въ сей жизни и въ будущей—которая есть настоящая—не премину все совершить, что требуется истинная, чистая любовь къ ближнему. Поручаю тебя благости небесной и себя поручаю. Прости!—Римъ. Св. Онуфрій“.

Тассъ умеръ 10 апрѣля на пятьдесятъ первомъ году, исполнивъ долгъ христіанскій съ истиннымъ благочестіемъ.

Весь Римъ оплакивалъ его. Кардиналъ Цинтіо былъ неутѣшенъ и желалъ великолѣпіемъ похоронъ вознаградить утрату триумфа. По его приказанію,—говорить Жингене въ Исторіи литературы итальянской,—тѣло Тассово было облечено въ римскую тогу, увѣнчано лаврами и выставлено всенародно. Дворъ, оба дома кардиналовъ Альдобрандини и народъ многочисленный провожали его по улицамъ Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще разъ на того, которого гений прославилъ свое столѣтіе, прославилъ Италию, и который столь дорого купилъ поздніяя, печальная почести.

Кардиналъ Цинтіо (или Чинтіо) объявилъ Риму, что воздвигнетъ поэту великолѣпную гробницу. Два оратора приготовили надгробныя рѣчи: одну латинскую, другую итальянскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятникъ не былъ воздвигнутъ. Въ обители св. Онуфрія смиренная братія показываетъ и понынѣ путешественнику простой камень съ этой надписью: „*Togquati Tassi ossa hic jacent*“. Она краснорѣчива.

Да не оскорбится тѣнь великаго стихотворца, что сынъ угрюмаго сѣвера, обязанній Іерусалиму лучшими, сладостными минутами въ жизни, осмѣлился принести скучную горсть цветовъ въ ея воспоминаніе!

LIX.

Вакханка.

Подражаніе Парни.

Всѣ на праздникъ Эригоны
Жрицы Вакховы текли.
Вѣтры съ шумомъ разнесли

Громкій вой ихъ, плескъ и стоны.
Въ чащѣ дикой и глухой
Нимфа юная отстала.

Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвѣвали,
Перевитые плющомъ,
Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ.
Стройный станъ, кругомъ обвитый
Хмеля желтаго вѣнцомъ,
И пылающи ланиты
Розы яркимъ багрецомъ,
И уста, въ которыхъ таетъ

Пурпуровый виноградъ,
Все въ неистовой прельщаетъ,
Въ сердце лѣтъ огонь и ядъ!
Я за ней... Она бѣжала
Легче серны молодой;
Я настигъ: она упала,
И тимпанъ подъ головой!
Жрицы Вакховы промчались
Съ громкимъ воплемъ мимо наасъ,
И по рощѣ раздавались
„Эвоэ“ и нѣги гласъ!

LX.
Мечта.

Подруга нѣжныхъ музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ слезъ,
Гдѣ ты скрываешься, мечта, моя богиня?
Гдѣ тотъ счастливый край, та мирная пустыня,
Къ которымъ ты стремишься таинственный полетъ?
Иль дебри любишь ты, сихъ грозныхъ скаль хребетъ,
Гдѣ вѣтръ порывистый и бури шумъ внимаешь?
Иль въ Муромскихъ лѣсахъ задумчиво блуждаешь,
Когда на западѣ зари мерцаешь лучъ,
И хладная луна выходитъ изъ-за тучъ?
Или, влекомая чудеснымъ обаяньемъ
Въ мѣста, гдѣ дышитъ все любви очарованье,
Подъ тѣнью яворовъ ты бродишь по холмамъ,
Студеной пѣною Воклюза орошеннымъ?
Явись, богиня, мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
Коснуся я струнамъ,
Тобой одушевленнымъ!

Явися! Ждеть тебя задумчивый піить,
Въ безмолвіи ночномъ сидящій у лампады!
Явись и дай вкусить сердечныя отрады!
Любимца твоего, любимца Аонидъ

И горесть сладостна бываетъ:
Онъ въ горести мечтаетъ.
То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
Гдѣ вѣтръ шумитъ, реветь гроза,
Гдѣ тѣнь Оскарова, одѣтая туманомъ,
По небу стелется надъ пѣннымъ океаномъ;

То съ чашей радости въ рукахъ
Онъ съ бардами поетъ — и мѣсяцъ въ облакахъ
И Кромлы шумный лѣсь безмолвно имъ внимаеть,
И эхо по горамъ пѣснь звучну повѣляетъ.

Или въ полночный часъ
Онъ слышитъ скальдовъ гласъ
Прерывистый и томный.
Зрить: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоятъ кругомъ костровъ,
Зажженныхъ въ полѣ браны,
И древній царь пѣвцовъ
Простеръ на арфу длани;
Могилу указавъ, гдѣ, вождь героевъ спитъ,
„Чья тѣнь, чья тѣнь“, — гласитъ
Въ священномъ изступленьи, —
„Тамъ съ дѣвами плывать въ туманныхъ облакахъ?“
„Се ты, младой Испель, иноплеменныхъ страхъ,
„Днесъ падшій на сраженьи!
„Миръ, миръ тебѣ, герой!
„Твоей сѣкирою стальной
„Пришельцы гордые разбиты,
„Но самъ ты паль на грудахъ тѣль,
„Палъ, витязь знаменитый,
„Подъ тучей вражьихъ стрѣль!
„Ты паль! И надъ тобой посланницы небесны,
„Валкиріи прелестны,
„На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
„Съ златыми коньями въ рукахъ,
„Въ безмолвіи спустились,
„Коснулись до зеницъ копьемъ своимъ, и вновь
„Глаза твои открылись!
„Течетъ по жиламъ кровь
„Чистѣйшаго эоира,
„И ты, безплотный духъ,
„Въ страны безвѣстны міра
„Летиши стрѣлой... И вдругъ
„Открылись предъ тобой тѣ радужны чертоги,
„Гдѣ уготовали для сонма храбрыхъ боги
„Любовь и вѣчный пиръ.
„При шумѣ горныхъ водъ и тихострунныхъ лиръ,
„Среди полянъ и свѣжихъ сѣней,
„Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей
„И златорогихъ сернъ!“
Склоняясь на злачный дернъ,
Съ дружиною младою,
Тамъ снова съ арфой золотою
Въ восторгѣ скальдъ поетъ
О славѣ древнихъ лѣтъ,
Поетъ, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды тихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
Но вечеръ притекаетъ,
Часъ нѣги и прохладъ,

Гласъ скальда замолкаеть...
Замолкъ, и храбрыхъ сонмъ
Идетъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Веристы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелестницы младыя,
Всегда полунагія,
На пиршства гостямъ,
Обильны яства носятъ
И пить умильно просятъ
Изъ чаши сладкій медъ.
Такъ древній скальдъ поетъ,
Лѣсовъ и дебрѣй синъ угрюмый:

Онъ счастливъ, погрузясь о счастыи въ сладки думы!

О, сладкая мечта, о, неба даръ благой!
Средь дебрѣй каменныхъ, средь ужасовъ природы,
Гдѣ плещутъ о скалы Ботническія воды,
Въ краяхъ изгнанниковъ я счастливъ быль тобой!
Я счастливъ быль, когда въ моемъ уединенъи
Надъ кущей рыбаря, въ часъ полночи нѣмой,
Раздастся вѣтровъ свистъ и вой,
И въ кровлю застучить и градъ, и дождь осенний.
Тогда на крыліяхъ мечты
Леталъ я въ поднебесной,
Или, забывшия на лонѣ красоты,
Я сонъ вкушаль прелестной,
И счастливъ наяву, быль счастливъ и въ мечтахъ!

Волшебница моя, дары твои безцѣнны
И старцу въ лѣта охлажденны,
Съ котомкой нищему и узнику въ цѣпяхъ!
Заклепы страшные съ замками на дверяхъ,
Соломы жесткій пукъ, свѣтъ блѣдныи пепелища,
Изглоданный сухарь, мышай тюремныхъ пища,
Сосуды глиняны съ водой—
Все, все украшено тобой!
Кто сердцемъ правъ, того ты ввѣкъ не покидаешь:
За нимъ во всѣ страны летаешь
И счастіемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабыть! Что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивость въ день пасмурній, осенний,
На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни
Бесѣдуешь одна.
О, тайныхъ слезъ неизъяснима сладость!
Что предъ тобой сердцеъ холодныхъ радость,
Веселій шумъ и блескъ честей
Тому, кто ничего не ищетъ подъ луною,

Тому, кто сопряженъ душою
Съ могилою давно утраченныхъ друзей?
Кто въ жизни не любилъ,
Кто разъ не забывался,
Любя мечтамъ не предавался
И счастья въ нихъ не находилъ?
Кто въ часъ глубокой ночи,
Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
Всю сладость не вкусила обманчивой мечты?

Теперь, любовникъ, ты
На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой,
Теперь блаженствуешь, и счастливъ ты... мечтой!
Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
И пектаромъ любви кропить лѣнивы маки!

Мечтаніе—душа поэтовъ и стиховъ.

И ъдкость сильная вѣковъ
Не можетъ прелестей лишить Анакреона,
Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ
Любовницы Фаона;

А ты, лежащій на цвѣтахъ
Межъ нимфъ и сельскихъ грацій,
Пѣвецъ веселія, Горацій,
Ты сладостно мечталъ,
Мечталъ среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ
И смерть угрюмую цвѣтами увѣнчаль!
Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ устарѣлыхъ,
На скатѣ бархатныхъ луговъ,
Въ счастливомъ Тибурѣ, въ твоемъ ѿединеніи,
Ты ждалъ Глицерію и въ сладостномъ забвеньи,
Томимый нѣговою на ложѣ изъ цвѣтовъ,
При воскуреніи мастика благоуханихъ,

При пляскѣ нимфъ вѣнчанихъ,
Сплетеныхъ въ хороводѣ,
При отдаленномъ шумѣ
Въ лугахъ журчащихъ водѣ,
Безмолвнѣ въ сладкой думѣ,
Мечталъ... и вдругъ мечтой
Восторженъ сладострастной,

У ногъ Глицеріи стыдливой и прекрасной
Побѣду пѣль любви
Надъ юностью беспечной
И первый жаръ въ крови,
И первый вздохъ сердечной,
Счастливецъ, воспѣвалъ
Цитерскія забавы,
И всѣ заботы славы
Ты вѣтрамъ отдавалъ!

Ужели въ истинахъ печальныхъ
Угрюмыхъ стоиковъ и скучныхъ мудрецовъ,
Сидящихъ въ платьяхъ потребальныхъ
Межу обломковъ и гробовъ,
Найдемъ мы жизни нашей сладость?
Отъ нихъ, я вижу, радость
Летить, какъ бабочка отъ терновыхъ кустовъ.
Для нихъ нѣтъ прелести и въ прелестяхъ природы;
Имъ дѣвы не поютъ, сплетаясь въ хороводы;
Для нихъ, какъ для слѣпцовъ,
Весна безъ радости и лѣто безъ цвѣтовъ,
Увы, но съ юностью исчезнутъ и мечтанья,
Исчезнутъ грацій лобызанья,
Надежда измѣнить и рой крылатыхъ сновъ!
Увы, тамъ нѣтъ уже цвѣтовъ,
Гдѣ тусклый опытность свѣтильникъ зажигаетъ,
И время старости могилу открываетъ!
Но ты пребудь вѣрна, живи еще со мной!
Ии свѣтъ, ни славы блескъ пустой,
Ничто даровъ твоихъ для сердца не замѣнить!
Пусть дорого глупецъ суетъ блестанье цѣнить,
Лобзая прахъ златой у мраморныхъ палатъ,
Но я и счастливъ, и богатъ,
Когда снискаль себѣ свободу и спокойство,
А отъ суетъ ушелъ забвенія тропой!
Пусть будетъ навсегда со мной
Завидное поэтовъ свойство:
Блаженство находить въ убожествѣ мечтой.
Ихъ сердцу малость драгоцѣнна:
Какъ пчелка, медомъ отягченна,
Летаетъ съ травки на цвѣтокъ,
Считая моремъ ручеекъ,
Такъ хижину свою поэтъ дворцомъ считаетъ
И счастливъ!.. Онъ мечтаетъ!

LXI.

Къ Н. М. Муравьеву.

Какъ я люблю, товарищъ мой,
Весны роскошной появленье
И въ первый разъ надъ муравой
Веселыхъ жаворонковъ пѣнье!
Но слаше мнѣ среди полей
Увидѣть первые биваки
И ждать безопасно у огней
Съ разсвѣтомъ дня кровавой драки.

Какое счастье, рыцарь мой,
Узреть съ нагорныхъ вершины
Необозримый нашихъ строй
На яркой зелени долины!
Какъ сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гулъ далекій
И погрузиться до утра
Подъ теплой буркой въ сонъ глубокій!
Когда по утреннимъ росамъ
Коней раздастся первый топотъ,
И ружей протяженный грохотъ
Пробудить эхо по горамъ,
Какъ весело передъ строями
Летать на ухорскомъ конѣ
И съ первыми въ дыму, въ огнѣ,
Ударить съ крикомъ за врагами!
Какъ весело внимать: „Стрѣлки,
„Впередъ! Сюда, донцы, гусары!
„Сюда, летучіе полки,
„Башкирцы, горцы и татары!“
Свисти теперь, жужжи, свинецъ!
Летайте ядра и картечи!
Что вы для нихъ, для сихъ сердцеъ,
Природой вскормленныхъ для сѣчи?
Колонны сдвинулись какъ лѣсъ,
И вотъ... О, зрѣлище прекрасно!
Идутъ. Безмолвіе ужасно!
Идутъ, ружье наперевѣсь;
Идутъ... Ура! И все сломили,
Разсѣяли и разгромили.
Ура, ура! И гдѣ же врагъ?..
Бѣжитъ... А мы въ его домахъ—
О, радость храбрыхъ!—киверами
Вино некупленное пьемъ
И подъ побѣдными громами
„Хвалите Господа“ поемъ!..
Но ты трепещешь, юный воинъ,
Склоняясь на сабли рукоять;
Твой духъ встревоженъ, беспокоенъ,
Онъ рвется лавры пожинать.
Съ Суворовымъ онъ вѣчно бродить
Въ поляхъ кровавыя войны
И въ вяломъ мирѣ не находить
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся! Съ первыми громами
Къ знаменамъ славы полетишь;
Но тамъ—о, горе—не узришь
Меня, какъ прежде, подъ шатрами!
Забытый шумною молвой,

Сердецъ мучительницей милой,
Я сплю, какъ труженикъ унылой,
Не оживляемый хвалой.

LXII.

Бесѣдка музъ.

Подъ тѣнью черемухи млечной
И золотомъ блистающихъ акацій
Спѣшу возстановить алтарь и музъ, и грацій,
Соцутницъ жизни молодой.
Спѣшу принесть цвѣты и ульевъ сотъ янтарный,
И нѣжны первенцы полей:
Да будетъ сладокъ имъ сей даръ любви моей
И гимнъ поэта благодарный!
Не злата молитъ онъ у жертвеника музъ:
Онѣ съ фортуною не дружны,
Ихъ крѣпче съ бѣдностью заботливый союзъ,
И болѣ въ шалашѣ, чѣмъ въ теремѣ досужны.
Не молить славы онъ сіяющихъ даровъ:
Увы, талантъ его ничтоженъ!
Ему отважный путь за стаю орловъ
Какъ пчелкѣ невозможенъ.
Онъ молить музъ—душѣ усталой отъ суетъ
Отдать любовь утраченну къ искусствамъ,
Веселость ясную первоначальныхъ лѣтъ
И свѣжестъ вянущимъ безперестанно чувствамъ.
Пускай заботъ свинцовыи грузъ
Въ рѣкѣ забвенія потонетъ,
И время жадное въ сей тайной сѣни музъ
Любимца ихъ не тронетъ.
Пускай и въ сѣдинахъ, но съ бодрою душой,
Безпечень, какъ дитя всегда безпечныхъ грацій,
Онъ нѣкогда придетъ вздохнуть въ сѣни густой
Своихъ черемухъ и акацій!

LXIII.

Къ С. С. Уварову.

Среди трудовъ и важныхъ музъ,
Среди учености всемірной
Онъ не утратилъ нѣжный вкусъ!
Еще онъ любить голосъ лирной,
Еще въ душѣ его огонь,
И сердце наслажденій просить,
И борзый Аполлоновъ конь

Отъ музъ его въ Цитеру носить.
Отъ пепла древняго Афинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима.
Съ развалинъ Трои и Солима,
Умомъ вселенной гражданинъ,
Онъ любить отыхать съ Эратой
Разнообразной и живой
И часто водить насъ съ собой
Въ страны фантазіи крылатой.
Ему легко: онъ награжденъ,
Благословенъ, взлелъянъ Фебомъ;
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,
Но будто въ Аттике рожденъ.

1818.

LXIII.

Подражаніе Аріосту.

La virginella è simile alla rosa.

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелъянной весной подъ сѣнью надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайного сокровища луговъ,
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

LXIV.

Н. М. Карамзину.

Когда на играхъ олимпійскихъ,
Въ надеждѣ радостныхъ похвалъ,
Отецъ исторіи читалъ,
Какъ грекъ разиль вождей азійскихъ
И силы гордыхъ сокрушилъ,—
Народъ, любитель громкой славы,
Забывъ ристанья и забавы,
Стоялъ и весь вниманье былъ.

Но въ сей толпѣ многонародной
Какъ старца слушалъ Фукидидъ,
Любимый отрокъ Аонидъ,
Надежда крови благородной!
Съ какою жаждой онъ внималъ
Отцовъ дѣянья знамениты
И на горящія ланиты
Какія слезы проливалъ!

И я такъ плакаъ въ восхищеньи,
Когда скрижалъ твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ, сладкомъ умилены.
Пускай талантъ не мой удѣль,
Но я для музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣль.

LXV.

Посланіе къ А. И. Тургеневу.

Есть дача за Невой,
Верстъ двадцать отъ столицы,
У Выборгской границы,
Близъ Парголы крутой;
Есть дача или мыза,
Пріютъ для добрыхъ душъ,
Гдѣ добрая Элиза
И съ ней почтенный мужъ,
Съ открытою душою
И съ лаской на устахъ,
За трапезой простою
На бархатныхъ лугахъ,
Безъ дальняго наряда,
Въ свой маленький пріютъ
Друзей изъ Петрограда
На праздникъ сельскій ждутъ.
Тамъ мужъ съ супругой нѣжной,
Въ часъ отдыха отъ дѣлъ,
Подъ кровъ свой безмятежной
Музъ къ граціямъ привелъ.
Поэтъ, лѣтній, счастливецъ
И тонкій философъ,
Мечтаетъ тамъ Крыловъ
Подъ тѣнию березы
О басеныхъ звѣряхъ

И рвать парнасски розы
Въ Пріютинскихъ лѣсахъ.
И Гнѣдичъ тамъ мечтаетъ
О греческихъ богахъ,
Межъ тѣмъ какъ замѣчасть
Кипренскій лица ихъ
И кистю чудесной,
Съ безопасностью прелестной,
Вандиковъ ученикъ,
Въ одинъ крылатый мигъ
Онъ пишетъ ихъ портреты,
Которые отъ Леты
Спасли бы образцовъ,
Когда бы самъ Крыловъ
И Гнѣдичъ сочиняли,
Какъ пишетъ Тяниловъ
Иль Балдусы писали,
Забывъ и вкусъ, и умъ.
Но мы забудемъ шумъ
И суеты столицы,
Изладимъ колесницы,
Ударимъ по конямъ
И пустимся стрѣлою
Въ Пріютино съ тобою.
Согласенъ?—По рукамъ!

LXVI.

Изъ греческой антологіи.

I.

Изъ Мелеагра Гадарскаго.

Въ обители ничтожества унылой,
О, незабвенная, прими потоки слезъ
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,

И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ!
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни:
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе, все хладно, все молчитъ;
Надгробный факель мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что, вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите: что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о, мать-земля, съ сей данью горькихъ слезъ
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими и упокой въ гостепріимной сѣни.

II.

Изъ Асклепіада Самосскаго.

Свидѣтели любви и горести моей,
О, розы юныя, слезами омочены,
Красуйтесь въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей!
Помедлите, вѣнки, еще не увядайте!
Но если явится, пролейте на нее
Все благовоніе свое
И локоны ея слезами напитайте!
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ...
А вы, цвѣты, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!

III.

Изъ Гедила.

Свершилось: Никагоръ и пламенный Эротъ
За чапей Вакховой Аглаю побѣдили...
О, радость! Здѣсь они сей поясъ разрѣшили,
Стыдливости дѣвической оплотъ.
Вы видите: кругомъ разсѣяны небрежно
Одежды пышныя надменной красоты,
Покровы легкіе изъ дымки бѣлоснѣжной
И обувь стройная, и свѣжіе цвѣты;
Здѣсь вѣрь развалины роскошнаго убора,
Свидѣтели любви и счастья Никагора!

IV.

Яворъ къ прохожему.

Изъ Антипатра Фессалійскаго.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется,
Какъ любить мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь;
Завялъ... Но виноградъ со мной не разстается.

Зевеса умоли,
Прохожий, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепель твой любилъ, оставшись на земли!

V.

Нереиды на развалинахъ Коринея.

Изъ Антипатра Фессалійскаго.

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золь твоихъ?
Гдѣ стогны шумные и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышные и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
Увы, погибъ навѣкъ Коринея столповѣнчанный,
И самый пепель твой развѣянъ по полямъ!
Все пусто: мы одни взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной.

VI.

„Куда красавица?“— „За дѣломъ, не узнаешь!“—
„Могу ль надѣяться?“— „Чего?“— „Ты понимаешь!“—
„Не время!“— „Но взгляни: вотъ золото, считай!“—
„Не болѣ? Шутишь? Такъ прощай!“

VII.

Изъ Павла Силенціарія.

Сокроемъ навсегда отъ зависти людей
Восторги пылкіе и страсти упоенія.
Какъ сладокъ поцѣлуй въ безмолвіи ночей,
Какъ сладко тайное любви наслажденье!

VIII.

Изъ него же.

Въ Лaisѣ иравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры,
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ

И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ.

Я таялъ, и Лaisа млѣла...

Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,
И слезы градомъ изъ очей!

Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей.

„Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?“—

„Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобою?“—

„Спокойся, ничего, бессмертными клянусь!
„Я мыслю была встревожена одною:
„Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь!“

IX.

Къ престарѣлой красавицѣ.

Изъ него же.

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красотой,
Не зреющей въ таинствахъ любовнаго искусства:
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень:
И въ осень дней твоихъ не погасаетъ пламень,
Текущій съ жизнью въ крови.

X.

Изъ него же.

Увы, глаза потухшіе въ слезахъ,
Ланиты впалыя отъ долгаго страданья
Родятъ въ тебѣ не чувство состраданья—
Жестокую улыбку на устахъ...
Вотъ горькіе плоды любви страстной,
Плоды ужасные мученій безъ отрадъ,
Плоды любви, достойные наградъ,
Не участіи, для сердца столь ужасной...
Увы, какъ молниѧ внезапная небесь,
Въ насъ страсти жизнь младую пожираютъ
И въ жертву безотрадныхъ слезъ,
Коварныя, навѣки покидаютъ.
Но ты, прелестная, которой мнѣ любовь
Всего—и юности и счастія дороже,
Склонись, жестокая!.. И я воскresну вновь,
Какъ былъ или еще бодрѣе и моложе!

XI.

Изъ него же.

Улыбка страстная и взоръ краснорѣчивый,
Въ которыхъ вся душа, какъ въ зеркалѣ, видна,
Сокровища мои... она
Жестокимъ Аргусомъ со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:

Ревнивецъ злой, страшись любви очей!
Любовь мнѣ таинство быть счастливымъ открыла,
Любовь мнѣ скажеть путь къ красавицѣ моей:
Любовь тебя читать въ сердцахъ не научила.

XII.

Изъ него же.

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой.
Конецъ бореню,—увы,—всему конецъ
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ,
Услышьте голосъ мой послѣдній и унылой!
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгораю;
Я вяну, но еще такъ пламенно люблю
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣдишь, умираетъ
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ.

XIII.

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ, но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна.
О, юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣрайся членою, плыви!

LXVII.

Князю П. И. Шаликову.

При полученіи отъ него въ подарокъ книги, имъ переведенной.
Чѣмъ заплачу вамъ, милый князь,
Чѣмъ отдарю почтенаго поэта?
Стихами? Но давно я съ музой рушилъ связь
И безъ нея кругомъ летаю свѣта,
Съ востока къ западу, отъ сѣвера на югъ—
Не тамъ, гдѣ вы, гдѣ градій кругъ,
Гдѣ Аполлонъ съ парнаскими сестрами,
Нѣтъ, нѣтъ, въ странѣ иной,
Гдѣ ввѣкъ не повстрѣчаюсь съ вами:
Въ пыли, въ грязи, на тряской мостовой,
„Въ картузѣ съ козырькомъ, съ небритыми усами“,
Какъ Пушкина герой,
Воспѣтый имъ столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящаго адъ.
Страданій вамъ моихъ не въ силахъ я исчислить.

Скачи туда, сюда, хоть радъ или не радъ,
Гдѣ жь время чувствовать и мыслить?

Но время, къ счастью, есть любить
Друзей, ихъ славу и успѣхи
И въ дружбѣ находить

Неизъяснимыя для черствыхъ душъ утѣхи.
Вотъ мой удѣлъ, почтенный мой поэтъ:
Оставя отчій край, увижу новый свѣтъ
И небо новое, и незнакомы лица,
Везувій въ пламени и Этны вѣчный дымъ,
Кастратовъ, оперу, фигляровъ, папскій Римъ
И прахъ, священный прахъ всемірныя столицы.
Но гдѣ бѣ я ни былъ (такъ я молвлю въ добрый часъ),
Не измѣнююсь, душою тотъ же буду
И умирая не забуду
Москву, отчество, друзей моихъ и васъ!

11-го сентября 1818 года.

1819.

LXVIII.

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ,
И есть гармонія въ семъ говорѣ валовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ стала подъ холодомъ годовъ.
Тобою въ чувствахъ оживаю:
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать обѣ нихъ, не знаю.
Шуми же, ты, шуми, угрюмый океанъ!
Развалины на прахѣ строить
Минутный человѣкъ, сей суетный тиранъ,
Но море чѣмъ себѣ присвоить?
Трудися, созидаѣ громады кораблей...

LXIX.

Ты пробуждаешься, о Байя, изъ гробницы
При появленіи Аврориныхъ лучей,
Но не отдастъ тебѣ багряная денница
Сиянія протекшихъ дней,

Не возвратить убѣжищѣй прохлады,
Гдѣ нѣжились рои красоты,
И никогда твои порфирины колониады
Со дна не встанутъ синихъ водъ!

1820.

LXX.

Надпись для гробницы дочери г-жи Малышевой.

О, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный:
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли,
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Имъ молви отъ меня: Не сѣтуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я
И знаю вѣчность.

1821.

LXXI.

Подражанія древнимъ.

I.

Безъ смерти жизнь не жизнь, и что она? Сосудъ,
Гдѣ капли меду средь полыни!
Величественъ сей понть! Лазурной царь пустыни,
О, солнце, чудно ты среди небесныхъ чудъ!
И на землѣ прекраснаго столь много!
Но все поддѣльное иль втунѣ серебро...
Плачь, смертный, плачь! Твое добро
Въ рукѣ у Немезиды строгой!

II.

Скалы чувствительны къ свирѣли;
Верблюдъ прислушивать умѣеть пѣснь любви,
Стеня подъ бременемъ; румянѣе крови—
Ты видишь—розы покраснѣли
Въ долинѣ Іемена отъ пѣсней соловья...
А ты, красавица!.. Не постигаю я.

III.

Взгляни: сей кипарисъ, какъ наша степь, безплоденъ,
Но свѣжъ и зелень онъ всегда.

Не можешь, гражданинъ, какъ пальма дать плода?
 Такъ буди съ кипарисомъ сходень:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!

IV.

Когда въ страданіи дѣвица отойдетъ,
 И трупъ синѣющій остынетъ,
Напрасно на него любовь и амвру льетъ,
 И облакомъ цвѣтовъ окинетъ:
Блѣдна какъ лилія въ лазури васильковъ,
 Какъ восковое изваянье.
Пѣть радости въ цвѣтахъ для вянущихъ перстовъ,
 И суетно благоуханье.

V.

О, смертный, хочешь ли безбѣдно перейти
 За море жизни треволненной,—
Не буди гордъ и въ вѣтъ попутный опусти
 Свой парусъ, счастіемъ надменный!
Не покидай руля, какъ свистнетъ ярый вѣтъ!
Будь въ счастыи Сципіонъ, въ тревогѣ браніи Петръ!

VI.

Ты хочешь меду, сынь, такъ жала не страшись!
 Вѣнца побѣды—смѣло къ бою!
Ты перловъ жаждешь, такъ спустись
На дно, гдѣ крокодиль зіаетъ подъ водою!
Не бойся! Богъ рѣшилъ. Лишь смѣлымъ онъ отецъ,
Лишь смѣлымъ перлы, медъ иль гибелъ... иль вѣнецъ.

Шафгаузенъ 7-го іюня 1821.

LXXII.

Изреченіе Мельхиседека.

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаешь съ жизнью, съдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родился человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едва ли скажетъ,
Зачѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терзанъ, исчезъ.

Сатирическія пьесы.

1804.

I.

Посланіе къ стихамъ моимъ.

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frères.
Voltaire.

Стихи мои, опять за васъ я принимаюсь!
Съ тѣхъ поръ, какъ съ музами къ несчастью обращаюсь,
Покою ни на часъ... О, мой враждебный рокъ!
Во снѣ и наяву кастанъльскій льется токъ!
Но съ страстью писать не я одинъ родился:
Чуть стопы размѣрять кто только научился,
За славою бѣжитъ—и бѣдный риѳомоторъ
Въ награду обрѣтеть не славу, но позоръ.
Куда ни погляжу, вездѣ стихи мараутъ,
Подъ кровлей пѣсенки и оды сочиняютъ.
И бѣдный Стукодѣй, что прежде былъ капраль,
Не знаю для чего, теперь поэтомъ сталъ:
Нѣть хлѣба ни куска, а роскошь выхваляетъ
И граціямъ стихи голодный сочиняетъ;
Пить воду, а вино въ стихахъ льеть черезъ край;
Филису намъ твердить: „Филиса, ты мой рай!“
Потомъ, возвысивъ тонъ, героеvъ воспѣваетъ:
Въ стихахъ его и самъ Суворовъ умираетъ!
Бѣдняга, удержись, брось, брось писать совсѣмъ!
Не лучше ли тебѣ маршировать съ ружьемъ?
Плаксивинъ на слезахъ съ ума у насъ сошелъ:
Все пишеть, что друзей на свѣтѣ не нашелъ!
Повѣрю: вѣдь съ людьми нельзя ему ужиться,—
Итакъ, не мудрено, что съ ними онъ бранится.
Безриѳоминъ говорить о милыхъ, о сердцахъ,
Чувствительность души твердить въ своихъ стихахъ;
Но книгъ его,—увы!—никто не покупаетъ,
Хотя ихъ Глазуновъ въ газетахъ выхваляетъ.

Глупонъ за деньги радъ намъ всякаго бранить,
И даже онъ готовъ поэ мой уморить.
Иному въ умъ придетъ, что вкусть возстановляеть:
Мы вѣримъ всѣ ему — кругами утверждаетъ!
Другой ужо спѣшить намъ драму написать,
За коей будемъ мы не плакать, а зѣвать.
А третій наконецъ... Но можно ли помыслить
Всѣ глупости людей въ подробности исчислить?..
Наикрасный будеть трудъ, но въ немъ и пользы нѣтъ:
Сатирою нельзя перемѣнить намъ свѣтъ.
Зачѣмъ съ Глупономъ мнѣ, зачѣмъ всегда браниться?
Онъ также на меня готовъ вооружиться.
Зачѣмъ Безриемину бумагу не марать?
Всякъ пишеть для себя: зачѣмъ же не писать?
Дымъ славы, хоть пустой, любезенъ намъ, пріятенъ;
Гласъ разума, — увы! — къ несчастію, не внятенъ.
Поэты есть у насть, есть скучные врали;
Они не вверхъ лягать, не къ небу, но къ земли.

Давно я самъ въ себѣ, давно уже признался,
Что въ мирѣ, въ тишинѣ мой вѣкъ бы провождался,
Когда бъ проклятый Фебъ мнѣ не вскружилъ весь умъ;
Я презиралъ бы тогда и славы тщетный шумъ
И жилъ бы такъ, какъ ханъ во славномъ Кашемирѣ,
Не мысля о стихахъ, о музахъ и о лирѣ.
Но нѣтъ... Стихи мои, безъ васъ нельзя мнѣ жить,
И дня безъ риомъ, безъ стопъ не можно проводить!
Къ несчастію моему, мнѣ надобно признаться,
Стихи какъ женщины: намъ съ вами ли разстаться?..
Когда не любять насть, хотимъ ихъ презирать,
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать!

1805.

II.

На книгу подъ названіемъ: Смѣсь.

По чести это смѣсь:
Тутъ проза и стихи, и авторская спесь.

III.

Безриемина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье,
Быть такъ! Его жъ, друзья, невинное творенье
Свою смертію умреть.

1809.

IV.

Мадригалъ новой Сафо.

Ты— Сафо, я— Фаонъ; объ этомъ я не спорю:
Но, къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

V.

Мадригалъ Мелинѣ, которая называла себя нимфою.

Ты нимфа Іо, нѣть сомнѣнья,
Но только... послѣ превращенья!

VI.

Какъ трудно Бибрису со славою ужиться!
Онъ пьеть, чтобы писать, и пишетъ, чтобы напиться!

VII.

Эпиграмма на переводъ Виргилия.

Вдали отъ храма музъ и рощей Геликона
Фебъ мстительной рукой сатира задавилъ¹⁾;
Воскресъ уродъ и отомстилъ:
Друзья, онъ душитъ Аполлона!

VIII.

Эпиграмма.

„Не годенъ ни къ чему Глупницкаго журналъ“.
Зоилы дерзкие, вы ль это говорите?
Неблагодарные, я развѣ не видалъ,
Когда бывало вы табакъ со мной курите,
Когда что завернуть понадобится вамъ,
Журналъ Глупницкаго всегда тутъ пригодится.
Но я васъ накажу: ни нумера не дамъ
Журнала этого, когда вамъ не заспится.

¹⁾ Всѣмъ извѣстна участъ Марсія.

IX.

Видѣніе на берегахъ Леты.

Ma muse sage et discrète
Sait de l'homme d'honneur distinguer le poète.
Boileau.

Вчера, Бобровымъ утомленный,
Заснуль и видѣлъ чудный сонъ:
Какъ будто свѣтлый Аполлонъ,
За что не знаю прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ.
Изрекъ—и всѣ упали мертвы
Невинны Аполлона жертвы.
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ
Въ издранномъ шлафорѣ широкомъ,
Голоденъ, нагъ и утомленъ
Упрямой риѳомъ къ свѣтлу небу.
Другой, въ Цитеру принесенъ,
Красу умильную, какъ Гебу,
Хотѣлъ въ жару насильно... пѣть
И пѣлъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
Вездѣ, о, милосерды боги,
Вездѣ пируетъ алчна смерть,
Косою острой быстро машетъ,
Богату ниву аду пашетъ
И губить Фебовыхъ дѣтей,
Какъ вѣтъ осенний злакъ полей.

Межъ тѣмъ въ Элизіи священномъ,
Лавровымъ лѣсомъ осѣненномъ,
Подъ шумомъ касталійскихъ водъ,
Пѣвцовъ нечаянныи приходъ
Узналъ почтенный Ломоносовъ,
Херасковъ, честь и слава Россовъ,
Честолюбивый Фебовъ сынъ,
Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ,
Замысловатый Сумароковъ
И, Мельпомены другъ, Княжнинъ.
И ты сидѣлъ въ толпѣ избранной,
Стыдливой граціей вѣнчанной,
Пѣвецъ прелестныя мечты,
Между Псишней легкокрылой
И бога нѣжной красоты!
И ты тамъ былъ, наѣздникъ хилой
Строптива дѣвственницъ сѣдла,
Трудолюбивый какъ пчела,
Отецъ стиховъ Телемахиды!
И ты, что сотворилъ обиды

Венеръ дѣственной, Барковъ!
И ты, о, мой пѣвецъ незлобный,
Хемницеръ, въ басняхъ безподобный!
Всѣ словомъ, коихъ богъ пѣвцовъ
Вѣничаль безсмертія лучами,
Сидѣли тамъ оливъ въ тѣни,
Обнявшись съ прежними врагами;
И спорили еще они
О томъ, о семъ и не безъ шума.
(И въ раѣ—думаю—у насъ
У всякаго своя есть дума,
Разсудокъ своей и вкусъ, и глазъ.)
Садились всѣ за пиръ богатый,
Какъ вдругъ Маинъ сынъ крылатый,
Присланный высшимъ божествомъ,
Сказалъ сидящимъ за столомъ:
„Сюда, на берегъ тихой Леты,
„За мной идутъ толпой поэты.
„Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
„Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ.
„Здѣсь опытъ будетъ правосудный!
„Стихи и проза безразсудны
„Потонутъ вмигъ... Такъ Фебъ судилъ!“
Сказалъ Эрмій и силой криль
Отъ ада къ небу воспарилъ.

„Ага“, фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ,
„Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
„Но по заслугамъ и уму“.
„Да много ли“, въ отвѣтъ ему
Сказалъ смѣяся Сумароковъ,
„Пѣвцовъ найдете безъ пороковъ?
„Поглотить Леты всѣхъ струя,
„Поглотить всѣхъ, иль я не я!“
„Посмотримъ“, продолжалъ вполгласа
Нѣвецъ, проклятый отъ Парнаса ¹⁾;
„Егда прийдутъ...“ Но вотъ они,
Подобно какъ въ осенни дни ²⁾
Поблекши листвія древесны,
Что буря въ долахъ разнесла,
Такъ тѣнямъ симъ не вѣсть числа!
Идутъ толпой въ ущелья тѣсны
Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
Идутъ подъ бременемъ трудовъ;
Безгласны, блѣдны приступаютъ,
Любезныхъ дѣтишь купаютъ...
И болѣе не зрять въ волнахъ.

¹⁾ Тредьяковскій.

²⁾ Смотри VI пѣснь Энеиды.

По тутъ Минось, пѣвцамъ на страхъ,
Старикъ угрюмый и курносый,
Чинить расправу и вопросы:
„Кто ты? Вѣщай!“—„Я тотъ поэтъ,
„По счастью очень плодовитый“,
Былъ тѣни маленькой отвѣтъ,
„Я тотъ, вѣнками розъ увитый,
„Поэтъ, философъ, педагогъ,
„Который задушилъ Виргиля,
„Алкею окоротиль крылья,
„Я здѣсь: сего бо хощеть богъ
„И долгъ священныя природы...“¹⁾
„Кто ты, болтунь?“—Я Мерзляковъ...“
„Ступай и окунися въ воды!“—
„Иду... Во мнѣ вся мерзнетъ кровь...
„Душа всего, душа природы,
„Спаси... спаси меня, любовь!
„Авось!“—„Нѣтъ, нѣтъ, болтунь несчастный“,
Сказалъ ему Эротъ прекрасный,
Который тутъ съ Псишней былъ²⁾,
„Ступай, пошелъ!..“ И нѣтъ педанта!

„Кто ты?“ спросилъ допросчикъ тѣнь,
Несущу связку фоліанта.
„Увы, я цѣлу ночь и день
„Писалъ, пишу и вѣчно буду
„Писать все прозой безъ еровъ;
„Невиненъ я. На эту груду
„Смотри: здѣсь тысячи листовъ,
„Священной пыллю покрытыхъ,
„Печатью мелкою убитыхъ,
„И нѣтъ ера ни одного.
„Да я...“—„Скорѣй купать его!“

Но тутъ явились лица новы
Изъ бѣлокаменной Москвы.
Какія странныя обновы!
Отъ самыхъ ногъ до головы
Обшиты платья ихъ листами,
Гдѣ прозой дѣтской и стихами.
Иной—кладбище, мавзолей,
Другой журналъ души своей,
Другой—Меланію, Зюльмису,
Глафиру, Хлою, Миликтрису,
Луну, веспера, голубковъ,

¹⁾ Полустишіе, взятое изъ прекраснаго сочиненія г. Мерзлякова: Тѣнь Кукова, котораго никто не понимаетъ.

²⁾ Г. Мерзляковъ продолжилъ, какъ видно, Душеньку. Амуръ въ стихахъ его на сорока страницахъ плачетъ.

Барановъ, кошечъ и котовъ ¹⁾
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ унылыхъ
На всякий ладъ для женщинъ милыхъ...
О, вѣкъ желѣзный!.. А онѣ
Не только въявѣ, но во снѣ
Поэтовъ не видали бѣдныхъ.
Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ
Одинъ, причесанный въ тупей,
Поэтъ присяжный, князь вралей,
На судѣ явилъ творенья новы.

„Кто ты?“— „Увы, я пастушокъ,
Вздыхатель, завсегда готовый;
Вотъ мой баранъ и посошокъ,
Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ,
Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
Которыми дышалъ и жилъ,
Которымъ я насильно милъ;
Вотъ мой Амуръ, моя Аглая...“ ²⁾
Сказалъ и, тягостно зѣвая,
Спросонья въ Лету поскользнуль.

„Уфъ, я усталъ! Подайте стуль!“
„Позвольте мнѣ, я очень славенъ,
Безсмертенъ я — пока забавенъ!“—
„Кто жъ ты?“— „Я русскій и поэтъ! ³⁾
Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой,
Разсудокъ не имѣю здравой,
Да русское люблю душой;
Для русскихъ правъ мой толкъ кривой!“.
„Кто жъ ты?“— „Жанъ-Жакъ я русскій,
Расинъ и Юнгъ, и Локкъ я русскій;
Три драмы русскихъ сочинилъ
Для русскихъ. Нѣтъ ужъ больше силь
Писать для русскихъ драмы слезны;
Труды мои всѣ бесполезны!
Причина порча нравовъ въ томъ“.
Сказалъ — и бухъ въ рѣку потомъ.

Тутъ Сафы русскія печальны,
Какъ бабки наши повивальны,
Несли расплаканныхъ дѣтей.
Одна — прости Богъ эту даму!—
Несла уродливую драму,
Позоръ для ада и мужей,
У коихъ сочиняютъ жены.
Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!“—

¹⁾ Это все, даже и кошки, воспѣты въ Москвѣ. Ссылаюсь на журналы.

²⁾ Аглая — вовсе не грація, а журналъ князя Шаликова.

³⁾ Нѣкто въ Москвѣ, а не въ Пекинѣ, издастъ журналъ для Русскихъ.

„Ага!“ судья пѣвицѣ сей,
„Названья этого довольно!
„Сударыня, мнѣ очень больно,
„Что вы, забывъ послѣдній стыдъ,
„Убили драмою Густава.
„Въ рѣку, въ рѣку!..“ О, жалкій видъ!
О, тщетная поэтомъ слава!
Исчезла Сафо! Нѣтъ ея!..
Потомъ, за нею обѣ дамы,
На дамъ живыя эпиграммы,
Хватившись за покровъ ея,
Совсѣмъ имъ не въ приличномъ видѣ
(Скажу пѣвицамъ не къ обидѣ),
Нырнули въ глубь туманныхъ водъ.
„Кто ты?“— „Я—виноносный гений!
„Поэмы три да сотню одѣ,
„Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,
„Гдѣ роща ржуща ружій ржѣтъ ¹⁾),
„Писалъ съ заказу Глазунова
Всегда на срокъ... Что вижу я?
„Здѣсь рѣстъ между водъ ладья,
„А тамъ въ разрывахъ черна крова
„Уранія, душа сихъ сферъ,
„И всѣ титаны ледовиты,
„Прозрачной мантіей покрыты,
„Слезятъ... Изсякнулъ изувѣръ
„Отъ взора пламенной эгиды!“
Одинъ отецъ Телемахиды
Слова сіи умѣль понять.
На томъ брегу рѣки забвенья
Стояли тѣни въ изумленьи
Отъ рѣчи сей. „Изволь купать
Себя и всѣхъ своихъ уродовъ“,
Сказалъ, не слушая доводовъ,
Угрюмый адскій судія.
„Да всѣхъ поглотить васъ струя!“

Но вдругъ на адскій берегъ дикій
Призракъ чудесный и великій
Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ
Тихонъко тянется къ рѣкѣ.
На мѣсто клячей запряжены
Тамъ люди, въ хомуты вложены,
И тянутъ кое-какъ гужомъ.
За нимъ, какъ въ осень трутни праздны
Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ,
Летять толпою тѣни разны

¹⁾ Стихъ изъ сочиненій г. Боброва.

И тамъ, и сямъ. По слову: стой!
Кинула блѣдна тѣнь главой
И вышла съ кашлемъ изъ повозки.
„Кто ты?“ спросилъ ее Минось,
„И кто сій?“ На сей вопросъ:
„Мы—академіи поэты россіи“,
Сказала тѣнь. „По кто сіи
„Несчастны, въ клячей превращенны?“
„Сочлены юные мои,
„Любовью къ славѣ воспаленны.
„Они Пожарскаго поютъ
„И топятъ старца Гермогена;
„Ихъ мысль на небеса вперена,
„Слова жъ изъ Библіи беруть.
„Стихи ихъ хоть немножко жестки,
„Но истинно варяго-россіи“.—
„Да кто жъ ты самъ?“—„Я также членъ,
„Кургановымъ писать учень,
„Пзвѣстенъ сталъ не пустяками,
„Терпѣньемъ, побомъ и трудами.
„Я есмь зѣло славянофилъ“.
Сказаль и книгу растворилъ.
При словѣ семъ въ блаженной сѣни
Поэтовъ приподнялись тѣни.
Пѣвецъ Любовныя ъзы
Осклабилъ взоръ усмѣшкой блудной ¹⁾
И рѣкъ: „Въ мужѣхъ умомъ не скучной.
„Обрѣтшій рѣдки красоты
„И смыслъ въ моей Деидаміи,
„Се ты, се ты!..“—„Слова пустыя!“
Угрюмый судія сказалъ
И въ рѣку путь имъ показалъ.
Къ рѣкѣ всѣ двинулись толпою,
Пыряли всячески въ водахъ;
Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,
Тотъ цѣлу книжицу съ собою.
Одинъ, одинъ славянофилъ,
И то повыбившись изъ силъ,
За всѣхъ трудовъ своихъ громаду,
За твердый умъ и за дѣла
Вкусилъ безсмертія награду.

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла
Перяхой и въ нарядѣ странномъ:
Въ широкомъ шлафорѣ издранномъ,
Въ пуху, съ нечесанной главой,
Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
„Меня врасплохъ“, она сказала,

¹⁾ Блудная усмѣшка истолкована въ ъздѣ на островъ любви.

„Въ обѣдъ парочно смерть застала,
„Но съ вами я опять готовъ
„Еще хоть сызнова отвѣдать
„Вина и адскихъ пироговъ:
„Теперь же часть, друзья, обѣдать.
„Я вашъ знакомый, я Крыловъ“ ¹⁾.
„Крыловъ, Крыловъ!“ въ одно вскричало
Собранье шумное духовъ,
И эхо шумно повторяло
Подъ сводомъ адскимъ! „Здѣсь Крыловъ!“
„Садись сюда, пріятель милый!
„Здоровъ ли ты?“ — „И такъ, и сякъ“. —
„Ну что жъ ты дѣлалъ?“ — „Все пустякъ:
„Тянуль тихонько вѣкъ унылый,
„Пилъ, сладко ъль, а болѣ спаль.
„Ну вотъ, Минось, мои творенья;
„Съ собой я очень мало взялъ:
„Комедіи, стихотворенья,
„Да басни всѣ“. — „Купай, купай!“
О, чудо!.. Всплыли всѣ! И вскорѣ
Крыловъ, забывъ житейско горе,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

Еще продлилось сновидѣніе,
Но ваше длится ли терпѣніе
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно:
Другого и обидѣть можно,
А Боже упаси того!

1810.

X.

На переводъ Генріады или превращеніе Вольтера.

„Что это!“ говорилъ Плутонъ,
„Остановился Флегетонъ,
„Мегера, фуріи и Церберъ онѣмѣли,
„Внимая иѣнью твоему,
„Пѣвецъ безсмертной Габріели?
„Умолкни!.. Но сему
„Безбожнику въ награду
„Поищемъ страшныхъ мукъ, ужасныхъ даже аду,
„Содѣляемъ его
„Гнуснѣе самого
„Сизифа злова!“
Сказалъ и превратилъ — о, ужась! — въ Осякова.

¹⁾ Крыловъ познакомился съ духами черезъ Почту духовъ.

XI.

Извѣстный откупщикъ Ѹаддей
Построилъ Богу храмъ... и совѣсть успокоилъ.
И впрямь! На все цѣны удвоилъ:
Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
Съ людей.

XII.

Теперь, сего же дня,
Прощай, мой экипажъ и рыжихъ четверня,
Лизета, ужинъ... Я съ вами распрошался
Навѣкъ для мудрости святой!
„Что сдѣлалось съ тобой?“
Бездѣлка... Проигрался!

XIII.

Истинный патріотъ.

„О, хлѣбъ-соль русская, о, прадѣлъ Филаретъ,
„О, милые остатки,
„Упрямство дѣдушки и ферязи прабабки!
„Безъ васъ спасенья нѣтъ,
„А вы, а вы забыты нами!“
Вчера горланилъ Фирсъ съ гостями
И, сидя у меня за лакомымъ столомъ,
Въ восторгѣ пламенномъ, какъ истый витязь русскій,
Съѣлъ соусъ, съѣлъ другой, а тамъ сальмисъ французскій
А тамъ шампанскаго хлебнулъ съ бутылку онъ,
А тамъ... подвинулъ стуль и сѣлъ играть въ бостонъ.

XIV.

Совѣтъ эпическому стихотворцу.

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полуടიკი:

Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
Ея не называй.

XV.

На поэмы Петру Великому.

Какъ страненъ здѣсь судѣбъ уставъ!
Пѣвцы Петровыхъ дѣлъ—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ,
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы!

1812.

XVI.

Всегдашний гость, мучитель мой,
О, Балдусъ, долго ль мнѣ зѣвать, дремать съ тобой?
Будь крошечку умнѣй или дай жить въ покоѣ!
Когда жестокій рокъ сведетъ тебя со мной,
Я не одинъ и нась не двое.

1813.

XVII.

Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ.

Эпико-лиро-комико-эпородическій гимнъ.

Пѣвецъ.

Друзья, всѣ гости по домамъ:
Отъ чтенья охмелѣли!
Конецъ и прозѣ, и стихамъ—
До будущей недѣли!
Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить
Вино изъ полной чаши.
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши!

Сотрудники.

Мы здѣсь одни... Что дѣлать? Пить и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья, уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди Бесѣды!
Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаются на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями.
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Мы всѣ для славы дышемъ
Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
Какъ Тредьяковскій, пишемъ.

Сотрудники.

Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ, и проч.

Пъвецъ.

Чья тѣнь подъ самыи потолкомъ
Предъ нашими глазами?
За нимъ, предъ нимъ—о, страхъ!—полкомъ
Поэты со стихами!
Се Тредьяковскій въ парикѣ
Намасленномъ съ кудрями,
Съ Телемахиою въ рукѣ,
Съ Ролленемъ за плечами.
Почто на насть, о, мужъ сѣдой,
Впериль ты страшны очи?
Мы всѣ клялись, клялись тобой
Съ утра до полуночи
Писать какъ ты, тебѣ служить.
Мы всѣ съ разсудкомъ въ ссорѣ,
Для славы будемъ жить и пить,
Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Писать какъ ты, тебѣ служить, и проч.

Пъвецъ.

Напьемся пьяны музамъ въ дань,
Какъ пили наши дѣды!
Разсудокъ къ чорту, вкусу брань,
Хвала сынамъ Бесѣды!
Пусть Ломоносовъ былъ умень,
А мы еще умнѣе;
За пьянство сталъ умнѣе онъ,
А мы еще пьянѣе.
Для славы будемъ жить и пить,
Врагамъ бѣда и горе!
На что разсудокъ намъ щадить?
Намъ по колѣни море!

Сотрудники.

Для славы будемъ жить и пить, и проч.

Пъвецъ.

Друзья, большои бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.
Родного края милый свѣтъ,
Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
Невинны мадригали,

Что вашу прелесть замѣнить?
О, лавка дорогая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

С о т р у д н и к и.

Что вашу прелесть замѣнить, и проч.

П ъ в е цъ.

Тамъ все знакомо для пѣвцовъ,
Тамъ наши дѣтки милы,
Кладбище милое стиховъ,
Бумажныя могилы,
Тамъ царство тлѣнья и мышей,
Тамъ Николевъ почтенный,
И древній прахъ календарей,
И прахъ газетъ священный!

С о т р у д н и к и.

Тамъ царство тлѣнья и мышей, и проч.

П ъ в е цъ.

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
Цвѣти, его держава!
Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
Предъ нимъ обѣгъ нашъ—слава,
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли глупость съ кровью.
Сумбуръ, здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый писарь-Славянинъ
Галиматью дышеть;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
Кто галлицизмы пишеть!

С о т р у д н и к и.

Нашъ каждый писарь-Славянинъ, и проч.

П ъ в е цъ.

Тотъ нашъ, кто день и ночь кадить
И намъ молебны служить!
Пусть публика его бранить
Но онъ о томъ не тужить,
За насъ всегда стоитъ горой,
Въ Бесѣдѣ не зѣваетъ...
Прямой сотрудникъ, братъ прямой
И въ браны помогаетъ!

Сотрудники.

За насъ всегда стоить горой, и проч.

Певецъ.

Хвала тебѣ, славянофилѣ,
О, мужъ неукротимой!
Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
Рукой неутомимой.
О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
Сколь холodenъ передъ столомъ
И критикамъ ужасенъ!
Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ...
Хвала сѣдому дѣду!
Друзья, онъ, онъ родилъ на свѣтъ
Славянскую Бесѣду!

Сотрудники.

Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ, и проч.

Певецъ.

Хвала тебѣ, о, дѣдъ сѣдой,
Хвала и многи лѣта!
Ошую пусть сидитъ съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой сынъ, наперникъ и клевретъ,
Шахматовъ безглатольный,
Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный!

Сотрудники.

Твой сынъ, наперникъ и клевретъ, и проч.

Певецъ.

Хвала тебѣ, о, Шаховской,
Холодныхъ шубъ кроитель,
Отецъ талантовъ, мужъ прямой,
Ежовой покровитель!
Телецъ, упитанный у насъ,
О, ты, болванъ болвановъ,
Хвала тебѣ, хвала сто разъ,
Раздутый Карабановъ!

Сотрудники.

Телецъ, упитанный у насъ, и проч.

Пъвецъ.

Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неистощимый,
Стихи твои какъ барабанъ
Для слуха нестерпимы!
Вездѣ съ стихами, тутъ и тамъ,
Вездѣ тѣ волкомъ рыщешъ,
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешъ.
Лишь за поэму—прочь идутъ,
За оду—засыпаютъ,
Ты за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ.

Сотрудники.

Лишь за поэму—прочь идутъ, и проч.

Пъвецъ.

Хвала, псаломщикъ нашъ, старикъ,
Захаровъ-преложитель,
Ревешь ты, какъ на волка быкъ,
Луговъ пустынныхъ жителъ!
Хвала тебѣ, протяжный Львовъ,
Ковачъ реченій смѣлый,
И Палицынъ, гроза чтецовъ,
Въ Поповкѣ посѣдѣлый!
Хвала, нашъ пасмурный Гервей,
Обруганный Станевичъ,
И съ польской лирою своей,
Холуй Анастасевичъ!

Сотрудники.

Хвала, нашъ пасмурный герой, и проч.

Пъвецъ.

Друзья, сей ковшъ пивной большой
За здравье Соколова!
Онъ право чтецъ у насъ лихой
И созданъ для Хвостова.
Въ твоихъ устахъ стихи ревутъ,
Какъ волны пѣной плещутъ;
Отъ грома ихъ невольно тутъ
Всѣ барыни трепещутъ.
Хвала, Бесѣды сей дѣячокъ,
Безумный Политковскій!
Жуешь, гнушишь и вдругъ стишокъ
Родишь славяноросскій.

Сотрудники.

Хвала, Бесѣды сей дьячокъ, и проч.

Пѣвецъ.

Ихъ груди каменной хвала,
Хвала скуламъ желѣзнымъ!
Но месть тому, кто нась бранить,
И точить эпиграммы,
Кто пишеть такъ, какъ говоритъ,
Кого читаютъ дамы!

Сотрудники.

Но месть тому, кто нась бранить, и проч.

Пѣвецъ.

Сей кубокъ миценью! Други, въ строй,
И мигомъ перья въ длани!
Сразить иль пасть—нашъ роковой
Обѣть въ чернильной браны.
Вотще свои, о, Карамзинъ,
Ты издалъ сочиненья:
Я, я на Пиндѣ властелинъ
И жажду лишь отмщенья!

Сотрудники.

Вотще свои, о, Карамзинъ, и проч.

Пѣвецъ.

Нѣть логики у нась въ домахъ,
Грамматикъ не бывало;
Мы Прологъ въ руки—гипии, врагъ,
Съ твоей дружиной вялой!
Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй—
Разсудокъ или миценье?
Пришлецъ, мы въ родинѣ своей!
За глупыхъ Провидѣнье!

Сотрудники.

Отвѣдай, дерзкій, что сильнѣй, и проч.

Пѣвецъ.

Друзья, прощанью сей стаканъ!
Ужъ свѣчи погасили,

Пробили зорю въ барабанъ,
Къ заутренъ звонили,
Пора домой, пора ко сну,
Отъ хмеля я шатаюсь...

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

Дай, басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

Всѣ.

Ахъ, нѣть, друзья, домой, домой!
Чу, пѣтухи пропѣли!
Прощай, Шишковъ, нашъ дѣдъ сѣдой.
Прощай, мы охмелѣли,
Но ты насть въ путь благослови!
А вы, друзья, лобзанья
Въ завѣтъ и новыя любви,
И новаго свиданья!

1815.

XVIII.

Памфилъ забавенъ за столомъ,
Хоть часто и на зло разсудку;
Веселостию обязанъ онъ желудку,
А памяти—умомъ.

